

БОЛЬШЕ КНИГИ

Ивлин Во

ОФИЦЕРЫ
И
ДЖЕНТЛЬМЕНЫ

ТРИЛОГИЯ

« И Н О С Т Р А Н К А »

Ивлин Во

Офицеры и джентльмены

«Азбука-Аттикус»

1952, 1955, 1961

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Во И.

Офицеры и джентльмены / И. Во — «Азбука-Аттикус», 1952,
1955, 1961

ISBN 978-5-389-19846-3

В романной трилогии «Офицеры и джентльмены» («Меч почета», 1952–1961) английский писатель Ивлин Во, известный своей склонностью выносить убийственно-ироничные приговоры не только отдельным персонажам, но и целым сословиям, обращает беспощадный сатирический взгляд на красоту и гордость Британии – ее армию. Проследив судьбу лейтенанта, а впоследствии капитана Гая Краучбека, проходящего службу в Королевском корпусе алебардчиков в годы Второй мировой войны, автор развенчивает державный миф о военных – «строителях империи». Наивное восхищение главного героя «вооруженными людьми» и его возвышенные мечтания о доблести, подвигах и служении отечеству мало-помалу уступают место острому разочарованию, которое завершается «безоговорочной капитуляцией» прежних романтических идеалов Краучбека перед лицом неприглядной реальности одряхлевшей военной машины «старой доброй Англии» – с ее бюрократизмом, карьеризмом, чиновничеством и коррупцией, глупостью, напыщенностью, трусостью и подчас бессмысленной жестокостью...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-19846-3

© Во И., 1952, 1955, 1961

© Азбука-Аттикус, 1952, 1955, 1961

Содержание

Вооруженные люди	7
Пролог	7
1	7
2	12
3	22
Книга первая	29
1	29
2	38
3	48
4	51
5	56
6	61
7	65
8	68
9	73
10	78
Книга вторая	89
1	89
2	93
3	100
4	104
5	106
6	109
7	111
8	115
9	118
10	122
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Ивлин Во

Офицеры и джентльмены

Evelyn Waugh

MEN AT ARMS

Copyright © Evelyn Waugh, 1952

OFFICERS AND GENTLEMEN

Copyright © Evelyn Waugh, 1955

UNCONDITIONAL SURRENDER

Copyright © Evelyn Waugh, 1961

All rights reserved

© Г. Б. Косов (наследники), перевод, 2021

© Ю. В. Фокина, перевод, 2010

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство Иностранка®

Вооруженные люди

Посвящается Кристоферу Сайксу, моему товарищу по оружию

Пролог Меч почета

1

Медовый месяц Джарвиса и Гермионы, деда и бабки Гая Краучбека, протекал в Италии. Рим был тогда под защитой войск Наполеона III, верховный понтифик катался в открытом экипаже, кардиналы для верховых прогулок облюбовали Пинцийский холм – и дамские седла.

Двадцать палаццо распростирали объятия для молодой четы; чета удостоилась аудиенции у папы Пия, в ходе коей Его святейшество благословил союз двух английских семейств, принявших страдания за Веру, однако ж не потерявших веса. Даже в годы «католической угрозы» в брумской часовне аккуратно служились мессы, а брумские земли простирались от Квантокса до Блэкдаунских холмов, не урезанные ни на пядь и не обремененные ни шиллингом долга. Славные висельники имелись в обоих семействах. Рим захлестнула волна колоритных новообращенных – Вечный город по старой памяти впитывал пену.

Джарвис Краучбек оглаживал бакенбарды, поднимал ирландский вопрос и вещал о католической миссии в Индии. Слушали с интересом. Гермиону влекло к живописным развалинам; подле ее этюдника Джарвис декламировал Теннисона и Патмора. Она отличалась миловидностью и щебетала на трех языках; он воплощал джентльменский набор глазами латинянина. Приукрашенная чета была многократно превознесена и обласкана; о том, как чета несчастна, не догадывались. Ни вздохом, ни взглядом молодые не выдавали своего несчастья – однако же, когда смолкал стук последнего экипажа и закрывалась дверь спальни, скромность и страх перед девством продолжали точить и углублять прискорбную брешь, поминаемую обоими только в молитвах.

А потом молодые вместе с другими баловнями судьбы поднялись на яхту (дело было в Неаполе) и не спеша обследовали побережье, к слову, весьма дикое. Тут-то, в каюте, стала наконец на место недостающая деталь их благословенной любви.

Они еще не спали и слышали, как смолк двигатель и гроыхнула якорная цепь. На заре Джарвис вышел на палубу и обнаружил, что яхта стоит в тени большого полуострова. Джарвис позвал Гермиону; так, рука в руке, с мокрого гакаборта, они впервые увидели Санта-Дульчина-делле-Рочче – и умиленными сердцами прияли и землю сию, и народ, ее населяющий.

Люди толпились на берегу, словно из постелей их выгнало землетрясение; над водою звенели голоса, в голосах звенел восторг перед диковинным судном. От причала на гору взбегали домишки; над ними, белеными и охряными, с кровлями ржавой черепицы, нависали собор с волютами по фасаду и нечто вроде замка с двумя внушительными бастиянами и разрушенною сторожевою башней – по крайней мере, таково было первое от нее впечатление. Городок упирался в террасированные поля, которые без предупреждения переходили в пустошь с валунами и диким шиповником. Будучи школьниками, Джарвис и Гермиона любили одну карточную игру – победитель в ней имел право крикнуть: «Мое!»

– Мое! – по праву счастливой новобрачной крикнула Гермиона.

Чуть позже англичане совершили высадку. Первыми, для страховки от приставучих туземцев, были пущены два члена команды. За ними шествовали четыре пары леди и джентльменов; далее – слуги, при корзинах для пикника, этюдниках и шальях. Леди были в белоснежных капитанках и частью с лорнетами, длинные юбки брезгливо подбирали. Джентльменам вменялось в обязанность держать над ними бахромчатые зонтики от солнца. Никогда еще Санта-Дульчина-делле-Рочче не видела подобной процессии. Англичане прошли под аркадами, ненадолго погрузились в прохладный полумрак собора. С базарной площади к замку вела лестница; ее предстояло преодолеть, чтобы увидеть укрепления.

К несчастью, от них осталось не много. Просторную мощеную площадку неумолимо разрушали сосны и раkitник. Сторожевая башня была засыпана щебнем. На склоне холма обнаружилось два домика; камень на них явно пошел из благородных развалин. Два крестьянских семейства, размахивая мимозами, выбежали навстречу англичанам. Решено было устроить пикник прямо здесь, в тенечке.

– Вы, верно, теперь разочарованы, – предположил владелец яхты. – С этими видами всегда одно и то же: только издали хороши.

– Ничего подобного, – запальчиво возразила Гермiona. – Это прелесть что такое! Мы будем здесь жить. И чтобы я больше слова дурного про наш замок не слышала!

Джарвис снисходительно посмеялся вместе со всей компанией, однако позже, когда отец его умер, когда казалось, что теперь они богаты, Гермонины мечты осуществились. Джарвис навел справки. Замок принадлежал престарелому гнуэзскому адвокату; тот с радостью пошел на сделку. Вскоре на развалинах вырос дом, совсем без затей. Ароматы сосны и мирта подсластил милый сердцу аромат левкоев. Джарвис и название придумал – «Вилла Гермiony», да оно не прижилось. Вырезанные на воротах буквы, нарочито «аутентичные», совершенно скрыла жимолость. Жители Санта-Дульчины говорили о новом доме исключительно как о «Кастелло Краучбеков»; в конце концов Джарвис смирился и допустил сей титул на свою писчую бумагу. Таким образом, анналы лишились звучного имени амбициозной новобрачной.

Впрочем, дух свой Кастелло сохранял вопреки названию. В течение пятидесяти лет, пока над семейством Краучбеков не сомкнулись тени, он был местом, где радовались и любили. Отец Гая и сам Гай приезжали сюда на медовый месяц. По этому же поводу Кастелло всегда уступали друзьям и родственникам. Именно здесь Гай, малолетний и счастливый, проводил каникулы с братьями и сестрою. Городок слегка подвергся наступлению цивилизации; впрочем, высшие силы уберегли его, да и весь благословенный полуостров, как от железной дороги, так и от дороги автомобильной. Появилось еще несколько вилл, построенных иностранцами. Гостиница увеличила площадь, решилась на канализацию, кафе-ресторан и название «Отель Эдем»; последнее во время Абиссинского кризиса¹ было поспешно сменено на «Albergo del Sol»². Владелец гаража возглавил местную фашистскую ячейку. И однако, спустившись на площадь утром в день отъезда, Гай не увидел практически ничего, что не было бы знакомо Джарвису с Гермiony. Только что пробило одиннадцать, солнце нещадно палило, а Гай, как его дед с бабкой в утро тайного ликования, шел быстро, почти бежал. Как и для них, для него усилия любви наконец увенчались первым плодом. Гай успел упаковать вещи и оделся для долгой дороги; мысленно он уже ехал в Англию, чтобы служить своему королю.

Всего семь дней назад Гай развернул утреннюю газету. Заголовок извещал о российско-германском альянсе. Новость, потрясшая политиков и юных поэтов доброй дюжины мировых столиц, принесла умиротворение одному отдельно взятому английскому сердцу. Восемь лет это сердце томилось от стыда и одиночества, и вот срок истек. Восемь лет Гай, уже и так

¹ Во время Абиссинского кризиса (1935–1936, другое название – Вторая итало-эфиопская война) министром иностранных дел Великобритании был Энтони Иден (1897–1977). Именно его устами Британия выражала неодобрение действий Муссолини. Фамилия Иден по-английски означает «Эдем, рай». – *Здесь и далее примеч. перев.*

² Гостиница «Солнце» (*ит.*).

отделенный от людей своего круга глубокою раною, раною, из которой вместе с кровью непрестанно выходила из Гая жизнь и любовь, был лишен обязанностей, имевших власть поддержать его дух. Гай слишком долго прожил на родине фашизма, чтобы разделять восторги своих соотечественников. Фашизм представлялся Гаю не бедствием и не возрождением, а всего-навсего топорной импровизацией. Гая отталкивали рвущиеся к власти итальянцы; в то же время критика из уст англичан казалась ему до того бессмысленной и лицемерной, что в последние три года Гай вовсе не выписывал английских газет. Немецких нацистов он полагал людьми психически ненормальными и дурными. Их действия в Испании заслуживали всяческого осуждения. Впрочем, к событиям в Богемии, имевшим место год назад, Гай отнесся совершенно равнодушно. Когда пала Прага, он понял: войны не миновать. Он ожидал, что Англия ввяжется в войну с бухты-барахты, сама не понимая для чего, не с теми союзниками, слабой, жалкой, неподготовленной. Теперь же все чудесным образом прояснилось. Враг наконец сбросил личину и явил свой истинный образ. Жуткий и омерзительный, вооруженный до зубов, на Гая надвигался Новый Век. И Гай решил: каковы бы ни были последствия, место в этой битве для него найдется.

Последние распоряжения в Каstellо были отданы. Гай даже визиты нанес все, какие следовало. Накануне он посетил протоиерея, подесту, мать-настоятельницу, миссис Гарри на вилле «Датура», Уилмотов в «Каstellетто Мусгрейв», графиню фон Глюк в «Каза Глюк». Оставался один визит, сугубо личный. Тридцати пяти лет от роду, узкокостный, щеголеватый, явно иностранец, хотя и не обязательно англичанин, помолодевший сердцем, Гай спешил попрощаться с добрым другом, что лежал – как и пристало человеку, вот уж восемь столетий как мертвому, – лежал, стало быть, в приходской церкви.

Святая Дульчина, номинальная покровительница городка, считалась Диолектиановой жертвой. Восковая ее фигура покоилась под главным алтарем, в стеклянном ларце. Мощи же, не без заварухи доставленные с греческих островов еще в Средние века, хранились в ризнице, в драгоценной шкатулке. Раз в году, под ливнем фейерверков, нарядная процессия обходила с ними городок. Собственно, о мученице, давшей городку имя, только в этот день и вспоминали – сердца местных жителей узурпировала другая историческая личность. Усыпальница этой личности была завалена записками и записочками, пальцы рук и даже ног унизаны разноцветными шерстяными нитками, завязанными на трогательный бантик – чтобы просьба не забылась. Сей покровитель возрастом превосходил самую церковь и все ее сокровища, за исключением непосредственно Дульчининых мощей да чертова пальца, реликвии еще дохристианской, скрываемой за алтарем (протоиерей, кстати, неустанно отрицал ее существование). Имя покровителя еще не стерлось на усыпальнице. Имя это было Роджер Уэйбрукский, рыцарь, англичанин; на гербе – пять соколов, одесную – меч и латная рукавица. Гаев дядюшка Перегрин, большой охотник до редкостей второ- и третьестепенной ценности, разыскал некоторые факты биографии сэра Роджера. Уэйброук, ныне Уэйбрук, где некогда стоял рыцарский замок, находится неподалеку от Лондона. Замок, конечно, давно погребен под более современными постройками, след его утерян. Сэр Роджер, крестоносец второй волны, начал поход из Генуи. У берегов счастливого полуострова корабль его потерпел крушение. Здесь он поступил на службу к графу, каковой граф обещался взять сэра Роджера в Святую землю, но прежде натравил на своего соседа. Под соседскими стенами сэр Роджер и пал, причем в славный миг победы. Граф устроил пышные похороны, и вот сэр Роджер долежал, можно сказать, до наших дней. Церковь разрушалась и отстраивалась, а он, не достигший Иерусалима и утративший Уэйброук, путник и должник до скончания времен, был принят жителями Санта-Дульчина-делле-Рочче, привыкшими во всем усматривать чудеса и каждому усмотренному чуду верить охотнее и скорее, нежели непреложному факту. Итак, несмотря на многочисленные возражения клерикального характера, сэра Роджера причислили к лику святых, стали одолевать просьбами о помощи и «на счастье» прикасаться к мечу, чем довели последний до зеркального блеска. Едва ли не

с детства – а теперь, в зрелом возрасте, особенно – Гай ощущал духовное родство с «il Santo Inglese»³. Нынче, в день отъезда, он устремился прямо к гробнице и провел пальцем по лезвию, точь-в-точь как местные рыбаки. «Сэр Роджер, молись за меня, – прошептал Гай. – За меня и за наше королевство, ибо оно в беде».

Исповедальня была занята – в этот день сестра Томазина всегда приводила школьников, дабы покаяться. Дети сидели на скамье у стены, перешептывались и щипались; сестра квохтала над ними, по одному подталкивала к решетке, оттуда – к главному алтарю, где и надлежало перечислять провинности.

Не потому, что совесть его была нечиста, а единственно по привычке исповедоваться перед всякой дорогой Гай сделал знак сестре Томазине и вклинился перед очередным малолетним грешником.

– Beneditemi, padre, perche ho peccato...⁴

Гаю легче было исповедоваться на итальянском. Он говорил грамотно – и без неожиданных оттенков в словоупотреблении. Такая степень владения языком предполагала стандартный набор мелких нарушений канона, проистекающих единственно из простой человеческой слабости; риск выйти за рамки приближался к нулю. Гай не хотел – да и не мог – углубляться в пустыню, где чахла его душа. Слов описать эту пустыню у него не было. Таких слов не было ни в одном языке. Ибо нельзя описать вакуум иначе, как умолчанием. «Для психиатров я интереса не представляю», – думал Гай. Скорбную душу его не терзали страсти космического масштаба – нет, восемь лет назад Гая всего-навсего постиг паралич в легкой форме. С тех пор все движения его души ощутимо замедлились. Миссис Гарри с виллы «Датура» назвала бы Гаево состояние заторможенностью. Ни убавить, ни прибавить.

Священник отпустил Гаю грехи традиционным «Sia lodato Gesu Cristo»⁵, Гай отвечал «Oggi, sempre»⁶, поднялся с колен, трижды произнес «Аве» пред восковой святой Дульчиной и, откинув кожаную занавесь, вышел на площадь, залитую слепящим светом.

Домишки на задворках Кастелло до сих пор населяли дети, внуки и правнуки пейзажистов, что с мимозой приветствовали Джарвиса и Гермину. Род занятий они не сменили – по-прежнему обрабатывали террасированные поля. Лелеяли лозу и делали вино; продавали оливки; в подземном хлеву держали чахлую корову – периодически несчастной удавалось сбежать, она вытаптывала грядки и сигала через низкую изгородь, пока не бывала поймана и водворена обратно в темницу, причем по накалу страстей зрелище тянуло на полноценную театральную постановку. За аренду платили продуктами и услугами. Сестры Жозефина и Бьянка выполняли домашнюю работу. К возвращению Гаю из церкви они накрыли стол под апельсиновыми деревьями – для прощального обеда. Гай съел спагетти и выпил местное *vino scelto*, красное, хмельное. И тут Жозефина торжественно внесла огромный нарядный пирог, специально испеченный по случаю его отъезда. Вялый Гаев аппетит был уже удовлетворен. С тревогой он смотрел, как Жозефина орудует ножом. Отведал. Превознес как мог. Раскрошил по тарелке сколько смог. Жозефина и Бьянка стояли над ним, неумолимые, что твои Эррини.

Такси было уже подано. Подъездной аллеи, в силу ландшафта, Кастелло не полагалось – от каменной лестницы к воротам вела пешеходная дорожка, и только. Гай поднялся. Как из-под земли выросли домочадцы, числом двадцать человек. Даже от сестры отвлеклись, чтоб его проводить. Каждый приложился к Гаевой руке. Многие всплакнули. Дети натащили цветов. Жозефина сунула Гаю на колени пирог в газете. Ему махали, пока такси не скрылось из виду, потом вернулись к делу более важному. Гай переложил пирог на заднее сиденье и вытер руки

³ Святой англичанин (ит.).

⁴ Благословите, отец, ибо я согрешил... (лат.).

⁵ Слава Иисусу Христу.

⁶ И ныне, и присно, и во веки веков (лат.).

носовым платком. Слава богу, все позади. Он стал ждать, пока заговорит секретарь фашистской ячейки.

Гай знал: его не любят. Ни в доме, ни вообще в городе. Принимают, уважают – но местным он не *simpatico*. Графиня фон Глюк, которая по-итальянски только на пальцах и с собственным дворецким не таясь сожительствует, – та да, та – *simpatica*. Миссис Гарри, которая протестантские трактаты распространяет, учит рыбаков методам убиения осьминогов и бездомных кошек приваживает, – та тоже *simpatica*.

Гаев дядюшка Перегрин, известный зануда, проклятие и бич светских салонов, – дядюшка Перегрин считается у местных *molto simpatico*. Или взять Уилмотов. Это же варвары, применяют к Санта-Дульчине принцип «После нас хоть трава не расти», не жертвуют на благотворительность, устраивают безобразные вечеринки, неприлично одеваются, говорят «итальяшки» и имеют привычку съезжать, не расплатившись с лавочниками, – но их четыре дочки, невоспитанные дурнушки, в Санта-Дульчине выросли, а, паче того, сын погиб, здесь же, когда вздумал со скал понырять. Для местных Уилмоты что неблизкая родня – такие тоже нужны, надо ведь кому-то кости мыть, чьим-то неприятностям радоваться, провожать, за лето промотавшихся и присмиривших, с распростертыми объятиями. Уилмоты – *simpatici*. Даже Мусгрейв, прежний владелец Кастеллетто (замок его имя сохранил), Мусгрейв, которому, по слухам, въезд в Англию и Америку заказан – там уже и ордера на арест готовы, Чудовище Мусгрейв, как называли его Краучбеки, – и тот *simpatico*. И только Гай, которого местные с детства знают, который на их языке говорит и их религию исповедует, не скупится на жертвоприношения и до болезненности шепетилен в вопросах обычаев и традиций; Гай, дед которого построил в Санта-Дульчине школу, а мать для ежегодных шествий с мощами святой Дульчины подарила ризы, выполненные мастерицами Королевской школы вышивания, – Гай здесь чужой.

– Надолго уезжаете? – спросил чернорубашечник.

– Пока война не кончится.

– Можно подумать, она начнется. Кому она нужна? Кто в ней победит, сами подумайте!

На каждой стене, где окна не мешали, красовалось трафаретное лицо Муссолини и лозунг «Вождь всегда прав». Фашистский секретарь снял руки с руля, закурил и прибавил скорости. «Вождь всегда прав», «Вождь всегда прав»... Надпись мелькнула напоследок и скрылась в облаке пыли.

– Война – большая глупость, – изрек фашист-недоучка. – Вот увидите, наши все уладят.

Гай промолчал. Ни слова, ни мысли таксиста его не интересовали. Вот миссис Гарри – та непременно затеяла бы спор. Однажды она нарвалась на этого таксиста – и потребовала остановить машину, и прошагала целых три мили по жаре, чтобы показать, до какой степени не разделяет его политических убеждений. У Гая, напротив, не было желания ни склоняться на свою сторону, ни внушать, ни вообще высказывать свое мнение. Несмотря на религиозность, выражения типа «брат во Христе» не находили у него отклика. Часто Гай жалел, что не родился во времена гонений на католиков, не несет службу в Бруме – единственном оплоте истинной Веры, окруженном врагами. Порой он даже воображал, как пред концом света, в катакомбах, ассистирует последнему папе на последней мессе. По воскресеньям Гай в церковь никогда не ходил – только по будням, с утра, пока народу нет. Жители Санта-Дульчины предпочли ему Чудовище Мусгрейва; хорошо же. После развода по первости у Гая было несколько любовных связей, жалких и непродолжительных; он их тщательно скрывал. Потом стал практиковать полное воздержание, которое даже священники находили противоестественным. Собственно, Гай и не льстил себе соображением, что не принимает его одна бессмысленная чернь. А уж слушать умничанья таксиста и вовсе сил не имел.

– История – это стихия, – меж тем цитировал таксист свеженькую статейку. – Нельзя ставить в ней точку, когда вздумается, и говорить: «После такой-то даты изменений не будет». Народы – они как отдельные люди: тоже стареют. Как отдельные люди, отдельные народы живут

богато, отдельные – не могут выбиться из нищеты. Почему я и говорю: наши все уладят. Если война начнется, все в нищете окажутся. Наши это знают. Они не допустят войны.

В слова Гай не вникал, на голос таксиста реагировал без раздражения. Его уже давно беспокоил только один жалкий вопросец: что делать с пирогом? В такси оставить нельзя: Бьянка с Жозефиной непременно узнают. В поезд тащить неудобно. Гай усиленно вспоминал, есть ли дети у вице-консула, с которым он намеревался обсудить некоторые детали выезда из Каstellо. Вроде есть. Решено: пирог пойдет детям.

Если не считать этой сладкой обузы, Гай уезжал налегке. Ничто не могло поколебать его счастливо обретенной уверенности – так же, как ничто не могло умалить прежнего горя. *Sia lodato Gesu Cristo. Oggi, sempre.* Да, именно сегодня; только сегодня.

2

Еще недавно Краучбеки процветали и славились многочисленностью; теперь ситуация изменилась. Гай был младший и, по всей вероятности, последний ребенок в семье – мать его умерла, отцу перевалило за семьдесят. Всего родилось четверо детей. Сначала Анджела, единственная дочь; потом Джарвис. Прямоком из даунсайдской католической школы он попал в полк Ирландских гвардейцев; в первый же день во Франции его настигла снайперская пуля. Джарвис погиб на месте, не успел ни обрасти окопной коростой, ни ошалеть от окопного сидения – бежал по настилу в штаб отметить, из-под досок брызгала грязь... Айво с Гаем разделял всего год, однако они никогда не дружили. Странности в поведении, с детства отличавшие Айво, прогрессировали, и вот в возрасте двадцати шести лет он сбежал из дому. Его искали несколько месяцев и наконец обнаружили в меблированных комнатах в Криклвуде – Айво забаррикадировался, потому что вздумал уморить себя голодом. Истощенного, измученного, в бреду, Айво вызволили, но было поздно – через несколько дней безумец умер. Это случилось в 1931-м. Тогда же Гая постиг личный крах; неудивительно, что смерть Айво иногда казалась ему безжалостной карикатурой на собственную жизнь.

Прежде чем странности Айво стали вызывать серьезные опасения, Гай женился на девушке не просто красивой, но яркой и своевольной – чем немало удивил родных и друзей. Вдобавок жена его не была католичкой. Гай взял долю младшего сына из сильно сократившегося семейного капитала и уехал в Кению. Поселился у горного озера, где воздух был хрустальный, а на рассвете снималась с мест стая фламинго. Сначала птицы казались белыми, потом розовыми; наконец на фоне ослепительного неба умахались до курчавящихся теней. Здесь, как впоследствии казалось Гаю, он жил точно в Эдеме. Трудился на ферме – она стала почти доходной. Ни с того ни с сего жена заявила, что по состоянию здоровья должна уехать в Англию, примерно на год. Она писала регулярно, на ласковые слова не скупилась – и вдруг, не меняя тона, сообщила, что без памяти полюбила их знакомого Томми Блэкхауса, советовала не сердиться и требовала развода. Письмо заканчивалось так: «Милый Гай, не вздумай приехать в Брайтон „защищать мою честь“, а то знаю я тебя. Тогда мне придется расстаться с Томми на целых шесть месяцев, а его и на шесть минут из поля зрения выпускать нельзя, шалуна этакого».

Итак, Гай уехал из Кении вскоре после того, как овдовевший и разочарованный в единственном наследнике отец его покинул Брум. На тот момент собственность Краучбеков сократилась до особняка с парком и фермы. В последние годы Брум-Холл был известен как едва ли не единственная усадьба, которая со времен Генриха I наследовалась исключительно по мужской линии. Мистер Краучбек не продал ее, а сдал в аренду монастырю, сам же удалился в курортный городок Мэтчет. Лампада в брумской часовне, однако, не гасла, совсем как в старые времена.

Никто с такою ясностью не прозрел закат Дома Краучбеков, как Артур Бокс-Бендер, Гаев зять. Бокс-Бендер женился на Анджеле в 1914 году, когда будто само воинство небесное поддерживало Брум, сей незыблемый оплот традиций и ненавязчивый образчик добродетели. Бокс-Бендер был человек незнатный – родословная Анджелы вызывала его непреходящее восхищение. Одно время он думал даже изменить фамилию: вместо «Бокс» – или вместо «Бендер», какая разница, – писать «Краучбек». Тесть выслушивал эти прожекты с ледяным безразличием, жена подпускала шпильки – вот Бокс-Бендер и счел за лучшее остаться при своем, причем счел быстро. Католичества он не исповедовал и первейшим долгом Гая почитал снова жениться, предпочтительно на богатой наследнице, и продолжить род. Чуткостью Бокс-Бендер тоже не отличался и Гаевой добровольной изоляции сильно не одобрял. Гай-де должен заняться брумской фермой. Или политикой. Гай и ему подобные, при свидетелях говаривал Бокс-Бендер, находятся в долгу перед Отечеством; когда же в августе 1939-го Гай прибыл в Лондон с целью долг этот отдать, сочувствия в Бокс-Бендере он не обнаружил.

– Милый мой Гай, – осклабился Бокс-Бендер, – и когда ты только повзрослеешь.

Пятидесятишестилетний член парламента, Артур Бокс-Бендер в свое время с честью прошел службу в стрелковом полку, где теперь служил его единственный сын. В представлении Бокс-Бендера полк был что сахарная помадка или рогатка – исключительно для юнцов. Гаю до тридцатишестилетия оставалось два месяца, однако он по инерции считал себя молодым человеком. В последние восемь лет время для него не двигалось. Для Бокс-Бендера – летело.

– Нет, Гай, ты вообрази: Краучбек с воплем «За мной!» кидается в атаку. Смех, да и только.

– Уже вообразил, – отвечал невозмутимый Гай. – Собственно, именно эту сцену я всегда и воображаю.

В Лондоне Гай обыкновенно останавливался у сестры и зятя на Лаундс-сквер. Он и сейчас с вокзала «Виктория» отправился прямо туда – и обнаружил, что Анджела уехала в загородный дом, а Бокс-Бендер вывез почти всю мебель, только собственный кабинет не тронул. В кабинете они с Гаем и сидели, дожидались, когда пора будет идти ужинать.

– Боюсь, Гай, сочувствия ты не найдешь, – продолжал Бокс-Бендер. – Эффект дежавю: в четырнадцатом году отставные полковники тоже и седину закрашивали, и в чинах себя понижали. Я сам видел. Я сам там был. Патриотично, ничего не скажешь, только на сей раз не прокатит. Все спланировано. Правительство точно знает, сколько в стране мужчин призывного возраста; знает оно, и где этих мужчин искать. Вниманием ни одного не обойдут, не сомневайся. В настоящий момент у нас ни лишних шинелей, ни винтовок нет. Конечно, людские потери могут быть, но, по-моему, в предстоящей войне люди – вообще дело десятое. Сам подумай, где нам сражаться? Мы что, сумасшедшие – линию Мажино пересекать или там линию Зигфрида? Мне так представляется: обе стороны сидят и не высовываются, пока не начнут ощущать на себе хватку экономических тисков. У немцев ведь ресурсов, считай, никаких. Как только немцы поймут, что мистер Гитлер все это время успешно блефовал, тут мистеру Гитлеру и капут. Причем они, немцы, сами с ним разберутся, без посторонней помощи. С нынешней шайкой, которая в Германии хозяйничает, ясное дело, никаких переговоров происходить не может, зато, когда немцы выберут адекватное правительство, мы с ним все и утрясем.

– Вчера мне то же самое таксист говорил. В Италии.

– Вот! А я о чем! Нужно независимое, здравое суждение – обратиться к таксисту. Я сам вчера с таксистом разговор имел. И знаешь, что услышал? «Когда война начнется, тогда и будем о ней говорить. А пока не началась, чего воду в ступе толочь?» По-моему, очень здраво.

– А к чему тогда, как не к войне, ты так тщательно подготовился?

Действительно, всех трех дочерей Бокс-Бендер отослал в Коннектикут, в семью партнера по бизнесу. Из дома на Лаундс-сквер вывозились вещи, комнаты запирались. Кое-какая мебель поехала в загородный дом, остальной место на складе. Бокс-Бендер с тремя колле-

гами из палаты общин снял огромную роскошную квартиру; снял смехотворно дешево. Однако самым ловким ходом его был следующий – предложить дом на Лаундс-сквер в качестве хранилища «Сокровищ нации». Теперь здесь точно никого не расквартируют и помещение ни под какой, к примеру, госпиталь не займут. Бокс-Бендер только что сам похвастался. Теперь он вместо ответа включил радио.

– Не возражаешь? Я только на минутку. Может, что новенькое скажут.

Однако новенького ничего не сказали. В том числе об «улаживании». Сборные пункты для эвакуированных из густонаселенных районов работали как часы; довольные матери с детьми распределялись по новым домам, где неминуемо находили преданных и заботливых друзей. Бокс-Бендер выключил радио.

– В полдень то же самое говорили. Знаешь, нынче все только и делают, что ручки радиоприемников крутят. Я сам кручу – а раньше к этой штуковине и близко не подходил. Кстати, Гай, если действительно хочешь пригодиться родине, вот тебе идея. Сейчас большая надобность в людях, которые языками владеют. Би-би-си они нужны – для пропаганды, прослушки и прочей белиберды. Это тебе, конечно, не взвод в атаку вести, но кто-то ведь должен и такими делами заниматься, а ты итальянский как родной знаешь.

Шурин с зятем никогда в приятелях не ходили. Гай не задумывался, каково Бокс-Бендеру мнение о нем, – зная Бокс-Бендера, он не предполагал даже наличия этого мнения. Бокс-Бендер же который год ждал Гаева сумасшествия, коими ожиданиями простодушно поделился с женой. Образным мышлением он не отличался, впечатлительностью – тоже. Но Бокс-Бендер активно помогал искать Айво – и вытаскивать его из убежища. События эти запали ему в душу. Между Гаем и Айво Бокс-Бендеру мнилось зловещее сходство. Он помнил, как смотрел Айво, когда странности его, хотя и значительные, еще только балансировали на грани, еще не могли быть сочтены полноценным безумием. О нет, взгляд тогдашнего Айво не отпугивал вселенскую пустотой – взгляд был уверенный, будто Айво четко видел цель; будто он один ее и видел. Так вот, в Гаевых глазах отражалась та же уверенность в «предназначении». Гай свалился как снег на голову, сидит на Лаундс-сквер, мямлит про Ирландских гвардейцев, избегает слов «долг» и «жертва». Теперь добра не жди. Надо бы его определить куда-нибудь на радио, что ли, от греха подальше.

Ужинать они отправились в «Беллами». В этот клуб автоматически попадали все Краучбеки мужского пола. Джарвис, например, значился в почетном списке 1914–1918 годов, вывешенном в холле. Бедняга Айво сживал здесь в эркере, пугал прохожих застывшим взглядом. Гая записали еще юношей. В последние годы он ходил в «Беллами» крайне редко, но членство сохранял. Место было историческое. Когда-то пьяные игроки, поддерживаемые факельщиками, нетвердую поступью спускались к своим каретам. Теперь Гаю с Бокс-Бендером пришлось подниматься чуть ли не на ощупь. Стеклопанная входная дверь по причине затемнения была окрашена. Между нею и вторыми дверьми помещался жутковатый вестибюльчик, еле еле освещенный фосфоресцирующей лампой. Зато за ним уже сияли огни, шумели люди, клубился сигарный дым и сгушались алкогольные пары. Затемнение только-только ввели, проблему вентиляции пока не решили.

Клуб как раз открылся после ежегодного косметического ремонта. Если бы не война, он бы сейчас пустовал, а так народу было не протолкнуться. Гай знал многих, не дружил ни с кем. Его поприветствовали, он ответил – и услышал за спиной:

– Вы с ним знакомы? Новичок небось?

– Нет, он здесь чуть ли не с рождения числится. Ни за что не угадаете, кто это. Первый муж Вирджинии Трой, вот кто.

– Да что вы? Я думал, первый муж у нее был Томми Блэкхаус.

– Нет, этот успел до Блэкхауса. Не припомню его фамилии. Кажется, он в Кении живет. Томми отбил у него Вирджинию, потом она числилась за Гасси, а потом Берт Трой подсуетился, как раз когда у нее вышел перерывчик.

– Шикарная женщина. Я бы тоже с ней не прочь.

Клуб «Беллами» не отказывал членам в удовольствии трепать женские имена.

Бокс-Бендер с Гаем выпили, поужинали и снова стали пить, уже в компании, состав которой за вечер не раз поменялся. Разговоры велись исключительно на животрепещущие темы; Гай немало узнал о жизни военного Лондона. Говорили о приготовлениях к худшему. Гаю открылось, что лондонцы судорожно пытаются свести к минимуму возможные потери. Бокс-Бендеровы приготовления в миниатюре отражали происходящее в стране. Всюду закрывались дома, мебель отправлялась на склады, а дети – за океан, прислуга получала расчет, газоны превращались в огороды, вдовьи дома и охотничьи времянки заселялись под завязку, тещи и нянюшки обретали полномочия домоправительниц.

Четко прослеживалась мысль, что затемнение на руку криминальным элементам и просто безответственным гражданам. Некая леди после поездки на такси осталась без единого зуба. Некого джентльмена на Хэй-Хилл оглушили и освободили от выигрыша в покер. А другого сбита «скорая помощь» – и оставила умирать на улице.

Говорили и о службе. Многие были в военной форме. Для совместного проведения войны собирались группки, как для бильярда или пикника. Например, собралась уже группка эстетов под рабочим названием «батальон светских львов» – «львы» нацеливались на прожекторный дивизион территориальной армии. Биржевые маклеры с виноторговцами имели виды на штаб Лондонского военного округа. Кадровые военные пребывали в двенадцатичасовой боевой готовности. Яхтсмены вырядились в форму Королевского добровольческого морского резерва и стали отращивать бороды. Гай почувствовал себя чужим и никчемным.

– Мой шурин хочет поступить на службу, – произнес Бокс-Бендер.

– Поздновато спохватились. Все уже при деле. Конечно, когда рванет, сразу и вакансии появятся. Подождите, мой вам совет.

Засиделись допоздна – каждому претила сама мысль о том, чтобы выйти в темноту. На автомобиле приехать никто не решился; такси не поймать. В итоге в группы стали собираться те, кому было по пути. Гай с Бокс-Бендером двинулись к Белгравии в составе такой группы. На нетвердых ногах они сошли с крыльца. Темнота обескураживала, дезориентировала в пространстве и во времени. Будто Гай и Бокс-Бендер перенеслись на две тысячи лет назад, будто Лондон – снова кучка лачуг над рекою да частокол, будто под ногами болотная хлябь, а на расстоянии вытянутой руки – густая осока.

* * *

Следующие две недели Гай, можно сказать, провел в «Беллами». Ночевал он в гостинице, сразу после завтрака, словно клерк в контору, отправлялся на Сент-Джеймс-стрит. Там он писал письма. Устраивался в уголке малой столовой и строчил, строчил, день ото дня совершенствуясь в подбострастии.

«Уважаемый генерал Каттер, прошу простить за беспокойство, доставляемое в столь нелегкое время. Надеюсь, в Вашей памяти, как и в моей, жив тот счастливый день, когда Брэдшоу привезли Вас ко мне в Санта-Дульчину, мы отправились на морскую прогулку, во время которой весело и тщетно пытались пронзить острой...»

«Уважаемый полковник Гловер, я пишу к Вам потому, что Вы служили с моим братом Джарвисом и были ему другом...»

«Милый Сэм, хоть мы и не видались с тобой после окончания школы, я следил за твоими успехами с восторгом и гордостью оттого, что мы столь коротко знакомы...»

«Дорогая Молли! Да, я отдаю себе отчет в том, что мне этого знать не полагается. И все же: Алекс служит в Адмиралтействе, и он там большая и сверхзасекреченная шишка. А еще мне известно, что Вас он боготворит. Поэтому, умоляю, станьте моим добрым ангелом, замолвите словечко...»

Гай положительно сделался профессиональным просителем.

Как правило, ему отвечали – приходила напечатанная на машинке записка или раздавался телефонный звонок секретарши или адъютанта, назначалась встреча на нейтральной территории или территории предполагаемого благодетеля. Однако ничего утешительного Гаю не говорили.

– Костяк у нас сформирован еще во времена Мюнхена. Полагаю, мы будем расширяться, как только станет известно, каковы наши задачи, – примерно так начинали разговор в гражданских учреждениях. – Согласно последним распоряжениям, нам не рекомендуется раздувать штаты. Буду иметь вас в виду. Лично прослежу, чтобы вам сообщали о переменах в кадровой политике.

– Пушечное мясо нам пока не нужно, – без обиняков говорили в учреждениях военных. – Мы хорошо усвоили урок 1914 года, больше генофондом разбрасываться не намерены. До сих пор последствия расхлебываем.

– Из меня генофонд сомнительный, – возражал Гай. – Я только на бойню и гожусь. Семьи у меня нет. Никаких знаний или ценных навыков – тоже. А главное, я старею. Отправьте меня в бой. И вообще, следует призывать тридцатипятилетних, чтобы молодые успели завести сыновей.

– Боюсь, власти на этот счет другого мнения. Буду иметь вас в виду. Лично прослежу, чтобы вам сообщали о переменах в кадровой политике.

В те дни Гаева фамилия была внесена в добрую дюжину списков, а его немногочисленные навыки и умения резюмированы и зафиксированы в доброй дюжине секретных реестров, где благополучно и пролежали добрую дюжину лет, до утилизации.

Англия вступила в войну, однако на письма и собеседования, к которым Гай успел привыкнуть, сей факт никоим образом не повлиял. Пока не бомбили. Газами не травили, огнем не поливали. Кости ломались, но исключительно в темное время суток. Вот, пожалуй, и все. «Беллами» наводнили мрачные граждане старше Гая, бесславно прошедшие Первую мировую войну. Большинство попали в окопы прямо со школьной скамьи и всю оставшуюся жизнь ттились выбросить из памяти грязь, вшей и завывания канонады. Они получили приказ ждать приказа – и в ожидании рисовали себе и всем, кто соглашался слушать, тоску железнодорожных станций, доков и перевалочных пунктов. Воздушный шар взмыл в небо – балласт остался на земле.

Русские вошли в Польшу. Среди «стариков» Гаево негодование сочувствия не встретило.

– Дружище, нам и так забот хватает. Нельзя же с целым миром воевать.

– Зачем тогда вообще было ввязываться в войну? Если мы об одном материальном благополучии печемся, выплатили бы просто Гитлеру, что ему там надо, – и то было бы разумнее, чем за победу бороться. А если нас справедливость волнует, так русские не меньше немцев виноваты. Они друг друга стоят.

– Ха, вспомнил про справедливость! – восклицали «старики».

– Чтоб ты знал, – выдал позднее Бокс-Бендер (тема, казалось, вообще никого не заботила, кроме Гая), – Англия на это не пойдет. Мы битых пять лет выслушивали вопли социалистов «Караул, Гитлер! Нет фашизму!», но на самом-то деле они все пацифисты. Весь их вялый патриотизм – для русских. Попробуй мы только поднять вопрос справедливости – и получим общую забастовку с кризисом в придачу. Нет, справедливость для нас нынче непозволительная роскошь.

– Почему мы тогда воюем?

– Потому что мы не можем не воевать. Социалисты всегда считали нас сторонниками Гитлера, один бог знает почему. И один бог знает, чего нам стоил нейтралитет в испанском конфликте. Ты в это время в Италии жил – ты не представляешь, какие тут были настроения. Мы на грани балансировали, буквально на грани, уж мне-то поверь. Если во второй раз от мировых проблем дистанцируемся, хаос нам обеспечен. Сейчас надо локализовать войну, как пожар, не дать ей дальше распространиться. А ты – справедливость, справедливость...

Подытоживала каждую такую дискуссию темнота. Обескураженный Гай спускался с клубного крыльца, метафора била в лоб. «Беллами» закрывался на ночь, «старики», молодые военные и политики расходились группами, всегда в одном и том же составе. Сыскивался попутчик и Гаю. До самой гостиницы в распоряжении его была дружеская рука. Рука – но не сердце.

Шептались о таинственных ведомствах, известных только по аббревиатурам; служили в них исключительно шпионы. Клерки, игроки и сотрудники нефтяных компаний туда пролезли; Гаю вход был заказан. Он встретил знакомого, журналиста, который однажды приезжал в Кению. Этот журналист, лорд Килбэнок, еще недавно оттачивал стиль на рубрике «Вести с ипподрома», а теперь щеголял в форме Военно-воздушных сил.

– Как вам это удалось? – опешил Гай.

– История не слишком красивая. Есть некий маршал ВВС, его жена играет в бридж с моей женой. Так вот этот маршал спит и видит, как бы стать членом «Беллами». Ну я его и порекомендовал. Дрянь человек.

– Так он будет числиться в «Беллами»?

– Не беспокойтесь, я уже подсуетился. Три голоса «против» его кандидатуре гарантированы. А из ВВС он меня теперь не выгонит.

– А в чем состоит ваша служба?

– Тут тоже гордиться нечем. Я – сопровождающий офицер, так это называется. Вожу американских журналистов по нашим базам истребительной авиации. Ну да ничего, скоро что-нибудь поприличнее подвернется. Великая вещь форма: надел – и карьера, считай, началась. А нынешняя война и вовсе ни на что не похожа. Уникальнейшие возможности предоставляет. Главное – в кадровые военные попасть, а там уж все дороги открыты. Я вот подумываю об Индии или Египте. Вообще любая точка сгодится, лишь бы затемнения не было. Вчера вечером моего соседа свинцовой дубинкой по темени огрели, причем прямо на лестнице. А ведь на его месте мог быть я. В общем, здесь становится опасно. За наградами я не гонюсь. Пусть лучше меня вспоминают как ловкого парня, который родине послужил и себя не обидел. Давайте выпьем.

Так проходили Гаевы вечера. А просыпался он в своей гостиничной кровати ни свет ни заря – его терзало беспокойство. Через месяц Гай решил навестить родных.

* * *

Начал он с сестры. Анджела жила теперь в Глостершире, в доме, который Бокс-Бендер купил, когда его избрали в парламент.

– У нас тут нищета ужасающая, – заверила по телефону Анджела. – Мы даже в Кембле теперь гостя встретить не можем – бензина нет. Придется тебе пересаживаться на местный поезд. Или из Страуда на автобусе ехать, если, конечно, его не отменили. Кто-то мне говорил, что отменили.

Однако в Кембле Гай, не успев выйти из тамбура, где провел три часа на ногах, увидел своего племянника Тони. Тони был во фланелевом костюме. Военного в нем выдавали только коротко стриженные волосы.

– Здравствуй, дядя Гай. Надеюсь, сюрприз в моем лице получился приятный. Я приехал, чтобы спасти тебя от местного поезда. Перед отправкой на фронт нам дали день увольнительной и купоны на бензин. Садись в машину.

– А ты разве не в форме должен ходить?

– Ты прав, дядя Гай. Но в форме никто не ходит. Я, когда в ней, кем угодно себя ощущаю, только не человеком. Вот и снял. Думаю, отдохну хоть пару часов.

– Если бы мне дали форму, я бы, кажется, из нее не вылезал.

Тони Бокс-Бендер рассмеялся простодушным смехом.

– Интересно было бы посмотреть. Я, дядя Гай, почему-то не представляю тебя в роли храброго солдата. Зачем ты из Италии уехал? Где и переждать войну, как не в Санта-Дульчине. Как только ты своих домочадцев оставил?

– В слезах.

– Вот! По тебе люди плачут.

– Поплачут и перестанут. У них вообще глаза на мокром месте.

Машина петляла меж невысоких котсволдских холмов. Вскоре внизу показалась долина Беркли, сверкнул Северн, бронзовый в бронзовых закатных лучах.

– Тони, ты рад, что едешь во Францию?

– Конечно. Казарменная муштра всю душу вымотала. Не поверишь – нас целыми днями дрессируют. И дома не лучше. Куда ни ткни – в сокровище нации попадешь. Вдобавок мама сама стряпает.

Бокс-Бендеры жили теперь в особнячке с островерхой крышей. Особнячок стоял в деревне не без претензий – дома через один были снабжены ванными и в качестве обивки для стен имели ситец. Гостиную и столовую Бокс-Бендеров от пола до потолка загромождали деревянные ящики.

– Видишь, милый, что у нас творится! – с порога запричитала Анджела. – Я-то думала, какой Артур молодец. Устроил нам коллекцию Уоллеса, будем теперь сибаритствовать в окружении севрского фарфора, кресел Буля и картин Буше. Надо же, до чего война культурная, воображала я. А что мы имеем? Хеттские таблички из Британского музея, причем нам на них даже взглянуть нельзя, хотя, Бог свидетель, у нас и желания такого не возникает. Гай, дорогой, тебе будет страшно неудобно. Поселишься в библиотеке. Верхний этаж весь закрыт, чтобы при бомбежке мы в панике из окон не повыбрасывались. Артурова идея. Такой предусмотрительный, просто не по себе становится. Мы с ним во флигеле ночуем. И в один прекрасный вечер, отходя ко сну, точно шеи переломаем, потому что Артур запрещает фонарики включать. Суший бред. Такая темень, что один фонарик погоды не сделает.

Раньше Анджела не была такой разговорчивой, подумал Гай.

– Тони, сынок, наверно, зря мы никого на твой последний вечер не пригласили? Скучно будет. С другой стороны, кого тут приглашать? Вдобавок у нас тесно, сами в Артуровом кабинете едим.

– Что ты, мамочка, своей семьей намного лучше.

– Я знала, ты именно так ответишь. Нам, кроме тебя, никого и не нужно. Только очень уж я надеялась, что тебе два дня увольнительной дадут.

– Я должен успеть к побудке в понедельник. Вот если бы вы жили в Лондоне...

– Ты ведь и тогда провел бы последний вечер дома?

– Конечно. А вообще, главное, чтобы моя мамочка рядом была.

– Нет, Гай, ты посмотри, до чего славный мальчик.

Принимать гостей оставалось теперь только в библиотеке. Гаю успели постелить на диванчике. В изголовье стоял земной глобус, в изножии – глобус небесный; вся картина получилась весьма нелепая.

– Вам с Тони придется пользоваться одной уборной, той, что под лестницей. Тони вообще спит в оранжерее, бедное дитя. Пойду распоряжусь насчет ужина.

– Вот же родители у меня – сами себе трудностей наделали, причем заметь, дядя Гай, без малейшей на то причины. И сами же радуются. Наверно, застарелая чопорность имеет тенденцию такие формы принимать. А еще дело в папиной прижимистости. Терпеть не может с деньжками расставаться. Зато теперь у него отличнейший предлог всласть поскаредничать.

В дверях возник Артур Бокс-Бендер с подносом.

– Видишь, до чего мы докатились, – воскликнул он. – Если война через пару лет не закончится, все так жить будут, помяни мое слово. Мы, можно сказать, первопроходцы. А занятно, черт побери, начинать.

– Ты, папа, только на выходные приезжаешь, – вставил Тони. – Говорят, на Арлингтон-стрит квартирка преуютная.

– А ты небось хотел увольнительную в Лондоне провести?

– Мне все равно, – отвечал Тони.

– В арлингтонской квартире твоей матери жить нельзя. Никаких жен, такой у нас уговор. Гай, попробуй херес. Интересно, как он тебе покажется. Южноафриканский. Скоро все на него перейдут.

– Прежде, Артур, я не замечал у тебя задатков законодателя мод.

– Так тебе что, херес не нравится?

– Честно говоря, не особенно.

– В наших интересах поскорее к нему привыкнуть. Из Испании поставок больше не будет.

– А по мне, что южноафриканский херес, что испанский – никакой разницы, – встрял Тони.

– Вообще-то, мы твой отъезд отмечаем.

Прислуга теперь сократилась до жены садовника и деревенской девушки. Анджела была на подхвате, но, конечно, грязную работу не выполняла. Вскоре всех позвали на ужин в комнатку с бюро, которую Артуру Бокс-Бендеру нравилось именовать «рабочим кабинетом». В Сити Бокс-Бендер занимал просторный и светлый кабинет; его специальный агент имел постоянную контору в округе, Бокс-Бендера избравшем; личный секретарь, обосновавшийся на юго-западе Лондона, располагал канцелярией, машинисткой и двумя телефонами. В данной конкретной комнате Бокс-Бендер никакой работой не занимался, словосочетание же «рабочий кабинет» слизнул у тестя – было в Бруме такое помещение, где мистер Краучбек разбирал счета и пил чай. От «рабочего кабинета» на Бокс-Бендера веяло чем-то аутентичным, в стиле «рустик». Насчет стиля Бокс-Бендер никогда не ошибался.

До войны Бокс-Бендер нередко устраивал скромные ужины на восемь-десять персон. В памяти Гая осталась череда таких вечеров: свечи; слишком буквально понятое сочетание вин и кушаний; прямой, как палка, Бокс-Бендер во главе стола, с достойным лучшего применения постоянством направляющий разговор на банальнейшие предметы. Нынче вечером Анджела с Тони сами уносили тарелки; вероятно, эта беготня выбивала Бокс-Бендера из колеи. Его по-прежнему занимало исключительно сиюминутное; Гай и Тони думали каждый о своем.

– Про Аберкромби слыхали? Ужас что такое, – встрял Бокс-Бендер в ход мыслей одновременно сына и шурина. – В пять минут собрались и на Ямайку сбежали.

– Ну и пусть их, – отозвался Тони. – Какая от них в Англии польза? Лишние рты.

– Похоже, в ближайшее время мне это тоже светит, – произнес Гай. – Наверно, сентиментальность во всем виновата. В войну каждый хочет быть со своим народом.

– Разве? А по-моему, далеко не каждый, – парировал Тони.

– Штатским тоже общественно полезной работы хватит, – утешил Бокс-Бендер.

– Все эвакуированные, которых Прентайсам навязали, разозлились неизвестно на что и укатили в свой Бирмингем, – подала голос Анджела. – Этим Прентайсам вообще непозволительно везет. А мы до конца своих дней будем жить в окружении хеттских табличек.

– Это ужасно, что солдаты не знают, где их жены и дети, – сказал Тони. – Наш офицер по бытовому обслуживанию, бедняга, уже несколько дней своих ищет. Из моего взвода шесть человек поехали в отпуск, не представляя, к родным попадут или в пустые дома.

– Старая миссис Спэрроу полезла за яблоками на чердак, упала и сломала обе ноги. Так ее отказались в больницу положить – там койки придерживаются для пострадавших во время воздушных налетов, а пострадавших-то никаких еще и в помине нет.

– А за что на наши головы эта напасть – офицер, который ведает пассивной противоздушной обороной? День и ночь, между прочим, ведает. И каждый час по телефону отчитывается: дескать, все спокойно, самолетов противника не обнаружено.

– Каролину Мейден в Страуде остановил полицейский и спрашивает: «Вы почему противогаз не носите?» Каково?

– Когда станут химическое оружие применять, тут всему и конец. Слава богу, у меня классическое образование. А лекции про химическое оружие слушать мы одного офицера отправляли. Вот тут-то я чуть не влип. Потом, хвала Господу, объявился один ученый молокосос, я проставил адъютанту пару пива – и молокососа загребли вместо меня. А вообще я вам скажу, химичат только те, у кого в бой идти кишка тонка.

Тони эти рассказы не трогали – он принадлежал к другому миру. А Гай вообще был сам по себе.

– Говорят, война будет беспрецедентная.

– Еще бы, дядя Гай. Чем дольше ты в сторонке продержишься, тем лучше. Вы, штатские, везенья своего не цените.

– А может, оно нам не надо, везенье. Может, мы совсем другого хотим.

– Я-то точно знаю, чего хочу. Военный крест и аккуратненькую ранку. Тогда я до конца войны проваляюсь в госпитале, в окружении хорошеньких медсестричек.

– Тони, пожалуйста.

– Прости, мамочка. Ой, только не надо делать такое скорбное лицо. А то я начну жалеть, что не остался нынче в Лондоне.

– Мне казалось, я держу себя в руках. Я имела в виду, милый, что мне неприятны разговоры о ранениях.

– Да что в данных обстоятельствах может быть лучше ранения? Сама подумай, мама!

– Вам не кажется, что мы краски сгущаем? – произнес Бокс-Бендер. – Тони, займи дядю Гая, пока мы с мамой будем со стола убирать.

Гай с Тони прошли в библиотеку. Французские окна были открыты, поблескивала мощеная дорожка.

– Вот черт, прежде чем свет включать, надо шторы завесить, – сказал Тони.

– Может, на воздух выйдем? – предложил Гай.

Света было как раз довольно, чтобы не спотыкаться. Воздух казался густым от аромата цветов, невидимых в кроне старой магнолии, каковая крона распростерлась над доброй половиной крыши.

– Краски сгущаем, – усмехнулся Тони. – Да я никогда в жизни так глубоко голову в песок не прятал. – Гай промолчал. Темнота прогрессировала. Когда они отошли от дома на достаточное расстояние, Тони ни с того ни с сего спросил: – Скажи-ка, дядя Гай, что это за зверь такой – сумасшествие? У вас с мамой в роду много психов было?

– Нет.

– А как же дядя Айво?

– Дядя Айво был гипертрофированно меланхоличен.

– Это по наследству не передается?

– Не волнуйся, не передается. А почему ты спрашиваешь? Чувствуешь признаки помутнения рассудка?

– Пока нет. Просто я прочел про одного офицера, который воевал в Первую мировую. Он был вполне нормальный, а как на передовую попал, так и взбесился. Сержанту пришлось его застрелить.

– Взбесился, гм. Нет, это не про твоего дядюшку Айво. Он был очень скромный человек. Во всех смыслах.

– А прочие?

– Что прочие? Посмотри на меня. На своего дедушку. Или на двоюродного дедушку Перегрин – уж, кажется, адекватнее и быть нельзя.

– Дедушка Перегрин собирает бинокли и шлет в Военное министерство. По-твоему, это адекватное поведение?

– В высшей степени адекватное.

– Я рад, что мы на эту тему поговорили.

Раздался голос Анджелы:

– Гай, Тони, идите в дом. Уже темно. О чем вы там секретничаете?

– Тони кажется, он с ума сходит.

– Это миссис Гроут с ума сходит – кладовку без затемнения оставила.

Они уселись в библиотеке, спинами к Гаеву диванчику. Вскоре Тони поднялся и пожелал всем спокойной ночи.

– Служба в восемь, – напомнила Анджела. – Из дому выйти нужно без двадцати – я обещала заехать за эвакуированными.

– Ой, а попозже нельзя? Так хотелось напоследок понежиться в постели.

– Нет, завтра на причастии мы все должны быть. Ради меня, Тони.

– Хорошо, мамочка, раз такое дело. Только тогда перенесем выезд на без двадцати пяти. Уж наверно, на мне за эти недели уйма грехов накопилась – надо покаяться как следует.

Бокс-Бендер сидел как на иголках. Его, человека нерелигиозного, до сих пор смущал столь будничный подход к категории Сверхъестественного – собрались, поехали, будто на обед к родственнику.

– Мысленно я с вами, – только и выдавил он.

И вскоре сам ушел спать – Анджела с Гаем слышали, как он спотыкается по пути к флигелю.

– У тебя чудесный сын, Анджела, – констатировал Гай.

– Да. Ты заметил, какая у него выправка? Когда только успел – ведь тренировался всего несколько месяцев. И он совсем не против ехать во Францию.

– С чего ему быть против?

– Гай, Гай, ты слишком молод, ты не можешь помнить. Это я – дитя Первой мировой. Ты всего лишь читал о девушках, которые танцевали с будущими солдатами, с обреченными молодыми людьми; а я была среди этих девушек. Я помню, как принесли телеграмму о смерти Джарвиса. Ты тогда в школе учился, единственное, что тебе в душу запало, – нехватка сладостей. А я помню первую партию мальчиков. Из них ни один не вернулся, ни один. Каковы шансы у мальчика – ровесника нашего Тони? Каковы – сейчас, в этой войне? Я работала в госпитале, это ты должен помнить. Поэтому мне плохо становится, когда Тони разглагольствует об аккуратненькой ранке и хорошеньких медсестричках.

– Да, это он зря.

– Аккуратненьких ранок не бывает. Раны и в той войне были ужасные, а теперь еще химическое оружие прибавилось, будто прежнего мало. Ты же слышал, что он говорил о войне с применением химического оружия – якобы его труссы разрабатывают, якобы это хобби у них.

Он не представляет, каких предметов касается. Сейчас даже на плен надежды нет. При кайзере немцы были люди как люди, цивилизованные. А теперь озверели.

– Анджела, мне нечего сказать. Ты сама знаешь: ты бы не потерпела другого Тони – хоть на йоту менее храброго, я имею в виду. Ты ведь не хочешь, чтобы он сбежал в Ирландию или в Штаты – некоторые достойные презрения юноши именно так и поступают. Ведь не хочешь?

– Ни в коем случае.

– А следовательно...

– Знаю, знаю. Все, пора спать. Ой, как мы у тебя накурили. Можешь открыть окно, только сначала свет погаси. Хорошо, что Артур первый ушел, – теперь хоть фонарик включу без риска услышать обвинение в пособничестве «Цеппелинам».

В ту ночь Гаю не спалось. Его вынудили выбирать между светом и воздухом; он выбрал воздух, следовательно, читать не мог. «Почему Тони?» – думал Гай. Что за бредовая политика – пустить в расход Тони и спасти Гая? Китайцы как делают – нанимают бедняков, чтобы за них служили. У них это незазорно. Тони – богат; его богатство – Любовь и Надежды. Он, Гай, – нищ; у него осталась горстка иссохших зернышек Веры. Почему нельзя его отправить во Францию вместо Тони, почему аккуратенькая ранка и варварские условия лагеря военнопленных в равной степени не для него?

Наутро вместе с Анджелой и Тони Гай преклонил колени перед алтарем – и расслышал ответ в словах мессы. *Domine non sum dingus*⁷.

3

Гай думал пробыть у сестры до понедельника, а потом отправляться к отцу в Мэтчет. Однако уехал в воскресенье после завтрака, чтобы Анджела с Тони поворковали напоследок. Дорога была ему привычна. Раньше до Бристоля его довозили в Бокс-Бендеровом авто. А уж там встречали от отца. Теперь же словно началось великое переселение народов – Гай ехал с несколькими пересадками, то автобусом, то поездом, и вымотался ужасно. На мэтчетскую станцию он прибыл только к вечеру. По платформе бродил отец со своим старым золотистым ретривером.

– Не пойму, куда гостиничный посыльный запропастился, – посетовал мистер Краучбек. – Давно должен быть здесь. Я ведь ему говорил: потребуются его услуги. Теперь все ужасно заняты. Оставь багаж в камере хранения. Посыльный, конечно, просто опаздывает – мы наверняка встретим его на пути в гостиницу.

Освещаемые закатным солнцем, отец, сын и пес шли по узким улочкам Мэтчета.

Несмотря на сорок лет разницы, сходство мистера Краучбека и Гая сразу бросалось в глаза. Мистер Краучбек, правда, был выше ростом и постоянно имел на лице выражение безадресной благожелательности, у Гая непредставимое. Мисс Вейвсур, также жившая в гостинице «Марина», полагала несомненный шарм мистера Краучбека следствием скорее породы, нежели воспитания. Мистер Краучбек никак не подходил под определение «денди»; ни изысканность манер, ни прихотливость вкусов его не отличали. Таких, как мистер Краучбек, не принято характеризовать и словом «персонаж». Мистер Краучбек был милый, простодушный джентльмен, немыслимым образом сохранивший легкость нрава, а паче того, умение радоваться жизни – жизни, с точки зрения стороннего наблюдателя, изобилующей потерями. Ранние годы мистера Краучбека были освещаемы теплым солнцем; он имел несчастье дожить до глухой полночи. Иными словами, мистер Краучбек был Иов, человек больших надежд – далеко не редкость в Британии того времени. Он, во-первых, лишился дома. Причитавшееся ему наследство истаяло частью в руках отца его, частью в его собственных руках, причем не по

⁷ Господи, я недостоин (лат.).

причине мотовства либо биржевых спекуляций. Он довольно рано похоронил любимую жену и не захотел скрасить вдовства другою женщиной. Древнейшее имя его теряло вес по мере угасания рода. Только Господь Бог да еще Гай знали, как трепещет мистер Краучбек под гнетом фамильной чести. Об этом гнете, да и о трепете, он молчал. Для иных фамильная честь что терновый венец – мистер Краучбек почитал шипы за благоуханные розы. Классовой принадлежностью он не гордился, ибо был свидетелем разделения британской непростой социальной структуры на две части, неравные и безошибочно узнаваемые. К одной части принадлежали Краучбеки и еще несколько неприметно живущих семейств, с Краучбеками связанных исторически; по другую сторону находилось остальное человечество, Бокс-Бендер, мясник, королевский герцог (предки которого разбогатели, потому что грабили монастыри), Ллойд Джордж, Невилл Чемберлен – мистер Краучбек различий не делал. Со времен Иакова II других монархов он не признавал. Убеждение это, не слишком здоровое, породило зато в благородной груди мистера Краучбека два редких качества – терпимость и смирение. От народа он добра ждать не привык, потому отдельные поступки отдельных его, народа, представителей мистера Краучбека приятно удивляли. К себе же мистер Краучбек подходил с иною меркой – всякую свою добродетель полагал даром свыше, а не плодом душевной работы; всякий порок, даже самый малый, – неприемлемым для человека своего происхождения.

Перед Гаем у него было преимущество – врожденное свойство памяти хранить только хорошее, а дурное отсеивать. Свойство это укрепляло дух мистера Краучбека. Несмотря на многие печали, память в любой момент, по требованию, выдавала ему порцию радостей, причем радостей ничуть не потускневших. По утраченной усадьбе он не скорбел. Он все равно как продолжал жить в Брум-Холле – причем не просто в Брум-Холле, а в Брум-Холле своего счастливого детства и разделенной любви.

Не тяготила мистера Краучбека и гостиница. Он не пропускал ни одного аукциона – ходил на рыночную площадь, жевал сэндвичи с фазанятиной, запивал портвейном из фляжки и наблюдал торги с интересом, категорически нехарактерным для обломка викторианской эпохи.

– Вот не думал, что эти старые вазы потянут на восемнадцать фунтов стерлингов. А этот стол откуда взялся? Никогда таких не видывал. Мда. Ковры лучше бы и не трогали – рухлядь рухлядю, как посмотришь... Господи, что миссис Чедвик станет делать с чучелом медведя?

Мэтчетскую гостиницу «Марина» держала чета слуг, что прежде работала в Брум-Холле. С мистером Краучбеком чета буквально носилась. Он привез из Брума фотографии и мебель для спальни, очень простую и совершенную в этой простоте – бронзовую кровать, дубовые шкафы и такую же полку для обуви, круглое зеркало для бритья и скамеечку для молитв из красного дерева. Гостиная мистера Краучбека была обставлена мебелью из брумской курительной комнаты; имелись в ней и книги из брумской библиотеки, отобранные с тщанием и любовью. Так мистер Краучбек и жил, тихо, достойно, пользуясь бесконечным уважением мисс Вейвсур и прочих постоянных обитателей гостиницы. Прежний управляющий ликвидировал контракт и уехал в Канаду; его преемник обговорил с мистером Краучбеком условия уже совсем другие. Раз в год, когда по предкам его пели реквием, мистер Краучбек навещался в Брум. На теперешний статус свой он никогда не сетовал, новых лиц в изменения не посвящал. Каждое утро, раненько – еще лавки были закрыты – он ходил к мессе, всегда по Хай-стрит, в гостиницу возвращался тою же дорогой. Лавочники поднимали жалюзи, мистер Краучбек раскланивался со всяким встречным. Гордость его за свой род в сравнении с истовостью веры представлялась мальчишеским хобби. Когда Вирджиния бросила Гаю, не родив ему ребенка, мистеру Краучбеку и в голову не пришло (меж тем как эта мысль не оставляла Артура Бокс-Бендера), что продолжение рода стоит стычки с Церковью, что Гаю необходимо снова жениться, по гражданским законам, произвести на свет наследника, а уж потом уладить духовную сторону вопроса – другие ведь как-то улаживают, и ничего. Нет, и еще раз нет: отступник недостоин пестовать фамильную честь. На самом деле семейные анналы хранили два отлуче-

ния (в Средние века) и одно отступничество (в семнадцатом веке), но память мистера Краучбека вытеснила среди прочих и эти прискорбные факты.

Нынче Мэтчет казался многолюднее обыкновенного. Гай хорошо знал этот город. Ребенком его возили сюда на пикники; потом он навещал здесь отца в каждый свой приезд на родину. Гостиница «Марина» располагалась на окраине, на обрыве, прямо над станцией береговой охраны. Нужно было спуститься к бухте, пройти через порт и снова подняться по каменистой тропе. В лучах заходящего солнца Бристольский канал отливал медью; виднелся остров Ланди. В канале кишели суда, задержанные таможей.

– Вот досада: я не знал, что Тони уже отзывают, – произнес мистер Краучбек. – А то бы приехал, попрощался бы с ним. Я тут нашел одну вещицу, хотел ему отдать. Это Джарвисов медальон с изображением Девы Марии Лурдской. Я знаю, Тони принял бы его с радостью. Джарвис купил медальон во Франции, на каникулах, и с тех пор не расставался с ним. После его гибели медальон вместе с часами и другими вещами отослали в Брум. Жаль, очень жаль, что я не успел отдать Тони медальон.

– Теперь, наверно, уже и бандеролью не отошлешь.

– Я хотел отдать медальон лично в руки. Бандероль, письмо – это не то. Не знаю, как объяснить.

– Джарвиса медальон не уберег.

– О нет, Гай, ты просто не знаешь. Уберег, еще как уберег. Джарвис мне перед отъездом рассказывал. В армии для юноши столько соблазнов. Однажды Джарвис, еще когда в Лондоне обучение проходил, изрядно напился с товарищами. И для самого себя неожиданно остался наедине с девицей – он сам не помнил, где ее подцепили. Девица начала с ним заигрывать, развязала галстук – и увидела медальон. И что ты думаешь? Хмель с обоих как рукой сняло, девушка поведала Джарвису, что воспитывалась в школе при монастыре, и они расстались друзьями. Ничего грязного меж ними не произошло. По-моему, в данной ситуации слово «уберег» более чем уместно. Я сам такой медальон всю жизнь ношу. А ты?

– Иногда надеваю. Но сейчас я без медальона.

– Напрасно. Тут бомбы падают, и вообще, всякое может случиться. Если тебя ранят, в госпитале сразу увидят, что ты католик, и позовут священника. У них правило такое, мне одна медсестра рассказывала. Гай, не возьмешь ли ты медальон Джарвиса, раз уж Тони придется без него обходиться?

– С радостью возьму. Тем более что я надеюсь тоже попасть в армию.

– Ты об этом писал. Но ведь тебя не берут?

– Да уж, конкурс на мою персону среди военных ведомств пока не объявлен.

– Какая жалость. Впрочем, я тебя в армии не представляю. Тебе вроде автомобили никогда не нравились. А там теперь все в автомобилях ездят. Да ты сам знаешь. С позапрошлого года даже конница от коней отказалась, уж прости за каламбур. Мне один человек говорил. Правда, автомобилей у конницы тоже нет. Глупо, да? Впрочем, ты ведь и лошадей не любишь.

– Не люблю. С некоторых пор, – подтвердил Гай. Ему вспомнились восемь лошадей, что были у них с Вирджинией в Африке; вспомнились рассветные прогулки вокруг озера, а заодно уж и грузовичок марки «Форд», на котором он дважды в месяц ездил на рынок, месил проселочную грязь.

– Если ездить, так в купе класса люкс, верно?

– Купе класса люкс и первый класс в целом на время войны отменяются.

– Прости, – произнес мистер Краучбек. – Я и не думал тебя поддразнивать. Какой ты молодец, сынок, что приехал меня навестить, нынешним-то транспортом. Зато тебе скучно не будет. В гостинице теперь много постояльцев – кто бы мог подумать, верно? За последние две недели мой круг общения полностью обновился. Мои друзья – очаровательнейшие люди. Ты будешь приятно удивлен.

– Неужели в твоём распоряжении теперь дюжина реинкарнаций мисс Вейвсур?

– Нет, что ты. Это люди совсем иного толка. В большинстве своём довольно молодые. Например, милейшая миссис Тиккеридж с дочкой. У неё муж – майор Полка алебардщиков. Как раз приехал в увольнительную. Тиккериджи тебе понравятся.

Гостиница «Марина» была переполнена, как и прочие гостиницы по всей Британии. Прежде появление Гая вызывало живейший интерес немногочисленных постояльцев и суету обслуги. Теперь он не мог добиться внимания к своей персоне.

– Нет у нас свободных номеров, – отрезала хозяйка. – Мистер Краучбек просил для вас комнату, только мы-то вас к завтраму ожидали. А нынче ни одного номера, уж извините.

– Может, устроим его на ночь у меня в гостиной?

– Мистер Краучбек, мы сделаем, что в наших силах. Только придется обождать.

Посыльный, так и не появившийся на станции, сновал по холлу, разносил напитки.

– Сбегаю за вашим багажом, сэр, вот только минутка свободная выдастся. Уж не обессудьте, придется до после ужина обождать.

Гай не хотел ждать до после ужина. Он чувствовал острую необходимость сменить рубашку, однако человек с подносом исчез прежде, чем Гай рот раскрыл.

– Суета, точно на ярмарке, – заметил мистер Краучбек. – А Тиккериджи, о которых я говорил, – вон они. Пойдем, я тебя представлю.

За столиком сидели мышевидная женщина и мужчина в военной форме и с предлинными вислыми усами.

– Девочку свою, должно быть, уже спать уложили, – продолжал мистер Краучбек. – Удивительное дитя. Ей всего шесть, а обходится без няньки. Сама себя обслуживает.

При приближении мистера Краучбека мышевидная женщина улыбнулась с очарованием, какого Гай никогда бы в ней не заподозрил. Усач бросился двигать стулья, освобождать пространство.

– Добрый вечер, – произнес майор. – Извините, не могу вам руки подать. – (Майор держал над головою стул.) – Мы как раз собирались пройтись по магазинам. Это ваш сын?

Каким-то чудом майору удалось освободить место для двух стульев. Еще ему удалось отловить посыльного. Мистер Краучбек представил Гая.

– Значит, в рядах едоков лотоса пополнение? Я вот тоже супругу с дочерью здесь устроил. Дивное местечко. Жаль, что самому надо в казарму возвращаться, а то бы я недельку-другую тоже побездельничал.

– Я завтра уезжаю, – возразил Гай.

– Вот это жалко. Была бы хорошая компания моей женушке. Старички, конечно, сплошь миляги, только ей бы с ровесниками больше общаться.

Помимо великолепных усов, майора Тиккериджа отличали жесткие, как проволока, рыжие волосы, росшие на скулах пучками, точно кошачьи вибриссы. Волоски эти постоянно лезли ему в глаза.

Явился посыльный с подносом. Гай предпринял попытку напомнить о своем багаже, но посыльный бросил: «Одну минуточку, сэр» – и снова исчез.

– Проблемы с багажом? – сразу заинтересовался майор. – От этого молодчика вы толку не добьетесь. Что конкретно произошло?

Гай нехотя рассказал.

– Так это пустяки. Под моим началом бесценный, но имеющий привычку исчезать алебарщик Голд. Он сейчас в местном резерве. Его и пошлем.

– Ну что вы... Это неудобно...

– С момента прибытия Голд палец о палец не ударил. Единственное его занятие – будить меня ни свет ни заря. Размяться ему не повредит. К тому же он человек женатый, а тут вокруг него горничные так и вертятся – долго ли до греха? Пусть прогуляется, чувства причесет.

Гай проникся глубочайшей симпатией к этому славному волосатому усачу.

– Будем, – произнес майор, поднимая бокал.

– Будем, – пискнула его жена.

– Будем, – не моргнув глазом повторил мистер Краучбек.

Гая хватило только на нечто нечленораздельное.

– Первый за сегодня, – констатировал майор, опрокинув в глотку розовый джин. – Ви, милая, закажи еще, пока я буду Голда инструктировать.

И майор Тиккеридж, непрестанно натываясь на людей и принося глубочайшие извинения, проследовал к выходу.

– Не знаю, как и благодарить вашего супруга.

– Просто он не выносит, если люди без дела сидят, – пояснила миссис Тиккеридж. – Алебардчики все такие.

Ужинали Гай с отцом отдельно от Тиккериджей.

– Славные люди, верно? – произнес мистер Краучбек. – Дженифер ты завтра увидишь. На редкость воспитанная девочка.

Столики старых постояльцев располагались у стен, новичков посадили в середине. Словно нарочно, чтобы обслуживать их быстрее, подумал Гай. Согласно давнему уговору, мистеру Краучбеку позволялось держать в гостиничном погребе свое собственное вино. На их с Гаем столике уже стояли бургундское и портвейн. Ужин из пяти блюд оказался куда лучше, чем ожидал Гай.

– Молодцы Катберты – такой наплыв гостей, а они марку держат. Вот бы и везде так было. Конечно, приходится ждать перемены блюда, но все равно, ужин достойный, и это целиком и полностью их заслуга. Мне только одно не по душе – Катберты просили не приводить Феликса в столовую. С другой стороны, их можно понять: Феликс – крупный пес.

Вместе с пудингом официант поставил на стол тарелку собачьей еды. Мистер Краучбек собственной вилкой проверил, чем нынче кормят его пса.

– Вполне, вполне, – прокомментировал он. – Большое спасибо. Гай, ты не против, если я на минутку поднимусь в номер? Феликс привык питаться именно в это время. Пей пока портвейн. Я мигом.

Мистер Краучбек с тарелкой прошел к себе в гостиную, которой на одну ночь предстояло превратиться в Гаеву спальню, и действительно очень скоро вернулся.

– Мы, Гай, попозже с Феликсом погуляем, часов в десять. Тиккериджи, кстати, уже поели. Вчера и позавчера мы после ужина вместе пили портвейн. Сегодня они стесняются подойти, наверно из-за тебя. Не против, если я их позову?

Тиккериджи были приглашены.

– Прекрасное вино, сэр.

– Да, неплохое. Из Лондона присылают.

– Хорошо бы вы как-нибудь к нам заглянули. Для гостей мы приберегаем отличнейший портвейн. И вы тоже приходите. – Последнее замечание относилось к Гаю.

– Мой сын, несмотря на то что давно не юноша, предпринимает отчаянные попытки поступить на военную службу.

– Вот как? Вам приключений хочется?

– Я бы не стал называть войну приключением.

И Гай, криво усмехаясь, поведал о разочарованиях и отказах, пережитых им за последние две недели.

Майора Тиккериджа несколько озадачила Гаева самоирония – он привык к иным оттенкам.

– Послушайте, так вы это серьезно? – переспросил майор Тиккеридж.

– Видимо, в шутку обратить не удалось. Да, серьезно. К сожалению, – отвечал Гай.

– Потому что, если вам правда хочется в армию, можете поступить в наш полк.

– Да? А меня уже всюду забраковали. Я до того дошел, что хотел в министерстве иностранных дел подвизаться.

Майор Тиккеридж выказал глубочайшее участие.

– По-моему, Министерство иностранных дел – последнее дело. Хм, каламбурчик получился. Так вот, о чем бишь я. Если вы правда хотите в действующую армию, я могу это устроить. Мы, алебардщики, не обязаны общим правилам подчиняться. В частности, Хор-Белиша⁸ со своими идеями на тему «начинать надо с рядового» нам не указ. Мы свою бригаду формируем – войдут и кадровые военные, и приписные, вот вроде вас, и военнообязанные, и сверхсрочники. Конечно, пока все, так сказать, на бумаге, но со дня на день начнутся учения для новичков. Проект беспрецедентный. А мы в полку все приятели, так что только попросите – я за вас словечко замолвлю перед капитан-комендантом. Он буквально на днях говорил, что приписных не мешало бы сдобрить парой-тройкой солидных мужчин, а то там одни сосунки.

К десяти вечера, когда стемнело и Гай с отцом пошли выгуливать Феликса, майор Тиккеридж успел сделать энное количество пометок насчет Гая и пообещать при первой же возможности заняться им вплотную.

– Удивительно, – начал Гай, – я несколько недель без толку унижался перед генералами да членами совета министров. А приехал к тебе – и часа не прошло, как дело мое решилось, причем человеком, которого я первый раз в жизни вижу.

– Вообще-то так всегда и бывает. Я ведь говорил: Тиккеридж – просто золото, – отозвался мистер Краучбек. – А Полк алебардщиков – достойнейшее военное подразделение. Я их на параде видел. Они ничуть не хуже Ирландских гвардейцев.

В одиннадцать вечера огни в гостинице были погашены, прислуга ушла. Гай с отцом отправились спать. Гостиная мистера Краучбека пропахла табаком и псиной.

– Боюсь, тебе здесь будет не слишком удобно.

– Ничего: у Анджелы я вообще спал в библиотеке.

– Ну, спокойной ночи, сынок.

Гай разделся, лег на диван. Окно было открыто. Совсем рядом шумело море, комнату наполнял соленый воздух. Какая перемена по сравнению с нынешним утром, думал Гай.

Внезапно открылась дверь спальни, смежной с гостиной.

– Сынок, ты спишь?

– Еще нет.

– Вот медальон. Ты же сказал, хочешь его носить. А то я утром точно забуду.

– Большое спасибо, папа. С этой минуты я его не сниму.

– На столе будет лежать. Спокойной ночи.

Гай протянул руку, нащупал легкий металлический диск и шнурок. Надел медальон. Отец все не ложился, ходил по комнате. Дверь снова открылась.

– Гай, сынок, я вот что. Завтра утром мне придется пройти через твою комнату. Постараюсь не шуметь.

– Я тоже хочу на мессу.

– Вот как? Славно. Ну спи. Доброй ночи.

⁸ Лесли Исаак *Хор-Белиша* (1894–1957) – британский государственный деятель, занимал разные посты. Был министром транспорта, а с 1937 по 1940 г. – военным министром. Модернизировал армию. В частности, облегчил быт солдат. Предложил упрощенную схему продвижения по карьерной лестнице и задействование младшего офицерского состава предпенсионного возраста. Из последнего обстоятельства вытекала отсрочка отставки, что вызвало определенное недовольство. Настаивал на объявлении войны Германии. В силу еврейского происхождения многие считали, что войну Хор-Белиша хочет объявить исключительно для того, чтобы спасти евреев, населяющих Европу. В январе 1940 г. его вынудили уйти в отставку.

Вскоре до Гая донесся легкий отцовский храп. Перед тем как заснул сам, Гай успел задаться непростым вопросом: «Почему я не смог сказать майору Тиккериджу „Будем“? Отец – сказал. Джарвис – сказал бы. А мне что помешало?»

Книга первая Эпторп достославный

1

– Будем, – сказал Гай.

– Будем, – отозвался Эпторп.

– Вы двое, вам лучше напитки на мой счет записывать, – встрял майор Тиккеридж. – Младшему офицерскому составу не дозволяется пить в столовой до обеда.

– Боже! Простите, сэр.

– Дружище, откуда вам было знать? Это я виноват – не предупредил. Правило у нас такое, для молодых. Конечно, вы под это определение не слишком подходите, но правило есть правило. Захотелось выпить – сообщите обслуживающему капралу и топайте в бильярдную: спиртное туда и доставят, и слова вам никто не скажет.

– Спасибо за информацию, сэр, – ответил Эпторп.

– Конечно, горло промочить хочется – вас небось по плацу до полусмерти загоняли. Мы с командиром утром все видели. И, доложу я вам, прогресс налицо.

– Стараемся, сэр.

– Нынче весточку получил от своей женушки. На мэтчетском фронте спокойно. Жаль, далековато – на выходные не наездишься. Ну да ладно, пройдете курс – дадут вам недельку отпуска. Должны дать.

Ноябрь только начался. Зима в этом году буквально обрушилась, уже холода стояли. В офицерской столовой горел камин. Младшим офицерам, если только они не бывали приглашены, у камина располагаться не разрешалось; впрочем, приятный жар проникал и в дальние углы.

Офицеры Королевского полка алебардчиков, в силу своей бедности, жили преугодно. В столовых полков более престижных, например, после ужина оставался только дежурный. А для алебардчиков военный городок вот уже двести лет был что дом родной. «У нас любой болван приживется», – говаривал майор Тиккеридж. Действительно, Гай с Эпторпом за целый месяц службы ни разу не выбрались поужинать в город.

Из двадцати курсантов они были самые старшие. Циркулировали слухи, что аналогичная группа имеется в центре формирования части алебардчиков. Объединения ждали со дня на день. Несколько сот военнообязанных проходили подготовку на побережье. Предполагалось, что новая бригада будет сформирована весной из приписных алебардчиков и регулярного полка. Фраза «когда сформируют бригаду» сделалась присловьем. Формирование бригады оправдывало теперешнюю муштру; формирования ждали как Рождества, как начала новой жизни.

Товарищи Гая были в основном молодые лондонские клерки. Двое или трое попали в полк прямо со школьной скамьи. Один, Фрэнк де Суза, как раз успел окончить Кембридж. Гай узнал, что отобрали их из двух с лишним тысяч претендентов. Иногда он задавался вопросом, какими принципами руководствовались отбиравшие, – очень уж разношерстная получилась компания. Потом понял: разношерстность предполагалась изначально, это конек такой у полка – рассчитывать не на первосортное сырье, а на проверенные методы воспитания. Дисциплина на плацу и соблюдение традиций в столовой должны, по глубокому убеждению алебардчиков, сделать свое дело, понятие о воинской чести – благословением снизойти на всех без разбору.

Один только Эпторп производил впечатление настоящего военного. Он был высокий, мускулистый, загорелый, усатый, владел изрядным запасом специальных терминов и аббреви-

атур. До недавнего времени Эпторп служил в Африке; по какой части, неизвестно. Африканская пыль намертво въелась в его ботинки.

Ботинки вообще были предметом особого Эпторпова интереса.

Они с Гаем познакомились по пути в полк, в поезде. Гай сел на Черинг-кросс, поднял глаза – и увидел эмблему алебардщика и пуговицы с изображением полковых рожков. В первую секунду Гай подумал, что самым фактом своего присутствия в одном вагоне со старшим офицером допускает грубое нарушение этикета.

У Эпторпа не было ни газеты, ни книги. Поезд мчался, улетали мили, а Эпторп не отрываясь смотрел на собственные ботинки. В процессе наблюдений, совершаемых исподтишка, Гай установил, что на Эпторповых погонах вовсе не короны, а одиночные звездочки, как и у него самого. Оба молчали. Наконец, минут через двадцать, Эпторп достал трубку и принялся тщательно набивать ее из объемистого кисета. Набив же, произнес:

– «Дельфины». Новенькие. У вас такие же?

Гай перевел взгляд с Эпторповых ботинок на свои. Различий не заметил. Может, «дельфинами» в армии принято называть форменную обувь?

– Не знаю. Я просто пошел к своему сапожнику и заказал две пары прочных черных ботинок.

– Он мог вам и коровью кожу подсунуть.

– Наверно, так он и сделал.

– Вы, дружище, большую ошибку допустили, не в обиду вам будет сказано.

Минут пять Эпторп пытался трубкой, потом снова заговорил:

– Конечно, на самом деле это кожа белухи. Ну, да вы в курсе.

– Нет, не в курсе. А почему вы тогда называете свои ботинки «дельфинами»?

– Секрет фирмы, дружище.

С тех пор Эпторп неоднократно возвращался к теме ботинок. Когда бы Гай ни проявил компетентность в любом другом вопросе, Эпторп обязательно бросал:

– Странно все же, что вы не носите «дельфинов». А ведь производите впечатление человека понимающего.

Зато денщик – один на четверых приписных офицеров – клял пресловутые «дельфины» всякий раз, когда брался за щетку и ваксу. А еще «дельфины», тусклые, несмотря на денщиковы усилия, неизменно вызвали замечание к внешнему виду алебардщиков – единственное, кстати, замечание.

На почве возраста Гай с Эпторпом не то чтобы сдружились, а стали держаться вместе. Молодые офицеры в обращении к ним усвоили слово «дядя».

– Ну, – произнес Эпторп, – а не пора ли нам?

Обеденный перерыв был рассчитан строго на обед, без дуракаваляния. На бумаге значилось полтора часа. Однако полевую форму пока не выдали, на занятия по строевой подготовке офицеры ходили в форме для рядовых, из хлопчатобумажной саржи, в которой, конечно же, нельзя было появляться в столовой. Переодевание требовало времени. А сегодня главный старшина Корк велел им на пять минут задержаться после звонка к обеду – в наказание за то, что Триммер утром опоздал на построение.

Пожалуй, Триммер единственный вызывал у Гая устойчивую неприязнь. Триммер был не из самых молодых. Глаза его, близко посаженные, осененные длинными ресницами, смотрели проницательно. Под фуражкой скрывался белокурый вихор; если Триммер снимал фуражку, вихор скручивался на лбу золотистой спиралью. Говорил Триммер на припомаженном кокни. Когда в бильярдной включали джаз по радио, Триммер воздевал руки и принимался вихляться, впрочем не без изящества. О том, что делал Триммер до войны, история умалчивала, Гай же подозревал его в причастности к театральной среде. Триммер был весьма неглуп, однако на военной службе у него не ладилось. Выражения вроде «честь мундира» не находили отклика

в Триммеровой душе; не утешала его и мрачная торжественность мессы. Едва алебардщиков отпускали с занятий, Триммер испарялся, иногда один, иногда со своею бледною тенью Сарум-Смитом – кроме Сарум-Смита, с ним никто не хотел водиться. На Эпторпе лежала печать быстрого продвижения; от Триммера за милю несло скорым крахом военной карьеры, толком не начавшейся. В то утро он появился на построении секунда в секунду по оговоренному в приказе времени. Все успели раньше и прождали целых пять минут – главный старшина Корк уже начал перекличку. Таким образом, алебардщиков распустили только в двенадцать тридцать пять.

Они поспешили в казарму, побросали ружья и прочее на койки и переоделись в парадную форму. Каждый при трости и перчатках (которые требовалось застегнуть перед выходом, ибо молодой офицер, пойманный за сим постыдным занятием на лестнице, бывал отправляем обратно), алебардщики парами проследовали в офицерский клуб. Этот путь они проделывали ежедневно. Через каждые десять ярдов они отдавали честь. (Честь в казармах алебардщиков и отдавалась, и бралась согласно раз навсегда установленному ритуалу. Старший в паре считал: «Вверх! Раз, два, три. Вниз!») В холле портупей снимались, трости ставились на подставку.

В теории при приеме пищи привилегий по чинам не предполагалось. «Однако, джентльмены, не забывайте о такой категории, как почтение юноши к старцу», – было сказано еще в первый вечер. Это самое почтение сплошь и рядом оказывалось Гаю с Эпторпом как превосходящим по возрасту всех кадровых капитанов. Теперь они вошли в столовую вместе. Только что пробило час дня.

Гай положил себе кусок пирога с говядиной и почками и понес тарелку к ближайшему свободному месту. Рядом с ним немедленно возник денщик с салатом и жареной картошкой. Лакей, приставленный к спиртным напиткам, обрушил на стол перед Гаем серебряную кружку пива. Говорили мало. Поднимать тему военной службы запрещалось, а об остальном они почти не думали. Со стен, из золоченых рам, мрачно смотрели те, кем вот уже два столетия гордился Полк алебардщиков.

При вступлении в полк Гая мучили дурные предчувствия в сочетании с нетерпением; в первые дни он рот раскрыть боялся. Все его сведения о жизни в казармах сводились к рассказам об унижениях, каким подвергают офицеров-новичков; в рассказах фигурировали так называемые боевые крещения – варварские церемонии инициации. Один Гаев приятель утверждал, что в полку его ровно месяц в упор не замечали, а по истечении месяца обратились с вопросом: «Ну, мистер Вонючка, может, сообщишь, как твоя фамилия?» В другом полку младший офицер имел неосторожность сказать старшему «Доброе утро» и в ответ услышал: «Доброе утро, доброе утро, доброе утро, доброе утро, доброе утро, доброе утро, доброе утро. Надеюсь, вам этого на неделю хватит». Однако за радушными алебардщиками таких привычек не водилось – Гая и его товарищей встретили с распростертыми объятиями. Гаю казалось, что в последние недели он наверстывает нечто упущенное в отрочестве, а именно полнокровную бодрость.

Капитан Босанквет, начальник отделения личного состава, шел из офицерской столовой в прекрасном расположении духа, что немудрено, после третьего-то розового джина. Подле Гая с Эпторпом он задержался.

– Небось нынче на плацу холод собачий, а, ребята?

– Так точно, сэр, собачий.

– Передайте всем, чтобы после обеда выходили в шинелях.

– Передадим, сэр.

– Большое спасибо, сэр.

– За что «большое спасибо», болваны, – не преминул заметить выпускник Кембриджа де Суза сразу по уходе капитана Босанквета. – Теперь нам заново переодеваться.

Таким образом, ни на кофе, ни на сигарету времени не осталось. В половине второго Гай с Эпторпом затянули ремни, застегнули перчатки, посмотрелись в зеркало с целью убедиться, что фуражки не набекрень, взяли трости под мышки и направились в казарму.

– Вверх. Раз, два, три. Вниз! – По дороге попала рабочая команда, ей отдали честь.

По лестнице поднимались уже рысью. Гай переменял платье и теперь торопливо поправлял португую, перевязь и прочий фасадный декор. Под ногти ему набилась мастика для чистки ремней. (Всю свою взрослую жизнь эти часы Гай проводил в кресле-качалке.) В форме для строевой подготовки разрешалось передвигаться перебежками. На плацу Гай появился с полминуту в запасе.

Триммер имел вид плачевный. Шинель его, которую надлежало застегнуть внахлест до самого подбородка, была оставлена нараспашку. Вдобавок Триммер напутал с тесьмой. Один боковой ремень болтался у него за спиной, второй почти неприлично торчал спереди.

– Мистер Триммер, сэр, выйдите из строя. Ступайте в казарму и через пять минут возвращайтесь в подобающем виде. Отставить! Мистер Триммер, от вас требуется сделать шаг назад из последней шеренги. Отставить! При команде «Выйти из строя» начинать с левой ноги. Кругом! Бегом марш! Отставить! Правую руку на уровень ремня, одновременно левую ногу поднять. Еще раз. Что это за смех, мистер Сарум-Смит? В нашем взводе ни один офицер не безупречен, так что нечего смеяться. Чтоб я больше этого не слышал. Всякий, кто засмеется на построении, отправится к начальнику отделения личного состава. Все поняли? Вольно. Пока мистер Триммер приводит себя в порядок, мы с вами повторим историю Полка алебардчиков. Итак. Королевский полк алебардчиков впервые был сформирован графом Эссексом во время правления королевы Елизаветы для службы в Нидерландах, Бельгии и Люксембурге. Позднее полк получил название «Вольные алебардчики» – в честь победы графа Эссекса. Мистер Краучбек, как еще называют наш полк?

– «Медные подковы», сэр, а также «Яблочный бренди».

– Правильно. Мистер Сарум-Смит, объясните, откуда взялось название «Яблочный бренди».

– После битвы при Мальплаке отряд нашего полка под командованием старшины Брина разбил лагерь в яблоневом саду. На наших напали французские мародеры, а наши забросали их яблоками и прогнали прочь, сэр.

– Очень хорошо, Сарум-Смит. Мистер Леонард, расскажите о роли Полка алебардчиков в Первой англо-ашантийской войне...⁹

Наконец явился Триммер.

– Очень хорошо. Теперь можем продолжить. Сегодня мы с вами отправимся на кухню, где старшина Гроггин научит вас отличать качественное мясо от некачественного. Каждый офицер должен разбираться в мясе. Поставщики из гражданских так и норовят облапошить нашего брата – получается, что от бдительности офицера зависит здоровье рядовых. Итак, мистер Сарум-Смит, принимайте командование на себя. При команде «Выйти из строя» следует выйти из строя, повернуться на триста шестьдесят градусов и встать лицом к солдатам. Выйти из строя. Теперь это ваш взвод. Меня нет. Вы, сэр, должны приказать взводу сложить оружие и отвести людей на кухню. Если не знаете дороги, положитесь на свой нюх. Сначала пусть люди составят винтовки в козлы – эти навыки освежить в памяти никогда не помешает. Затем отдавайте приказ.

В то время особое внимание уделялось именно навыкам составления винтовок в козлы. Сарум-Смит проявил неуверенность. Гай тоже. Де Суза начал за здоровье, кончил за упокой.

⁹ *Англо-ашантийские войны* (всего их было семь) – войны между Англией и Федерацией Ашанти (на территории современной Ганы), которые велись на протяжении всего XIX столетия. В результате Ашанти стала английской колонией.

Наконец вызвали палочку-выручалочку Эпторпа. Тот не без легкого чувства собственного превосходства отрапортовал:

– Нечетные номера из первой шеренги левой рукой берут винтовки четных номеров, перекрещивая дула, при этом магазины должны быть повернуты наружу. Одновременно следует поднять вертлюг посредством большого и указательного пальцев обеих рук...

Отряд выступил на кухню. Остаток дня алебардщики наблюдали за процессом приготовления пищи (в адской жаре) и за процессом сохранения продуктов (в адском холоде). Они видели бычьи туши, огромные, лилово-желтые, и учились отличать кота от кролика по количеству ребер.

В четыре часа пополудни алебардщиков распустили. В офицерской столовой чай ждал всякого, кто сочтет, что он, чай, стоит лишнего переодевания. Большинство алебардщиков прилегли отдохнуть и лежали, пока не настало время физической подготовки.

К Гаю заглянул Сарум-Смит.

– А скажи-ка, дядя, тебе хоть сколько-нибудь заплатили?

– Ни пенса.

– А ты что-нибудь предпринимал?

– Сообщил заместителю командира. Он говорит, так всегда бывает. Заплатят, надо только подождать.

– А если я не могу себе такого ожидания позволить, тогда что? Кое-кому из парней на фирмах зарплату продолжают выплачивать – дескать, служите себе без ущерба для кошелька. А мне никто не платит. Ты, дядя, я смотрю, тоже неплохо обеспечен?

– По крайней мере, о разорении речь пока не идет.

– Повезло. А я практически на бобах. У них тут все продумано. Мы, когда мобилизовались, сами за свое же пропитание платили.

– Не совсем так. Мы платили за дополнительное питание. Цены были выгодные.

– Все это хорошо, только я рассчитывал, нас в армии хоть кормить бесплатно будут. А как первый счет из столовой принесли, меня чуть удар не хватил. Они что, думают, мы деньги лопатой гребем? Короче, я на мели.

– Сочувствую, – обреченно произнес Гай, ибо в последние несколько недель ему неоднократно приходилось выслушивать похожие тирады, вдобавок он недолюбливал Сарум-Смита. – Вероятно, требуется кредит?

– Дядя, ты просто мои мысли читаешь. Удовольствуюсь пятью фунтами, если, конечно, у тебя столько есть. Отдам сразу, как родная армия сподобится жалованье заплатить.

– Только другим не говори.

– Буду нем как рыба. На самом деле многие наши нуждаются. Я сперва пошел к дяде Эпторпу, так он меня к тебе отправил.

– Похвальное человеколюбие.

– Нет, конечно, если тебе затруднительно...

– Нисколько не затруднительно. Просто не хотелось бы весь полк деньгами ссужать.

– Я отдам, обязательно. Как только, так сразу.

Совокупный долг алебардщиков Гаю Краучбеку составлял уже пятьдесят пять фунтов.

* * *

Пришло время переодеваться во фланелевые костюмы и идти в спортзал. Эти часы Гай ненавидел. Отряд был уже в сборе. Двое капралов-алебардщиков гоняли футбольный мяч. Мяч от сильного удара угодил в стену аккуратно над головами курсантов.

– Чертов пижон, – заметил молодой человек по фамилии Леонард.

Мяч повторил траекторию, причем на сей раз к головам приблизился.

– Спорить готов, он нарочно так бьет, – буркнул Сарум-Смит.

Внезапно раздался Эпторпов командирский бас:

– Эй, вы, двое! Что, не видите – здесь офицеров целый взвод? Убирайтесь отсюда со своим мячом!

Капралы надулись, однако забрали мяч и вышли, как бы даже довольные, что будут играть в другом месте. Их гогот раздался уже из-за двери. Спортзал виделся Гаю некой экстерриториальной зоной, вроде посольства враждебной державы; у него в голове не укладывалось, что спортзал может иметь отношение к упорядоченной жизни в казармах.

Инструктор по физической подготовке был человек молодой, набриолиненный и вообще весь какой-то обтекаемый. Он имел крупный зад, глаза его неестественно блестели. Чудеса силы и ловкости он демонстрировал с кошачьим невозмутимым самолюбованием, для Гая крайне обидным.

– Во время занятий физкультурой наша цель – размяться и нейтрализовать следствия давно устаревшей муштры, сковывающей человека. Некоторые из вас уже не юноши. Не напрягайтесь. Прислушивайтесь к своему организму. Не стремитесь сделать больше, чем можете. Я хочу видеть, что вы получаете удовольствие от упражнений. Начнем с игры.

Игры, предлагаемые инструктором, вызывали оскмину даже у самых молодых курсантов. Гай коленками забирал футбольный мяч у стоящего впереди и передавал дальше. Инструктор делил отряд на две шеренги – предполагалось, что они соревнуются.

– Поактивнее! – подначивал инструктор. – Вас же обгоняют! А я за вас болею. Не подведите меня.

После игры наступал черед упражнений.

– Изящнее, джентльмены, нежнее! Еще нежнее. Пусть каждый из вас представит, что вальсирует со своей невестой. Берите пример с мистера Триммера. Он прекрасно чувствует ритм. Раньше военная служба предполагала многочасовые стояния по стойке «смирно» и длительные маршировки. Новейшие исследования показывают, что маршировка пагубно влияет на позвоночник. Поэтому сейчас в армии ввели обязательную получасовую разминку, завершающую трудовой день.

Этот хлыщ на фронт не пойдет, думал Гай. Всю войну проторчит в теплом спортзале, будет играть мускулами, ходить на руках, прыгать, как резиновый мячик, а снаружи пусть хоть камни с неба сыплются.

– В Олдершоте сейчас практикуют занятия под музыку. Конечно, только для старших.

Этому типу, развивал мысль Гай, не найдется места среди «Вольных алебардчиков» графа Эссекса. Представителя «Медных подков» или «Яблочного бренди» из него тоже не выйдет – недостойн.

После занятий физической подготовкой следовало в очередной раз переодеться и идти на лекцию капитана Босанквета по военному праву. И лектор, и аудитория пребывали в состоянии, близком к коматозному. Капитан Босанквет требовал единственно тишины.

– Самое главное – следить за выходом поправок и дополнений к боевому уставу и сразу вносить их себе в книжицу. Всегда так поступайте – и проблем у вас не будет.

В шесть тридцать лекция заканчивалась. Курсанты просыпались. Наконец они были свободны. В тот вечер капитан Босанквет попросил задержаться Гая с Эпторпом.

– Джентльмены, я сегодня заглядывал в спортзал. Как по-вашему, занятия физкультурой вам что-то дают?

– Пожалуй, нет, сэр, – отвечал Гай.

– Понимаю. Людей вроде вас они должны скорее тяготить. Кстати, вы можете от них отказаться. Главное, в столовой не мелькайте. Оставайтесь в казарме, а если кто спросит, говорите, что штудируете военное право.

– Огромное спасибо, сэр.

– В один прекрасный день вам доверят людьми командовать. Военное право куда больше пригодится, чем физкультура.

– Если можно, я бы лучше в спортзал ходил, – произнес Эпторп. – Мне после плаца разминка нужна.

– Как угодно.

– Всегда помногу спортом занимался, – пояснил Эпторп уже в казарме. – Сержант Прингл правильно насчет позвоночника говорит. Сразу видно – специалист. А я свой позвоночник в последнее время сверх меры сотрясал. То-то мне нехорошо. Не иначе, все дело в позвоночнике. И вообще, не хочу, чтоб меня стариком или там слабаком считали. Я не хуже остальных. Просто на мою долю больше лишений выпало.

– Кстати, насчет общественного мнения: это правда, что ты Сарум-Смита ко мне отправил?

– Ну да. Денег принципиально не одалживаю и сам в долг не беру. Насмотрелся и на должников, и на кредиторов.

На каждую лестничную площадку полагалось две ванны. В спальнях уже топились углем камины. Огонь поддерживали старики-алебардчики, вновь призванные под королевские знамена и приставленные прислуживать в казармах. Это было для Гая любимейшее время суток. Из-за двери ванной слышался топот – молодые офицеры спешили в кинотеатр, в гостиницу или на танцы. Гай сначала долго мок, потом обмякал в плетеном кресле у камина. Ни одна средиземноморская сиеста не давала такой степени расслабления.

Пришел Эпторп, звать Гая в офицерский клуб. Офицеры-курсанты вольны были являться в любой одежде. Синюю форму приобрели только Эпторп и Гай, и это обстоятельство в определенном смысле выделяло их среди прочих новичков, приближало к боевым офицерам – не потому, что только они могли позволить себе потратить по двенадцать гиней, а потому, что решили инвестировать в традиции Полка алебардчиков.

«Дядюшки», оба в синей форме, вошли в офицерскую столовую – и обнаружили там только майора Тиккериджа и капитана Босанквета.

– Давайте к нам, – хлопнул в ладоши майор Тиккеридж. – Эй! Музыку, кордебалет и четыре розовых джина!

Гай любил майора Тиккериджа и капитана Босанквета. Гай любил Эпторпа. Гай любил картину над камином, изображавшую плац алебардчиков в пустыне, причем плац целехонький. Гай любил весь Полк, любил глубоко и беззаветно.

Ужин был официальный. Выборный председатель стукнул по столу молоточком из слоновой кости, капеллан прочел молитву. Молодые офицеры, привыкшие к трапезам более скорым и менее обильным, находили атмосферу весьма гнетущей.

– По-моему, глупо, – заметил Сарум-Смит, – даже во время еды людей муштровать.

Стол освещался ветвистыми серебряными подсвечниками. Подсвечники знаменовали вехи славной истории полка за последнее столетие. Вехи имели вид осанистых пальм и коленапоклоненных дикарей. Присутствовали человек двадцать офицеров. Большая часть молодых дернула в город; «старики» уехали на окрестные виллы, к женам. Вино подавали, только если в Полку кто-то гостил. Гай в первый вечер сплоховал – попросил кларету, и был тотчас осажен фразой: «А что, разве нынче у кого-то день рождения?»

– Сегодня концерт АЗМВ¹⁰. Пойдем?

– Пойдем.

– Вообще-то, я собирался устав с новыми поправками перебелять.

– Говорят, наш писарь за это дело берет всего фунт и рад-радешенек бывает.

¹⁰ Ассоциация зрелищных мероприятий для военнослужащих. Основана Бэзилем Дином. Нанимала театральные коллективы и устраивала бесплатные спектакли.

– Лучше самому, – возразил Эпторп. – А на концерт я все-таки пойду. Там должен быть капитан-комендант, а я с ним с первого дня не разговаривал.

– И что ты ему хочешь сказать?

– Ничего конкретного. То есть смотря по ситуации.

Гай выждал несколько минут.

– Слышали, что начальник отделения личного состава сказал? Нас, возможно, отправят на фронт.

– Дружище, а вам не кажется, что отправка на фронт подпадает под категорию «разговоры о делах»?

Тут снова раздался стук молоточка, капеллан прочел молитву, и денщики стали уносить посуду. Процесс съема скатерти неизменно вызывал Гаево восхищение. Капрал становился в конце стола, денщики поднимали подсвечники. Затем следовало едва заметное движение капральских запястий – и скатерть белоснежной лавиной обрушивалась на капральские ботинки.

Стали разносить портвейн и нюхательный табак. Компания распалась на мелкие группки.

У алебардщиков имелся собственный гарнизонный театр. Помещался он в казарме. Гай с Эпторпом пришли, когда мест уже почти не осталось. Первые два ряда держали для офицеров. В середине сидел дородный полковник, которого алебардщики почему-то называли капитан-комендантом, с женою и дочерью. Гай с Эпторпом осмотрелись. Два свободных места было только подле полковника. Этот факт у обоих вызвал замешательство, Гай даже хотел уходить. Эпторп, наоборот, сделал шаг вперед.

– Ну, чего заробели? – прогрохотал капитан-комендант. – Не хотите с начальством рядом сидеть? Познакомьтесь: мое семейство.

Гай с Эпторпом уселись.

– Вы ездите домой на выходные? – спросила полковничья дочка.

– Нет. Видите ли, мой дом – в Италии.

– Не может быть. Вы, наверно, художник или музыкант? Как интересно.

– А я одно время жил в Бечуаналенде, – встрял Эпторп.

– Вам, видно, есть что порассказать, – констатировал полковник. – Ну да после об этом.

В конце концов, мы на концерт пришли.

На полковничий кивок зажглись огни ramпы. Полковник поднялся на сцену.

– Все мы с нетерпением ждем концерта, – начал он. – Эти очаровательные леди и достойнейшие джентльмены проделали долгий и трудный путь, чтобы нас развлечь. Так давайте же устроим им теплый прием, какой могут устроить только в Полку алебардщиков.

Под бурные аплодисменты полковник уселся на свое место и вполголоса пояснил:

– Вообще, это капелланова обязанность. Просто я изредка даю старику отдохнуть.

Раздались звуки фортепьяно. Занавес стал подниматься. Не дождавшись, пока сцена откроется полностью, полковник погрузился в глубокий, но беспокойный сон. Под гербом алебардщиков, на авансцене, возник театральный коллектив, состоящий из трех пожилых дам, сильно переборщивших с гримом, дышащего на ладан старика, которому грима не хватило, и бесполого существа неопределенного возраста – это оно насиловало инструмент. Все были в костюмах Пьеро и Пьеретт. На коллектив обрушился аванс аплодисментов. Концерт открывал невозмутимый хор. Головы в первых двух рядах одна за другой укладывались на жесткие воротнички. Гай тоже заснул.

Через час он был разбужен песнею, что слышалась на расстоянии буквально в несколько футов. Оказалось, в немощное тело престарелого северянина вселился южный тенор, буйный и безбрежный. Он и полковника разбудил.

– Это ведь не «Боже, храни короля»? – восторженно воскликнул полковник.

– Нет, сэр. Это «Да пребудет Англия вовеки».

Полковник напряг слух и мозг.

– Вы правы. Пока слов не услышу, ни за что мелодию не узнаю. А у старикана изрядный голос, верно?

Это был последний номер программы. Вскоре все стояли по стойке «смирно». Тенор пошел дальше. Он стоял по стойке «смирно», пока артисты и зрители вместе пели государственный гимн.

– Мы в подобных случаях обязательно приглашаем артистов выпить. Назначьте кого-нибудь из молодых, пусть предложат нашим гостям. Вы, верно, лучше нашего знаете, как театральную братию развлечь. Кстати, если в воскресенье здесь останетесь и более интересного занятия себе не придумаете, ждем вас к обеду.

– Большое спасибо, сэр, обязательно, – поспешил с ответом Эпторп, к которому приглашение никоим образом не относилось.

– Как, и вы придете? То есть, конечно, тоже приходите. Будем рады.

В офицерский дом полковник не пошел. Комитет по приему артистов был сформирован из пары срочников и троих-четверых Гаевых товарищей. Леди смыли густой грим, сбросили боа и фальшивые брильянты. Теперь их было не отличить от обычных домохозяек, полдня проводивших в очереди за продуктами.

Гая притерли к тенору. Тот снял парик, на темени красовались редкие, словно наклеенные, клочья седых волос. Как ни странно, клочья эти тенора молодили, хотя все равно он казался ископаемым. Щеки и нос испещряли кляксы синюшных прожилок, выцветшие слезящиеся глаза утопали в морщинах. Гай давно не видел такой развалины. Он счел бы тенора алкоголиком, но тот из напитков спросил только кофе.

– В последнее время стоит выпить виски – и бессонница обеспечена, – оправдывался тенор. – Военные все такие гостеприимные, просто чудо. Особенно алебардщики. Вы, «Медные лбы», всегда в моем сердце.

– «Медные подковы».

– Да, конечно, подковы. Я это и имел в виду. В последней кампании мы, артисты, двигались за алебардщиками. Мы вообще всегда с вами ладили. А я ведь все фронты Первой мировой с концертами объездил. Причем, заметьте, добровольцем. Я уже тогда по возрасту не подходил.

– А я с трудом пролез.

– Ну, вы-то молодой. Послушайте, а нельзя ли мне еще чашечку этого восхитительного кофе? Пение, знаете ли, заставляет полностью выкладываться.

– У вас прекрасный голос.

– По-вашему, слушателей проняло? Никогда ведь не знаешь, если сам поешь.

– Ну что вы. Огромный успех.

– Мы, конечно, на коллектив первой категории не тянем.

– Все номера были замечательные.

Повисла пауза. За столом, куда попали дамы, слышались взрывы смеха. Там-то атмосфера непринужденная, думал Гай.

– Может, еще кофе?

– Нет, спасибо, достаточно.

Пауза.

– Нынче новости с фронта оптимистичнее стали, – заметил тенор.

– Разве?

– Намного оптимистичнее.

– У нас времени на газеты не хватает.

– Еще бы, при такой-то нагрузке. Завидую я вам. Врут ведь напропалую, в газетах, я имею в виду, – печально добавил тенор. – Ни единому слову верить нельзя. Но это правильно. Пра-

вильно, несмотря ни на что. Поддерживает население, – донеслось из глубин тенорова уныния. – Нужно ведь каждое утро слышать что-нибудь воодушевляющее, верно?

Вскоре компания растворилась в ночи.

– А этот, с которым ты разговаривал, похоже, интересный человек, – заметил Эпторп.

– Да, интересный.

– Художник с большой буквы. Я было подумал, он в опере поет.

– Не иначе.

– В Гранд-опера, да?

Десять минут спустя Гай лежал в постели. В детстве его приучили на сон грядущий экзаменовывать собственную совесть и каяться. Теперь, на военной службе, в ход сего похвального упражнения вклинивались уроки, усвоенные за день. Гай постыдно срезался на навыках составления винтовок в козлы... «Четные номера из средней шеренги должны наклонить дула в сторону первой шеренги и взять винтовки под правую мышку, сначала гарду, в то же время перехватить вертлюг...» Гай уже не мог сказать, у кого больше ребер – у кролика или у кота. Жалел, что не он, а Эпторп выгнал нахальных капралов с мячом. Жалел, что осадил милого, печального старика на предмет «Медных лбов». Разве такого «теплого приема» ждали от него? Да, Гаю было в чем каяться и куда совершенствоваться.

2

В субботу, в полдень, имел место массовый исход из казарм. Гай, как обычно, остался. Потребность в тишине и одиночестве у него была постоянная; именно она, подобно клейму, выделяла Гаю из ряда вон, а вовсе не воспоминания, с каждым годом становившиеся все горше; не скромный банковский счет, не синяя форма, не отвращение к спортзалу и не любой из множества мелких симптомов возраста. Эпторп с утра ушел играть в гольф с одним кадровым офицером. Сегодня, думал Гай, времени достаточно: можно переодеться без спешки – а можно и не переодеться; можно выкурить сигару после обеда, пройтись по главной улице и купить в ларьке еженедельные газеты – «Спектейтор», «Нью Стейтмен» и «Тэблет», можно подремать над ними у камина в собственной спальне. Именно последнее Гай и практиковал, когда явился Эпторп. Дело приближалось к полуночи. На Эпторпе были фланелевые брюки и твидовый пиджак, изобилующий кожаными заплатками. По лицу его блуждала дурацкая улыбка, глаза стеклянисто поблескивали. Пил, догадался Гай.

– Добрый вечер. Ужинал?

– Нет. И не собираюсь. Слышал поговорку – «Ужин отдай врагу»? Полезно для здоровья.

– Ты что, никогда не ужинаешь?

– Дружище, разве я сказал «никогда»? Кое-когда ужинаю. Нечасто. Даю организму отдохнуть. Видишь ли, в бушах с докторами напряженка, приходится самому. Правило первое: держи ноги сухими. Правило второе: не перегружай организм едой. А третье правило знаешь?

– Не знаю.

– И я не знаю. Придерживайся первых двух – и будешь в полном порядке. Ты, Краучбек, неважно выглядишь. Беспокойство мое вызываешь. С Сандерсом встречаться доводилось?

– Да.

– Так вот, я с ним сегодня в гольф играл.

– И как оно?

– Прескверно. Ветрище, видимость никуда. Девять бросков сделал, потом плюнул. У Сандерса брат в Касанге. Ты небось думаешь, что Касанга – это рядом с Макарикари.

– А что, не рядом?

– От Касанги до Макарикари всего-то тысяча двести миль. И вот что я тебе скажу, Краучбек: для типа, которому тридцать шесть натикало, ты знаешь очень мало. Тысяча двести

мил, да по бушам, да по жару – а ты говоришь: рядом. – Эпторп уселся и впери в Гая скорбный взгляд. – Хотя какая разница? Чего переживать? Зачем тащиться в Макарикари? Почему бы не остаться в Касанге?

– Ну и почему?

– Потому что Касанга – дыра дырой, дырища, черт бы ее побрал, вот почему. Нет, конечно, если тебе там нравится – пожалуйста. Живи в свое удовольствие. Только меня не упрашивай компанию тебе составить. Тем более что у тебя там будет компания – Сандерсов братец. Если он ему брат хоть на йоту, он должен скверно играть в гольф, но тебе-то что? В Касанге ты и за такое общество Господу хвалу вознесешь. Нет, дыра дырой, дырища, так ее и так. Не понимаю, что ты там забыл.

– Эпторп, лег бы ты спать.

– Давно бы лег, если б не один был. Так всегда и везде, Макарикари, Касанга – без разницы. Сначала сидишь с приятелями в клубе, пьешь, и все вроде хорошо, все вроде славно. А потом время расходиться, и перед тобой перспектива лечь в одинокую постель. Мне нужна женщина.

– В казармах женщин нет.

– Да не для этого. Мне поговорить с женщиной хочется. Без этого-то я могу. Только не подумай, что я какой-нибудь рохля. Рохлей никогда не был, в свое время и этому тоже должное отдал. И еще отдам, буде случай представится. Просто мне не обязательно. Я выше половых сношений. Приучил себя – в бушах-то насчет женщин совсем никак. Нужно уметь себя настроить, иначе с ума сойдешь на почве секса. А вот поговорить – поговорить хочется.

– А мне не хочется.

– Ты в смысле, чтоб я ушел? Ладно, старина, уйду. Я не такой толстокожий, каким кажусь. Сразу вижу, если моим обществом тяготятся. Прости, что столько времени навязывался. Виноват. Очень виноват.

– До завтра.

Однако Эпторп и не думал уходить. Он сидел и вращал своими стеклянистыми глазами. Ощущение было, что раскрутили барабан рулетки, и теперь он замедляется и может остановиться на любой цифре. Что выпадет: женщины? Африка? Здоровый образ жизни? Гольф? Выпали ботинки.

– Угроздило же меня сегодня надеть туфли на резиновом ходу, – произнес Эпторп. – Как говорится, и на старуху бывает проруха. Всю игру мне испортили. Только и делал, что скользил.

– Эпторп, честное слово, шел бы ты спать.

Однако со стула Эпторп поднялся только через полчаса. И сразу же сел на пол, откуда и продолжал разговор, кажется, не замечая перемены позиции. Очередной приступ просветления ознаменовался фразой:

– Ох, старина, до чего же славно с тобой поговорить. Давай как-нибудь на днях продолжим. А сейчас я жутко спать хочу. Если ты не против, я бы лег.

И Эпторп действительно лег, где сидел, и лежал тихо. Под его мерное дыхание Гай забрался в постель и тоже заснул. Проснулся он в полной темноте, от кряхтения и топота. Гай включил свет. Эпторп заморгал, однако в голосе его слышалось сдержанное достоинство.

– Доброе утро, Краучбек. Я искал уборную. Наверно, не туда свернул. Спокойной ночи. И он вышел и не закрыл за собой дверь.

Наутро денщик, явившийся будить Гая, сообщил:

– Мистер Эпторп заболел. Просил вас зайти, как оденетесь.

Гай нашел Эпторпа в постели, с черным лакированным ящичком на коленях.

– Что-то мне не по себе, Краучбек. Совсем скверно, если начистоту. Наверно, весь день проваляюсь.

– Врача вызвать?

– Не надо. Это у меня приступ бечуанской лихорадки. Посещает меня, зараза этакая, с достойной лучшего применения регулярностью. Ну да я-то знаю, как с ней бороться. – Эпторп помешивал в стакане беловатую жидкость. – Жаль только, обещался обедать с капитан-комендантом. Надо бы ему шифровку послать.

– Может, лучше записку?

– Эх, старина, я и имел в виду записку. Просто в армии записки принято называть шифровками.

– Скажи, Эпторп, а ты помнишь, как заходил ко мне вчера вечером?

– Конечно, помню. Станный вопрос, дружище. Тебе известно, я не трепло, просто иногда люблю дать челюстям работу, особенно с душевным человеком. А сегодня мне нехорошо. Чертово поле для гольфа, как же там было сыро и холодно. У меня, стоит продрогнуть, непременно приступ бечуанской лихорадки начинается. Краучбек, старина, будь добр, дай мне лист бумаги и конверт. Напишу-ка я капитан-коменданту, пока при памяти. – Эпторп хлебнул своей микстуры. – Еще одно одолжение, Краучбек: поставь мою аптечку куда-нибудь, только так, чтобы я мог до нее дотянуться.

Гай взял лакированный ящичек, который при ближайшем рассмотрении оказался полон пузырьков с наклейками «Яд», поставил на стол, а Эпторпу подал бумагу.

– Как думаешь, годится, если написать «Сэр, настоящим имею честь уведомить вас»?

– Не годится.

– Тогда просто «Достопочтенный полковник Грин»?

– Лучше «Достопочтенная миссис Грин».

– Точно. Нужно же к хозяйке обращаться. Краучбек, ты гений этикета. «Достопочтенная миссис Грин». Без вариантов.

* * *

Полк алебардчиков отличался поголовным присутствием на каждой церковной службе. Папизм и сектантство были здесь вроде экзотики. Подготовка к конфирмации, осуществлявшаяся капелланом, входила в число обязательных дисциплин для новобранцев. Городская церковь являлась заодно и полковой часовней. По воскресеньям для полка резервировался весь задний неф. Строевым шагом, повзводно шествовали алебардчики к воскресной обедне. После обедни вдовы, жены и дочери военных, которыми изобиловал город, которым алебардчики стригли газоны, а интенданты тайком продавали говядину, с молитвенниками собирались в офицерском клубе, чтобы в течение часа пить чай и перемывать кости. Более ни в одном уголке Англии поздневикторианский дух не возрождался в столь полном объеме – и в столь непринужденной обстановке.

Гай, как единственный офицер-католик, отвечал за посещение месс. Католиков в полку насчитывалось не больше дюжины, все военнообязанные ополченцы. Еще на плацу Гай проверил, в порядке ли их форма, и повел своих подопечных в крытую жестью церквушку, что размещалась в переулке. Святой отец, недавний выпускник колледжа Святого Патрика, с большим скептицизмом относился как к Великому альянсу, так и к британской армии, последнюю полагая виновницей прогрессирующей распушенности нравов в отдельно взятом городе. Правда, в то утро проповедь на однозначно оскорбительную не тянула; святой отец даже не дал материала для письменной жалобы, и все-таки при словах «Нам выпало жить в страшные времена сомнений, опасностей и страданий» Гай едва не задохнулся от возмущения. Времена-то были отмечены славой, самоотвержением и героизмом.

После мессы, когда солдаты уже вышли из церкви и построились, чтобы проделать славный путь обратно в казармы, святой отец тронул Гая за рукав.

– Капитан, заглянули бы в мое скромное жилище. Мне тут один добрый самаритянин бутылочку виски преподнес, так вот она стоит и плачет, бедная, умоляет, чтоб ее откупорили.

– Не могу, отец Уилан. Надо солдат в казармы отвести.

– Хороша же у нас армия, нечего сказать. Двенадцать человек здоровенных парней сами дорогу не найдут, что ли? Полмили без офицера не осият?

– Таков приказ, ничего не попишешь.

– Кстати, капитан, позвольте напомнить, что его светлость хотел бы получить список всех католиков-алебардчиков. В прошлое воскресенье я уже имел удовольствие сообщить вам об этом.

– Спасибо за трогательную заботу. Вероятно, в отсутствие католического капеллана вам, отец Уилан, от военного министерства идет дотация, размеры которой напрямую зависят от количества душ?

– Ну идет, и что? Все по закону, капитан.

– Я не капитан. Обратитесь к начальнику отделения личного состава.

– Да я ведь человек мирный – где уж мне в чинах разбираться?

– Просто напишите: «Королевский полк алебардчиков, начальнику отделения личного состава». В собственные руки передадут.

– Не хотите помогать – не надо. Да пребудет с вами Господь, – процедил отец Уилан и обернулся к женщине, которая, видимо, давно уже стояла подле него. – Итак, дочь моя, нынче-то что вас тяготит?

Путь в казармы лежал мимо приходской церкви, строения величественного и затейливого, в которое преобразовалась более ранняя постройка из кремня и серого камня, с низкими арками, характерными для английской готики. Церковь окружало ухоженное кладбище, а от дороги отделяли древние тисы. С потолочных балок, подобно паутине, свешивались знамена Полка алебардчиков. Они успели примелькаться Гаю – каждую субботу он заглядывал в церковь с отчетом. Верно, с такого же порога сэр Роджер Уэйбрукский, не забыв замкнуть на своей жене пояс верности, отправился в поход, который ему не суждено было завершить.

Офицерские жены и вдовы, благословленные куда большею свободой, нежели леди Уэйбрук, уже собрались в клубе-столовой. Гай успел познакомиться почти со всеми. Битых полчаса он отдавал распоряжения насчет хереса, подносов и легких сигарет. Нынче свою жену привез Леонард, офицер из Гаева взвода, молодой, атлетически сложенный. Миссис Леонард была явно в положении. Гай почти не знал Леонарда – тот на ночь уходил домой, – однако считал образчиком идеального алебардчика. Если Эпторп просто производил впечатление бывалого солдата, то Леонард казался сработанным из материала, самим Господом назначенного для ваяния доблестных алебардчиков. До войны Леонард был страховым агентом, зимою каждую субботу, со старой кожаной сумкой, набитой спортивным снаряжением, ездил играть в футбол за свой клуб, причем все в отдаленные районы. В команде он был полузащитником.

В приветственной речи капитан-комендант подпустил намек, что после войны кое-кому из стажирующихся офицеров светит постоянный воинский чин. Гай воображал, каким станет Леонард лет через двенадцать – волосатым харизматичным добряком вроде майора Тиккериджа. Воображал, пока не увидел его жену.

Чета Леонард беседовала с Сарум-Смитом. О деньгах.

– А я тут не по своей воле, – говорил Сарум-Смит. – Прошрое воскресенье провел в городе, так это стоило мне пять фунтов. Нет, когда я работал, я мог дважды столько потратить и глазом не моргнуть. Просто в армии приходится каждый пенни считать.

– Мистер Краучбек, это правда, что после Рождества полк переводят?

– Думаю, да.

– Ужасно глупо. Не успели на одном месте освоиться, как, извольте радоваться, надо переезжать. Не вижу смысла.

– Вот чего я точно делать не стану, – гнул свое Сарум-Смит, – так это планшет покупать. И устав тоже.

– Говорят, мы должны будем сами платить за полевую форму. Правда, она еще не готова. По-моему, это чересчур, – высказался Леонард.

– Невелика выгода быть офицером, – продолжал Сарум-Смит. – Денежки из тебя так и тянут, так и тянут. Вечно платишь бог знает за что. Военное министерство так под рядовых стелется, что на бедняг-офицеров у него уже просто времени нет. Получаю, к примеру, вчера счет из клуба. В частности, три шиллинга надо уплатить за так называемые развлечения. Что еще за развлечения, спрашиваю. А мне говорят: это ваша доля за напитки, выставленные для артистов. А я даже на концерт не ходил, и уж тем более пить не оставался.

– Ты же не хочешь, чтобы потом артисты в других полках рассказывали, какие алебардщики скупердяи? – уточнил Леонард.

– Пусть рассказывают, переживу. И вообще, бьюсь об заклад: половина спиртного благополучно пролилась в глотки кадровых офицеров.

– Тише: вон один сюда идет, – прошипел Леонард.

Приблизился капитан Сандерс.

– Миссис Леонард, вы знаете, что капитан-комендант ждет вас с мужем сегодня к обеду?

– У нас другие планы, – мрачно отвечала миссис Леонард.

– У вас планы, а у меня человека не хватает. Эпторп отпал. Вас, Краучбек, уже пригласили? Сарум-Смит, может, вы?

– Нет уж, увольте.

– Зря. Вам бы понравилось. Семейство Грин – чудесные люди.

– Ладно, пойду.

– Что-то я дядю Эпторпа сегодня не видел. Как он?

– Кошмарно.

– Ему вчера туго пришлось. То-то я его по полю погонял. Настоящий курс молодого бойца.

– У Эпторпа бечуанская лихорадка.

– Раньше он свой недуг иначе называл.

– Его бы в мое положение, слабака, – буркнула миссис Леонард.

Сарум-Смит расхохотался. Капитан Сандерс отошел.

– Дэйзи, ради всего святого, веди себя прилично. Я очень рад, что вы, дядя, тоже будете у капитан-коменданта. А Дэйзи нам придется одергивать. Она нынче в дурном настроении.

– Хорошо бы Джим тоже захворал. А то всю неделю по плацу марширует, и в воскресенье ему покоя нет. Иногда забываю, как он и выглядит. Всем служащим выходные полагаются, только не вам, алебардщикам.

– Капитан-комендант – милый человек. Кажется.

– Не буду спорить. Моя тетушка Марджи тоже очень милая. Но ваш капитан-комендант вряд ли согласился бы с ней своей выходной провести.

– Не обращайтесь внимания на Дэйзи. Она всегда ждет не дождется воскресенья – скучает одна, бедняжка, ведь ей сейчас не до гостей и прочего.

– По-моему, вы, алебардщики, вообще очень много о себе воображаете, – парировала миссис Леонард. – У летчиков все по-другому. Вот мой брат – подполковник авиации, так он продовольственным обеспечением ведает. Говорит, точно и нет никакой войны, точно в конторе работаешь, даже легче. Алебардщики же день и ночь, и в будни и в праздники, помнят, кто они такие. Да кому я рассказываю.

Сарум-Смит окинул взглядом товарищей и дам. Дамы держали на коленях молитвенники и перчатки, в руках – сигареты и бокалы с хересом, переговаривались на повышенных тонах, нарочито оживленно.

– Надо полагать, этот херес тоже в счет включают, – съязвил Сарум-Смит. – Как по-вашему, во сколько капитан-комендант свой обед оценит?

– Да тише ты, успокойся, – оборвал Леонард.

– Жаль, что Джим в ВВС не пошел, – вздохнула миссис Леонард. – Впрочем, наверняка еще не поздно перевестись. Там по крайней мере офицеров с места на место не гоняют – раз обосновались на базе, так на ней и сидят. Работают в определенные часы, точно в контору ходят. И люди всё такие славные. Джиму я, конечно, летать не позволю, тем более что других обязанностей полно, вроде как у моего брата.

– Во время войны, конечно, не худо числиться среди аэродромного персонала, – возразил Сарум-Смит. – Только война-то рано или поздно кончится. А какие перспективы на авиабазе в мирное время? Да никаких. То ли дело алебардщики – они всегда могут продвинуться по службе.

Через пять минут миссис Грин и мисс Грин, жена и дочь капитан-коменданта, поднялись и стали созывать гостей.

– Упаси бог припоздниться, – бормотала миссис Грин. – самого Бена Ричи-Хука ждем. А он страшен, если его вовремя за стол не усадить.

– Он вообще страшен, – заметила мисс Грин.

– Нельзя так говорить о будущем бригадном генерале алебардщиков.

– Джим, это ты о Ричи-Хуке мне рассказывал? – оживилась миссис Леонард, свое отвращение к перспективе обеда выражавшая тем, что обращалась сугубо к мужу. – Это Ричи-Хук головы как капусту рубит?

– Да, он горяч.

– Мы его очень любим. В душе, – пояснила миссис Грин.

– Я слышал о Ричи-Хуке, – произнес Сарум-Смит, будто раздумывая, стоит ли признаваться: в его устах «слыхать о Ричи-Хуке» прозвучало равносильно «отметиться в полицейском участке».

Гаю имя Ричи-Хука тоже было не в новинку. Ричи-Хук, герой Первой мировой, *enfant terrible* среди алебардщиков, самый молодой командир роты в новейшей истории, крайне медленно продвигался по службе, постоянно получал ранения и награды, был представлен к кресту Виктории, дважды находился под трибуналом за неподчинение приказу на поле боя, дважды признавался невиновным по причине блестящего завершения самовольно предпринятых операций, окопы рыл что твой крот. Слабые духом приносили трофейные каски – Ричи-Хук как-то возвратился из рейда по ничейной территории с двумя головами немецких часовых. За ним тянулись два кровавых пунктира. Ричи-Хук патологически не переваривал мирного времени. Всюду, где лилась кровь и вспыхивал порох, от графства Корк до Матто Гроссо, материализовывался Ричи-Хук. Еще недавно он был замечен в Святой земле, за метанием ручных гранат в садики инакомыслящих арабов. И это далеко не полный список сведений, почерпнутых Гаем из офицерской столовой.

Капитан-комендант занимал добротный, без изысков дом на окраине военного городка. У порога миссис Грин осведомилась:

– Джентльмены, кто-нибудь из вас курит трубку?

– Нет.

– Нет.

– Нет.

– Какая жалость. Бен предпочитает тех, кто курит трубки. А сигареты вы курите?

– Да.

– Да.

– Да.

– Какая жалость. Бен считает, если куришь – кури трубку, а не хочешь трубку – не кури вовсе. Мой муж, например, при Бене всегда только с трубкой. Конечно, он старше по званию, но Бен же авторитетов не признает. Муж его побаивается.

– Побавляется? Да папа при подполковнике только что заикаться не начинает от страха, – перебила мисс Грин. – Просто жалко смотреть.

Леонард от души расхохотался.

– Ничего смешного, – буркнула миссис Леонард. – Захочу курить – и буду.

Впрочем, более никто не разделял бунтарского настроения миссис Леонард. Трое юных алембардшиков пропустили дам в калитку и, мучимые дурными предчувствиями, прошли следом. Предчувствия оправдались: отделенный от группы гостей только зеркальным оконным стеклом, Ричи-Хук, подполковник и без пяти минут бригадный генерал, явился им во плоти. Единственный глаз его был черен, взгляд испепеляющ; черны были и брови, и повязка на месте второго, отсутствующего глаза. Нос подполковник имел тонкий, длинный и скошенный на сторону, монокль – в стальной оправе. При виде дам подполковник весьма дружелюбно обнажил зубы и выразительно посмотрел на внушительные наручные часы. Из уст его вырвалось нечто нечленораздельное, но явно окрашенное сарказмом.

– Боже, – охнула миссис Грин. – Не иначе, мы опоздали.

Они вошли в гостиную. Полковник Грин, до сих пор трясшийся от ужаса в непосредственной близости к серебряному подносу с коктейлями, разразился жалкою улыбкой. Подполковник Ричи-Хук, и в мыслях не имевший узурпировать хозяйскую власть, а скорее исполнявший обязанности сторожевого пса – такие псы еще недавно охраняли от Гая подступы к военной службе, – строевым шагом направился к гостям. Миссис Грин попыталась было представить гостей по всей форме, но ей не дали.

– Еще раз назовите фамилии. Что-то я не понял. Леонарда вижу, Сарума вижу, Смита вижу, а Краучбек где? Где четвертый? А, понял. И при ком жена? – Миссис Леонард достались тяжелый взгляд и оскал.

– Это Леонард при мне, – отрезала она.

Пока что Гай не наблюдал ни паники, ни даже подобострастия. Может, все не так фатально, подумал он. Недовольным казался только Леонард.

– Отлично. – Ричи-Хук потер руки. – Великолепно.

– Вот так с ним и надо разговаривать, – одобрила миссис Грин.

Полковник Грин сделал стойку.

– Джин для леди, – распорядился Ричи-Хук, вытянул изувеченную руку в черной перчатке (уцелели только два с половиной пальца), вцепился в бокал и подал его миссис Леонард. Впрочем, настроение его тотчас изменилось – Ричи-Хук сам пить не стал.

– Хорошо идет, если, конечно, после обеда у вас никаких дел.

– Абсолютно никаких, – подтвердила миссис Леонард. – По воскресеньям я обычно свободна.

– На передовой воскресений не полагается, – сообщил Ричи-Хук. – И вообще, от этой привычки надо избавляться – так и войну проиграть недолго.

– Бен, вечно вы нагнетаете.

– Виноват, Джефф. Наш полковник – человек с мозгами, – этим признанием Ричи-Хук будто объяснял, почему так мягко реагирует на критику. – Он был начальником оперразведштаба, еще когда я всего-навсего взводом командовал. Поэтому он и живет в шикарном доме, а я по палаткам кочую. Вы когда-нибудь кочевали по палаткам? – ни с того ни с сего спросил он Гая.

– Случалось, сэр. Я одно время жил в Кении. Несколько раз совершал вылазки в буши.

– Молодчина. Джин для бывалого поселенца. – Черная культя дернулась, схватила бокал и сунула Гаю в ладонь. – Охотиться доводилось?

– Однажды на ферму забрел старый лев. Я его застрелил.

– Как, говорите, вас звать? Краучбек? У меня тут один офицер, который тоже из Африки прибыл. Только мне помнилось, у него какая-то другая фамилия. Вот попомните мое слово: на фронте африканский опыт пойдет по сотне фунтов минута. Видел я одного типа в списках, так он полжизни в Италии пронежился. Я бы на такого гроша ломаного не поставил.

Мисс Грин сделала в адрес Гая страшные глаза, и Гай воздержался от уточнений.

– В Африке вообще есть где разгуляться, – продолжал Ричи-Хук. – Помню, после очередного конфликта с начальством заслали меня к Родезийским африканским стрелкам. Славные ребята, если, конечно, спуску им не давать. Одно плохо: до смерти бояться носорогов. Наш лагерь был на берегу озера, так вообразите, повадился на водопой старый, замшелый такой носорожище. Так и рассекает каждый вечер прямо по плацу, так и рассекает, мерзкая скотина. Хотел я его прищучить, а командир и говорит: нельзя, мол, нужна лицензия на отстрел. И прочую чушь. Такой, знаете, зануда, просто индюк надутый, – Ричи-Хук с полминуты подбирал пример из жизни командира, чтобы у слушателей не осталось сомнений в правильности данной им характеристики, – из тех, знаете ли, что по дюжине сорочек в чемодане с собой возят. Ну а я взял да и заложил взрывчатку на носорожьей тропе, дождался, пока зверюга пойдет на водопой, и дернул за веревочку. Вот в ком в ком, а в носороге я такой прыти не подозревал. Как припустил, да по плацу, да прямиком в лагерь. Чернокожий на пути попался – он его на рог насадил. То-то крику было, никогда не слышал, чтобы люди так орали. Тут уж я его и пристрелил, и никто мне слова не сказал, тем более что носорожина и на сержанта со своим рогом набросился.

– А бедняга-сержант, не иначе, с тех пор бечуанской лихорадкой страдает, – не удержалась миссис Леонард.

– Что? Как? – не понял подполковник Ричи-Хук. Реплика миссис Леонард на сей раз его отнюдь не позабавила.

– Где, говорите, вы служили, Бен? – пришла на выручку миссис Грин.

– В Сомали. На границе с Огаденом.

– Не знал, что в Сомали водятся носороги, – заметил полковник Грин.

– Теперь их там водится на одного меньше.

– А что сержант – выжил?

– Еще бы. Через неделю в строю был как штык.

– Далеко не все, о чем рассказывает подполковник Ричи-Хук, следует понимать буквально, – пояснила миссис Грин.

Уселись за стол. Прислуживали двое алебардчиков. Мясо на порции разрежала миссис Грин. Ричи-Хук схватил вилку, пронзил свой кусок, быстро и аккуратно разрежал его на квадратики, отложил нож, взял вилку в правую руку и принялся торопливо и молча есть. Каждый квадратик он макал в соус из хрена и забрасывал поглубже в рот. Поев, Ричи-Хук снова заговорил. Если бы не принадлежность к Полку алебардчиков, подразумевающая рыцарское отношение к женщине и подчеркнутая парадной формой, можно было бы подумать, будто Ричи-Хук, обиженный на едкое замечание миссис Леонард, пытается ее уязвить – очень уж пронзительно смотрел он своим единственным свирепым глазом, очень уж выдаваемая им информация казалась нацеленной на убийство надежд и чаяний молодой жены и будущей матери.

– А известно ли вам, что это благодаря мне Военное министерство стало раскошегариваться? Там наконец признали заслуги нашего полка. Я собственноручно бумагу составил. Она все инстанции прошла – и получила одобрение. Теперь нас будут задействовать в ООО.

– Не считите за труд, расшифруйте, – попросила миссис Леонард.

– ООО значит «Особо опасные операции». В наше распоряжение предоставят тяжелые пулеметы и минометы. Подчиняться мы будем комитету начальников штабов, а не штабу дивизи-

зии. Один болван-артиллерист из управления боевой подготовки вякнул было что-то против, да я мигом рот ему заткнул. Вдобавок нам выделяют отличную территорию в Хайлендс.

– Это в Шотландии, что ли? Значит, там мы обоснуемся?

– Ну да. И формирование там будет проходить.

– Я хотела сказать, мы и летом будем в Шотландии? Тогда мне надо начинать готовиться.

– Где мы будем летом, зависит от наших друзей фрицев. К лету рассчитываю доложить, что бригада полностью готова к боевым действиям. Нечего резину тянуть. Нельзя солдат до бесконечности натаскивать – в определенный момент они устают, и после уж идет спад. Нет, солдат нужно использовать, пока они на взводе... Использовать, – мечтательно повторил Ричи-Хук. – В расход пускать. Представьте, что долго и тщательно собирали фишки в стопочку и вдруг все на кон поставили – так вот, в бою то же самое. В этом, доложу я вам, вся соль жизни и заключается – обучить людей, а потом бросить против превосходящих сил противника. Вообразите, у вас идеальная армия. Каждый уверен в товарище, как в себе самом. Солдаты читают мысли командира. Действуют, не дожидаясь приказа, как овчарки. Тут-то вы и выступаете, и, глядишь, через неделю, а то и через несколько часов от подразделения три калеки осталось. Даже если битва выиграна, вы изменились, причем навсегда. Получаете пополнение, идете на повышение. Короче, как говорится, «вся жизнь разрушена, и снова вам нужно все воссоздавать с основ»¹¹. Так что, миссис Леонард, сами видите: нет смысла спрашивать, где мы будем и когда. Джентльмены, в футбол все играют?

– Нет, сэр.

– Нет, сэр.

– Да, – отозвался Леонард.

– А в регби?

– Нет, сэр. Но мы болеем за «Росслин-парк».

– Жаль. Солдаты в регби ничего не смыслят, кроме валлийцев, конечно, а у нас их негусто. Офицер же должен играть с солдатами. Тогда они к вам проникаются, а вы – к ним. Даже если кому кости переломают, обид никаких. У меня в роте одно время было больше пострадавших на регби, чем в боевых действиях. Ну да ничего, противнику тоже несладко пришлось. Некоторые, знаете ли, калеками на всю жизнь остаются. Один парнишка, очень храбрый – правым полузащитником играл, – так он до сих пор хромает, если не погиб, конечно. Ладно, сами можете не играть, но следить за матчами просто обязаны. Помню, одному нашему сержанту ногу оторвало. Положение безнадежное, бедняга кровью истекает, потому что вместе с ногой ушло и полтуловища. Не жилец, в общем. Агонизирует, причем в полном сознании. Ну и вот, святой отец над ним навис, пытается молитву из него выжать, а я с другого боку стою. Парень же думать может только о футболе. К счастью, я знал результаты последнего матча, а какие не знал, те придумал. Сказал сержанту, что выиграла команда из его родного города, и он умер с улыбкой на устах. Теперь, если какой святоша начинает много о себе понимать, я ему эту историю излагаю. С католическими священниками, конечно, все по-другому. Эти ни с живого, ни с умирающего не слезут. Так и дуют в уши, адскими муками страшат, тьфу. От одного ужаса сколько народу перемерло.

– У нас мистер Краучбек – католик, – сказала миссис Грин.

– Виноват. Опять не подумавши ляпнул. Какой же я бестактный. Все дело в том, дружище, что вы в Африке жили, – обратился Ричи-Хук к Гаю. – Там все миссионеры правильного толка. Сам проверял. От местных глупостей не потерпят. А то им, черным в смысле, только волю дай, и начнется: «Моя малчика иметь такой клистианск душ, как белый патрон». Вы, Краучбек, еще этих католиков во всей красе не видели. Вот пожили бы в Италии, как этот тип

¹¹ Неточная цитата из стихотворения Редьярда Киплинга «Заповедь».

из списков, в самом что ни на есть рассаднике... Или в Ирландии – там каждый падре террористов поддерживает и даже не таится.

– Бен, почему вы пудинг не кушаете? Невкусно? – спросила миссис Грин.

Подполковник Ричи-Хук обратил взор единственного глаза на тарелку с яблочным пудингом и до конца обеда осуждал главным образом меры предосторожности против воздушных налетов. Возражений не поступало.

В гостиной, за кофе, подполковник Ричи-Хук проявил себя с неожиданной стороны. Каминную полку украшал календарь, к ноябрю отошавший и изрядно засаленный. На календаре имели место гномики, нарядные поганки, цветы колокольчики, розовые херувимы и стрекозы.

– Какая прелесть, – воскликнул Ричи-Хук. – Прелесть, говорю я, и спрашиваю: кто не согласен?

– Вы правы, сэр: прелесть.

– Впрочем, довольно умиляться. Мне еще на мотоцикле ехать. Надо кости поразмять.

Кто со мной?

– На Джима не рассчитывайте, – подсуетилась миссис Леонард. – Мы идем домой.

– Как угодно. А вы двое?

– С радостью, сэр.

Городок, занятый алебардчиками, почти не годился для пеших прогулок. Прелестное было бы местечко, если бы от исторического центра не расходились, как круги по воде, культурные слои более позднего тяжелого наследия. Кто хотел пасторалей, должен был углубиться минимум на три мили в окрестности. Впрочем, эстетические запросы Ричи-Хука вполне удовлетворились календарем.

– Всегда, когда приезжаю, делаю круг минут на пятьдесят, – поделился подполковник.

И поскакал прерывистым галопом, подстроиться под который не было никакой возможности. Ричи-Хук привел спутников к железной дороге. Вдоль нее бежала, отделенная забором из гофрированного железа, гаревая дорожка.

– Ну вот мы и вне пределов слышимости капитан-коменданта, – начал Ричи-Хук, но по причине поезда сам оказался вне пределов слышимости своих собеседников. Когда слышимость восстановилась, Ричи-Хук говорил следующее: – В полку слишком много фланели. Фланель в мирное время хороша. На войне от нее никакого проку. И вообще, вам не бездумное подчинение нужно, о нет. Вам нужно, чтобы солдаты вас боготворили. Вот когда я ротой командовал и ко мне приходил провинившийся солдат, я всегда его спрашивал: «Мне самому тебя наказать или к командиру направить?» И представьте, никто не хотел к командиру. Я, бывало, всыплю шесть розог, и дело с концом. Конечно, не без риска. Меня под трибунал могли отдать. Только никто ни разу не пожаловался, а дисциплина такая другим ротам и не снилась. Вот что я имею в виду, когда говорю «боготворить». – Ричи-Хук подпрыгивающей походкой стремился вперед. Алебардчики не нашлись с ответом. Выждав достаточно, Ричи-Хук добавил: – Впрочем, вам к таким методам прибегать не надо, во всяком случае, на первых порах.

Прогулка продолжалась по большей части в молчании. Если Ричи-Хук раскрывал рот, то исключительно с целью пересказать грубую солдатскую шутку или разразиться нарочитым каламбуром. Одним при слове «война» представляются хитрые разведчики, другим – жестокие перестрелки; ассоциации харизматичного Ричи-Хука не шли дальше мокрой тряпки на дверном косяке или ежа под подушкой. В целом Ричи-Хук воспринимал войну как растянутую во времени «проверку на вшивость».

Прошло двадцать пять минут. Ричи-Хук взглянул на часы.

– Мы должны уже переходить рельсы. Что-то я сдавать начал.

Вскоре они действительно приблизились к железнодорожному мосту. По другую его сторону виднелась точно такая же гаревая дорожка, точно так же от рельсов ее отделял гофрированный железный забор. По ней-то они и пошли обратно.

– Придется сделать рывок, если хотим уложиться во время.

Они почти побежали. У ворот казармы Ричи-Хук снова взглянул на часы.

– Сорок пять минут. Отличный марш-бросок. Рад был познакомиться поближе, джентльмены. Скоро мы будем часто видеться. Так, а где же мой мотоцикл? Да, я ведь оставил его возле караульной. – Ричи-Хук открыл сумку для противогаза и продемонстрировал скрученные вместе пижаму и расческу. – Вот и весь мой багаж, джентльмены. Больше эта сумища ни на что не годится. До свидания.

Гай с Сарум-Смитом отдали честь. Ответом им было облако пыли.

– Типичный старый вояка. Классика жанра, – прокомментировал Сарум-Смит. – Похоже, твердо решил нас в расход пустить.

* * *

В тот вечер Гай заглянул к Эпторпу, узнать, пойдет ли он на ужин.

– Нет, дружище, не пойду. Что-то в этот раз бечуанская лихорадка никак отпускать не хочет. Отпустит, конечно, куда не денется, главное – не спешить. Как обед?

– Присутствовал наш будущий бригадный генерал.

– Экая досада, что меня не было. Впрочем, может, оно и к лучшему – незачем первое впечатление портить. Не хочу, чтобы бригадный генерал видел меня таким бледно-зеленым. Ну, как он тебе показался?

– Ничего. Главным образом потому, что принял меня за тебя.

– Как это? Объясни толком, старина.

– Он запомнил, что один офицер жил в Италии, а другой сражался в Африке. Решил, что сражался я.

– Мне это не по душе, старина.

– Так ведь не я начал, а Ричи-Хук. Его сразу не поправили, а потом было слишком поздно.

– Значит, надо сейчас поправить. Послушай, старина, ты должен все ему объяснить в письме.

– Не говори ерунды.

– Старина, мне не до шуток. Впечатление, будто ты меня опередил, воспользовался моим недомоганием, роль мою сыграл. Может, это на всю мою карьеру повлияет? Ты и именем моим назвался?

– Нет, что ты.

– Если не будешь Ричи-Хуку писать, я сам напишу.

– Конечно, не буду. Он решит, что ты сумасшедший.

– Ладно, обмозгую на досуге. Дело-то деликатное. В голове не укладывается, как ты такое допустил.

Эпторп не стал писать подполковнику Ричи-Хуку, но с тех пор пестовал обиду на Гая и если, забывшись, расслаблялся в его обществе, сам себя одергивал.

3

Курс начальной подготовки закончился незадолго до Рождества. Гаю и его товарищам предоставили недельный отпуск. Перед отъездом новоиспеченных офицеров – и главным образом в их честь – была запланирована гостевая вечеринка. Предполагалось, что в казармы они теперь возвратятся не скоро. Каждый офицер чувствовал: его личный гость будет оценен по

всем статьям – и отнесся к выбору с максимальной серьезностью. Эпторп, например, чуть не лопался от гордости за своего гостя.

– Мне крупно повезло, – поделился он. – Уломал самого Корнера, того, который Болтун. Я-то и не в курсе был, что он вообще в Англии, хорошо, светская хроника подвернулась.

– Кто это – Корнер, который Болтун?

– Ну ты даешь, старина, – о Болтуне не слышал! С другой стороны, где тебе и слышать было, ты ж на этом своем ранчо сидел, в сытой Кении, и в ус не дул. А вот задай ты такой вопрос в настоящей Африке – под настоящей Африкой я разумею территорию от Чада до Мозамбика, – тебя бы точно шутником сочли. Болтун – он интереснейший персонаж. Посмотреть на него – просто дикая тварь из дикого леса, усомнишься, ей-богу, что ножом с вилкой владеет. А на самом деле Болтун – епископский сын, учился в Итоне и Оксфорде со всеми вытекающими, вдобавок на скрипке пилит, что твой Паганини. Он во всех списках есть.

– В списках музыкантов?

– Нет: в списках бравых вояк. А ты кого приведешь, если, конечно, позволительно такие вопросы задавать?

– Пока не знаю.

– Ну-ну. Я-то думал, у парня вроде тебя куча знакомых.

Эпторп все еще дулся из-за недоразумения с Ричи-Хуком.

На Рождество Гай напросился к Бокс-Бендерам. Анджела написала, что Тони тоже дали отпуск. Гаю удалось перехватить Тони в Лондоне. Таким образом, вопрос с гостем был решен в последний момент. Дядя и племянник отправились на вечеринку алебардщиков. Тогда-то они впервые увидели друг друга в военной форме.

– Да, дядя Гай, здорово же ты вырядился. Я бы ни за что не простил себе, если б такое зрелище проворонил, – констатировал Тони еще на вокзале.

– Вот-вот: меня тут все дядей называют. Сам убедишься, – отвечал Гай.

Они пошли по гравийной дорожке к казармам, где были устроены комнаты для гостей. Встречный алебардщик отдал честь. Тони вяло потянулся к козырьку, каковое обстоятельство немало покорило Гая.

– Послушай, Тони, может, в вашем полку это в порядке вещей, только у нас, у алебардчиков, принято отвечать на приветствие четко и с энтузиазмом.

– Дядя Гай, неужто надо напоминать тебе, что я старше по званию?

Зато потом, в течение всего вечера, Гай ужасно гордился племянником. Действительно, Тони был такой видный в форме цвета хаки, с черными кожаными ремнями. Гай представил его председателю клуба.

– Значит, вы только что из Франции? В таком случае воспользуюсь служебным положением – посажу вас рядом с собой. Хочу из первых рук узнать, что там происходит. По газетам ничего не поймешь.

Болтун Корнер бросался в глаза безо всяких дополнительных церемоний. Дочерна загорелый, угрюмый тип, с седыми, стриженными бобриком волосами, он не отходил от Эпторпа. Ясно было, почему Корнера причислили к разряду дикарей; била в лоб и ирония прозвища Болтун. Корнер крутил головой, сверкал взором из-под кустистых бровей, будто прикидывал, как бы забраться повыше да устроить себе ненадежное убежище меж потолочных балок. Расслабился Болтун, лишь услышав знакомое: «Когда ростбиф английский был нашей едой, / Зажигал он отвагу в крови молодой...»¹² При этих звуках Болтун просиял, навис над Эпторпом и забубнил ему в ухо.

¹² Старинная английская песня «Roast Beef of Old England», написана Генри Филдингом. Здесь цитируется в переводе Д. Файнберг.

Гай с Тони прошли под хорами, на которых помещался оркестр. Клуб встретил их многоголосым гулом. Они заняли места возле стола. Президент стоял в центральной части, напротив вице-президента. Тони хотел было усесться до молитвы, но Гай вовремя его одернул. Оркестр замолк, раздался стук молоточка, капеллан прочел молитву. Снова заиграл оркестр, и одновременно возобновился гул голосов.

Подстрекаемый старшими офицерами, Тони принялся говорить о службе во Франции, о полевых навыках, ночных патрулях, минах-ловушках, об отважных юнцах – пленных немецких солдатах (правда, их он видел не больше дюжины) и об идеально продуманных вражеских наступательных операциях. Гай поднял взгляд на Болтуна Корнера с расчетом увидеть трюк из арсенала головорезов, проделанный посредством ножа и вилки, но увидел трюк из арсенала завсегдатаев питейных заведений – Болтун по-птичьи повел головой, дернул запястьем и осушил бокал.

Ели медленно, наконец был подан десерт. Духовые ушли, а струнные спустились с хоров и обосновались в нише у окна. Разговоры стихли; музыканты пощипывали виолончельные грифы. Невероятным казалось, что ничейная территория, куда Тони совершал вылазки, лежит всего в нескольких тысячах миль от уютного офицерского клуба; еще невероятнее, эфемернее разнежившимся офицерам представлялась граница христианского мира, где велось – и было проиграно – великое сражение, откуда, из потаенных лесов, в эту самую минуту на восток и на запад везли свой обреченный груз теплушки.

Оркестр исполнил две вещицы (вторая была сугубо рождественская, с колокольным перезвоном). Дирижер, по традиции, представился президенту офицерского клуба. Для дирижера освободили стул рядом с Тони, капрал-официант принес полный бокал портвейна. Дирижер, потный, краснолицый, по мнению Гая, походил на человека из артистической среды еще меньше Болтуна Корнера.

Президент ударил молоточком. Все встали.

– Здоровье почетного шефа нашего полка, русской Великой княгини Елены.

– Боже, храни Великую княгиню.

Сия престарелая леди жила в Ницце, в крохотной комнатке, однако алебардчики продолжали пить за ее здоровье, памятуя о том, как в 1902 году Елена, юная и прекрасная, мило-стиво согласилась принять титул почетного шефа.

Меж свечей поплыли колечки дыма. Явился табачный рожок, точнее рог, массивный, оснащенный миниатюрными серебряными ложечкой, молоточком и щеточкой. Эти приспособления следовало использовать в строгом порядке. Нарушителю грозил штраф в полкроны. Гай принялся объяснять племяннику тонкости табачного священнодействия.

– Вот скажи, Тони, у вас в полку есть что-нибудь подобное?

– Нет, у нас куда скромнее. Я под впечатлением.

– Я тоже, – сознался Гай.

Из столовой каждый выходил в меру навеселе; каждый, кроме Болтуна Корнера. Дикарь, вопреки происхождению из духовенства, Корнер не устоял перед соблазнами цивилизованного мира и был уведен в неизвестном направлении. Если бы Гай гнался за всеобщим признанием (а по мнению Эпторпа, он гнался), ему самое время было бы торжествовать победу. Но Гай ничего не торжествовал, а просто чувствовал чистый, невинный восторг от вечеринки в целом.

В буфетной имел место импровизированный концерт. Майор Тиккеридж, по простодушию, разразился неприличной сценкой под названием «Однорукий флейтист», весьма популярной у алебардчиков и новой для Гая; сценка имела успех. Серебряные кубки, обычно пенящиеся пивом, сегодня пенились шампанским; вскорости Гай самого себя застукал за иезуитским допросом капеллана.

– Вы ведь не можете не согласиться, что сверхъестественный порядок – это не довесок к порядку естественному вроде музыки или живописи, назначение которых – сделать повсе-

дневную жизнь сравнительно сносной? Сверхъестественный порядок и есть жизнь. Сверхъестественное и есть реальность, а то, что мы называем реальностью, на самом деле только тень, игра воображения, галлюцинация. Разве не так, падре?

– Ну, в известной степени... – мямлил капеллан.

– Нет, вы не поняли. Дайте иначе объясню...

Капелланова улыбка оформилась, еще когда Тиккеридж взялся представлять однорукого флейтиста, – так улыбается канатоходец, чтобы скрыть страх и отвращение к толпе.

Начальник штаба затеял футбол с мусорной корзиной. С футбола плавно перешли на регби. Корзина оказалась у Леонарда. Ее перехватили, Леонард был повален на пол. Образовалась куча-мала. Эпторп не замедлил к ней приплюсоваться. Гай последовал его примеру. Прочие тоже не заставили себя долго ждать. В колене у Гая что-то хрустнуло. Затем его нокаутировали, и несколько секунд Гай не мог шевельнуться. Новоиспеченные офицеры вставали, отряхивались, дышали тяжело, утирали пот, трунили друг над другом. Колено ныло, тупо, но сильно.

– Дядя, что с ногой?

– Пустяки.

Отдали приказ расходиться. Тони повел Гая под руку.

– Надеюсь, Тони, тебе не было скучно?

– Чудесный вечер. Лучшего и желать нельзя. Может, доктора вызвать?

– Не надо, к утру пройдет. Подумаешь, ушиб.

Однако утром, очнувшись от глубокого сна, Гай обнаружил, что колено сильно распухло. Встать на ногу не представлялось возможным.

4

Тони собрался к родителям. Гай ехал с ним, как и договаривались. В доме Бокс-Бендеров он четыре дня провалялся с туго забинтованной ногой. В сочельник Гая транспортировали на мессу, затем доставили обратно в библиотеку, на диван. Тони встретили вяло. Декорации были те же – ящики с хеттскими табличками да импровизированные кровати, – но драматизм отсутствовал. Гай, успевший привыкнуть к вольготной казарменной жизни, теперь чувствовал себя словно в загоне, потому сразу после Дня подарков вместе с зятем вернулся в Лондон и остаток отпуска провел в гостинице.

Много позже Гай понял: это вынужденное лежание с забинтованной ногой – суть медовый месяц, последний аккорд в церемонии его бракосочетания с Королевским полком алебардщиков. Блаженное время! Отношения молодых супругов не отяжелели от быта, затяжной верности, болезненной привязанности и совместно нажитой собственности, рой же мелких, но оттого не менее прискорбных открытий, заготовленных Гименеем, как то: привычка, скука, взаимное битье розовых очков – не успел уплотнить большой любви и даже не виден пока на горизонте. Сладко было просыпаться и валяться в постели (призрак Полка алебардщиков нежился подле); сладко было звонить в колокольчик и знать: невидимка-новобрачная все устроит, обо всем позаботится.

Лондон пока не растерял роскоши мирного времени. Этого города Гай чурался всю сознательную жизнь, историю его считал гнусной, колорит – серым. И вот теперь Лондон предстал Гаю в новом свете, как столица, как королевская резиденция. Гай изменился. Он хромал по лондонским улицам, и видел то, чего раньше не замечал, и чувствовал то, к чему раньше сердце было глухо.

Клуб «Беллами», помнившийся Гаю укромными столиками, за которыми он строчил прошения, нынче показался заведением с непринужденною обстановкой и текучкой у барной стойки. Гай пил много и с готовностью, с готовностью говорил «Ваше здоровье» и «Будем!»

и не рефлексировал, видя, что фразы эти вызывают у знакомых разные степени замешательства.

Однажды вечером Гай пошел в театр, и вдруг за спиной у него раздался голос:

– О вещая моя душа! Мой дядя?¹³

Гай подпрыгнул и прямо за собой увидел Фрэнка де Сузу. Де Суза был в штатском; впрочем, среди самих штатских тогда ходило экзотическое словечко, специально для обозначения военных на отдыхе – «муфтий». Действительно, де Суза оделся с претензией на экзотику – коричневый костюм, зеленая шелковая сорочка, оранжевый галстук. Подле де Сузы сидела молодая особа. В полку Гай почти не общался с ним, знал только, что смуглый темноволосый де Суза – замкнутый, организованный молодой человек со специфическим чувством юмора. Гаю помнилось также, что у де Сузы в Лондоне девушка и он ездит к ней на выходные.

– Пэт, познакомься – это мой дядя Краучбек.

Девушка натянула улыбку и съязвила:

– Что, обязательно из всего спектакль устраивать?

– Вам здесь нравится? – спросил Гай. Смотрели так называемое откровенное шоу.

– Ничего.

Гай находил шоу в высшей степени жизнеутверждающим.

– Вы все время в Лондоне были?

– У меня квартира на Эрл-Корт, – встряла девушка. – Он живет со мной.

– Славно, должно быть, – заметил Гай.

– Ничего, – подтвердила девушка.

Разговор был прерван возвращением соседей из бара и поднятием занавеса. Второе действие Гаю понравилось значительно меньше – он буквально спиной ощущал присутствие мрачной парочки. Представление кончилось.

– Не хотите ли со мной поужинать? – предложил Гай.

– Мы отсюда идем в кафе, – отвечала девушка.

– Это далеко?

– «Кафе Рояль», – пояснил Фрэнк. – Пойдем с нами, дядя.

– Джейн сказала, они с Константином будут нас ждать, – возразила девушка.

– Знаю я их: не будут, – заверил Фрэнк.

– Пойдемте – я вас устрицами угощу, – настаивал Гай. – Тут близко, в соседнем доме.

– Терпеть не могу устриц, – отрезала девушка.

– Мы, пожалуй, воздержимся. Спасибо, – произнес Фрэнк.

– Ну, тогда до скорой встречи.

– У Филипп¹⁴, – уточнил Фрэнк.

– Господи, ну сколько можно, – скривилась девушка.

* * *

В последний свой свободный вечер, в канун Нового года, после ужина Гай направился в «Беллами», где завис возле барной стойки. Обернулся на фразу: «Привет, Томми! Ну как ты там, в штабе? Геморрой еще не нажил?» – и увидел майора Колдстримского полка.

В каком-то майоре узнал Томми Блэксауса. Последний раз Гай видел Томми из окна гостиницы «Линкольн». Туда его, вместе с Блэксаусовым денщиком, пригласил адвокат по бракоразводным делам для официального опознания прелюбодеев. Томми с Вирджинией, весе-

¹³ Уильям Шекспир. Гамлет, акт I, сцена 5. Перевод М. Лозинского.

¹⁴ *Филиппы* – город во Фракии. В трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» призрак Юлия является Бруту и предвещает встречу у Филипп, где Брут и его сообщники будут повержены.

лые, оживленные, прошли по площади и задержались у двери. Как было условлено, оба показали лица – Вирджиния выглянула из-под прелестной новенькой шляпки, Томми – из-под котелка. И сразу же скрылись – даже не взглянули вверх, хотя знали, что за ними наблюдают. Гай подтвердил: «Это моя жена». Денщик сказал: «Это капитан Блэк-хаус, а леди я видел у него в квартире утром четырнадцатого числа». Оба, Гай и денщик, подписали что следовало. Гай попытался дать денщику десять шиллингов за услуги, но был остановлен адвокатом: «Мистер Краучбек, это строжайше запрещено. Предлагая вознаграждение, вы ставите под сомнение законность своих действий».

Из гвардейцев Томми пришлось уйти. Он не мыслил себя без армии и потому стал пехотинцем. А теперь, кажется, опять пробился в Колдстримский полк. Прежде Гай с Томми Блэк-хаусом почти не общались. Теперь они сказали едва ли не одновременно:

– Привет, Гай.

– Привет, Томми.

– Я смотрю, ты теперь алебардщик. Говорят, у вас там подготовка на уровне.

– Пожалуй, для меня этот уровень высоковат. Мне на днях чуть ногу не сломали. А ты что же, в Колдстрим вернулся?

– Пока не пойму. Меня Военное министерство и командир никак не поделят. Летаю туда-сюда, что твой волан. В прошлом году вернулся в полк – на адюльтер, оказывается, в военное время сквозь пальцы смотрят. Зато перед этим битых три года пришлось оттрубить в военном училище, будто я мальчик какой-нибудь. Ну ничего, выпустился с грехом пополам. Теперь называюсь разведчиком-инструктором, а в свободное время тшусь пролезть на командный пост. Кстати, я с одним из ваших в училище был. Славный парень. Усищи у него еще огромные. Забыл, как звать.

– У наших у всех усищи огромные.

– По-моему, алебардщикам предстоит интереснейшая операция. Буквально сегодня видел приказ.

– Мы пока не в курсе.

– Ну, война затяжная будет. Каждому даст возможность себя показать.

Разговор получался непринужденный. Через полчаса стали расходиться. В холле Томми заметил:

– Э, дружище, да ты и впрямь хромаешь. Давай я тебя подвезу.

По Пиккадилли ехали молча. Наконец Томми произнес:

– Вирджиния в Англию вернулась.

Гай понятия не имел, что Томми думает о Вирджинии. Он не знал даже, при каких обстоятельствах они расстались.

– А она разве уезжала?

– Уезжала, причем надолго. В Америку. А теперь, когда война началась, вздумала вернуться.

– Вполне в духе Вирджинии – делать все наоборот. Нормальные люди от войны бегством спасаются.

– Она отлично выглядит. Не далее как сегодня видел ее в «Клэридже». Она спрашивала о тебе, да я не знал, где ты обретаешься.

– Вирджиния спрашивала обо мне?

– Ну, по правде говоря, она спрашивала обо всех своих прежних приятелях мужского пола, но о тебе – с особыми интонациями. Сходил бы ты, повидался с ней. Если, конечно, не занят. Надо держаться вместе – время такое.

– Где, говоришь, она остановилась?

– Да в «Клэридже» же.

– Наверно, она просто так спросила, из вежливости. Вряд ли она действительно хочет меня видеть.

– Мне показалось, она всякому будет рада. Меня, например, не знала, куда и усадить.

Тут они подъехали к Гаевой гостинице и расстались. Гай, по усвоенной у алебардщиков привычке, четко отсалютовал старшему по званию, невзирая на непроглядную темень.

* * *

На следующее, новогоднее утро Гай проснулся, опять же по усвоенной привычке, в ту самую минуту, когда в полку трубили побудку; первая мысль его была о Вирджинии. Его мучило нетерпение, но прошло восемь лет, он столько пережил и столько похоронил в душе, что просто не мог снять телефонную трубку. В то же время Гай не сомневался: знай Вирджиния, где он остановился, у нее бы рука не дрогнула набрать его номер. Гай не стал звонить; он оделся, упаковал вещи и заплатил по счету; мысли о Вирджинии не отпускали ни на миг. До четырех, когда алебардщиков отправляли в новый пункт назначения, Гай был совершенно свободен.

Он поехал в «Клэридж», обратился к портье, выяснил, что миссис Трой еще не спускалась, и уселся в холле так, чтобы видеть одновременно оба лифта и лестницу. Проходили знакомые, здоровались, приглашали отобедать; Гай оставался на посту. Двери лифта в очередной раз раскрылись, и Вирджиния – конечно, Вирджиния! – возникла в проеме, и выпорхнула, и стремительно пересекла холл. Портье указал в сторону Гая. Вирджиния обернулась и просияла. Гай похромал к ней; она бросилась ему на шею.

– Гай, солнышко! Вот так встреча! Глазам не верю! Как славно в Лондоне! – Она крепче обняла его, затем отстранилась и окинула оценивающим взглядом. – Очень, очень славно. А я ведь только вчера о тебе справлялась.

– Знаю. Томми сказал.

– Я справлялась у каждого встречного и поперечного.

– Тем более странно, что я узнал от Томми.

– Да, пожалуй, действительно странно, если подумать. Я бы даже сказала, тут мистикой пахнет. Кстати, почему у тебя форма не цвета хаки? У всех хаки, а у тебя не хаки.

– Хаки не у всех.

– Как не у всех? У Томми, и вон у того военного, – Вирджиния кивнула направо, – и вон у того.

– Они в гвардейской пехоте служат.

– Ну, твоя-то лучше. Да что там лучше – просто шикарная. Тебе этот цвет очень к лицу. Смотри-ка, ты и усы отращиваешь? Какая прелесть. Они будут тебя молодить.

– Ты тоже очень молодо выглядишь.

– Еще бы. Все мои сверстницы уже как развалюхи. А мне война на пользу. До чего же славно знать, что от мистера Троя меня отделяет целый океан.

– Так ты без мужа приехала?

– Милый, строго между нами: вряд ли я вернусь к мистеру Трою. Он в последнее время прескверно себя вел.

О мистере Трое, этом новом Гекторе, Гай ничего не знал, кроме имени. Впрочем, ему было известно, что в течение восьми лет Вирджиния меняла мужчин как перчатки. Нет, Гай не желал ей зла, но ее популярность и благосостояние немало способствовали загустению раствора, скрепляющего стену, что выросла меж ними. Прозябай Вирджиния в нищете, опустилась на дно – в Гае она нашла бы самого ретивого заступника. Но Вирджиния как сыр в масле каталась, вот Гай и уходил все дальше, все безвозвратнее в пустыню собственной души. Взять хотя

бы сегодняшнюю ситуацию: война в разгаре, а Вирджиния цветет и пахнет, и с Гаем на милости не скупится. Как, вероятно, и со всеми прочими.

– Ты, наверно, обедаешь не одна?

– Да. То есть уже нет. То есть я обедаю с тобой. Пойдем. Ох, да ты хромаешь! Неужели ранен в бою?

– Какое там. Ты не поверишь: я играл в футбол мусорной корзиной.

– Да ладно.

– Честное слово.

– Милый, это совсем не в твоем стиле.

– Кстати, ты первая не удивилась, что я пошел в армию.

– Чему же тут удивляться? Где тебе и быть в войну, как не в армии. Я-то всегда знала: ты храбрый как лев.

Они вместе пообедали, поднялись к Вирджинии в номер и разговаривали до самого Гаева поезда.

– Гай, ну а ферма-то в Элдорете за тобой сохранилась?

– Нет, я сразу ее продал. Разве ты не в курсе?

– Наверно, мне говорили, но, знаешь ли, мне тогда было не до фермы. Развод, замужество, опять развод. Только после второго развода я смогла передохнуть да по сторонам оглядеться. Томми надолго не хватило. Этаким мерзавец. Зря я вообще с ним связалась. Надеюсь, за ферму хорошую цену дали?

– Какое там! Год был кризисный, столько народу разорилось.

– Да, верно. Как я забыла – ведь отчасти из-за этого мы с Томми расстались. Главное – в полку стало ужасно скучно. Куда что девалось. Нам пришлось уехать из Лондона. Жили в настоящей дыре, население – сплошные зануды. Томми даже об Индии поговаривал. Этого я уже вынести не могла. А ведь я его любила, не меньше, чем тебя. Кстати, ты, случайно, не женился?

– Разве я мог?

– Милый, только не говори, что я разбила тебе сердце.

– Мое сердце здесь ни при чем. Я католик, а католикам нельзя жениться вторично. Сама ведь знаешь.

– Вот оно что. Значит, ты до сих пор принципов придерживаешься?

– Придерживаюсь. Жестче, чем прежде.

– Бедняжка Гай, вот влип. Денежки утекли, жена ушла, короче, полный крах. В старые времена родственники сказали бы, что я тебе жизнь сломала.

– И были бы недалеки от истины.

– Гай, а много у тебя было хороших женщин?

– Не много и не слишком хороших.

– Ну, значит, будут. Лично займусь. Подыщу тебе настоящую куколку, вот увидишь.

Еще Вирджиния спросила об отце:

– Знаешь, мне одна мысль покоя не дает. Как твой отец наше расставание воспринял? Он всегда был такой душка.

– Папа сказал только: «Бедный Гай, какая дрянь его окрутила».

– Что, так и выразился – «дрянь»? Нет, это никуда не годится. Обидно, честное слово.

Через минуту мистер Краучбек был забыт.

– Но ты же чем-то занимался? Не может быть, чтобы за целых восемь лет ты ничего не сделал.

А ведь Гай действительно ничего не сделал. Рассказать было не о чем. Он вернулся из Кении в Санта-Дульчину и по инерции попытался продолжить трудиться на земле, в частности занялся виноградарством. Он подрезал строптивые лозы, внедрил новый французский

пресс, для которого требовалось сортировать гроздья. Сборщики винограда сортировать не хотели. Вино, производимое в Санта-Дульчине, имело вкус дивный, но неизменно скисало при транспортировке, даже непродолжительной. Гай подошел к процессу бутилирования с научной точки зрения. И потерпел фиаско.

Гай взялся за перо. Первые две главы романа написал на одном дыхании, дальше дело застопорилось.

Один Гаев приятель вздумал открыть туристическое агентство. Гай вложил в эту затею энное количество денег и немало сил. Предполагалось, что агентство будет обеспечивать туристам обслуживание по высшему разряду, а наиболее достойным открывать нехоженые районы и двери древних палаццо, для простых смертных запертые. Но грянул абиссинский кризис, и поток туристов, как наиболее, так и наименее достойных, иссяк.

– Абсолютно ничего, – вздохнул Гай.

– Бедняжка, – пропела Вирджиния. – Мне так тебя жалко, просто до слез. Ни работы, ни денег, женщины по праздникам, да и те дурнушки. Ну да ты по крайней мере не облысел. Томми вот лыс, как мяч. Я, когда увидела его, чуть в обморок не упала. А еще ты стройный, прямо юноша. Огастас, к примеру, растолстел до неприличия.

– Какой еще Огастас?

– Ты не знаешь – мы в свое время с Огастасом не общались. Он был после Томми. Только не подумай: я за него не выходила. Потому что он уже тогда начал набирать вес.

И так три часа.

На прощание Вирджиния сказала:

– Надо держаться вместе. Не знаю, сколько здесь пробуду. Наверно, долго. Так что ты давай, заходи.

На вокзал Гай прибыл уже в полной темноте. Под тусклым голубоватым фонарем топталось с полдюжины алебардщиков.

– А вот и наш дядюшка-ревматик, – воскликнули при виде Гая. – Ну, что слышно о новом назначении? Ты же всегда все знаешь.

Но познания Гая не шли дальше напечатанного в предварительном приказе. Тайна пункта назначения была покрыта мраком.

5

Предварительный приказ на марш между тем гласил: «Пункт назначения: школа-интернат Кут-эль-Имара, Саутсенд». Гаю вручили его в день прощальной гостевой вечеринки, без каких-либо пояснений. Гай пошел к майору Тиккериджу и получил следующий ответ:

– Кут-эль-Имара? Первый раз слышу. Не иначе, алебардщики новую базу открыли.

Начальник штаба сказал:

– Не наше дело. Вы поступаете в ведение Центра подготовки части и будете находиться в этом ведении до формирования бригады. Воображаю, какой там бардак.

– А из кадровых кто-нибудь едет?

– Размечтался, дядя.

Сказано это было в клубе-столовой, среди подобных Гаю новоиспеченных офицеров и многочисленных трофеев, за двести лет завоеванных алебардщиками. Место казалось обжитым; Гай гнал самую мысль о том, что нечто, находящееся в ведении полка, может быть небезупречным хоть на йоту. Он и теперь, в поезде, что мчался в промозглый мрак, сохранял ту же безмятежную уверенность. Колено ныло и не гнулось. Сидели плотно, места меж скамей, развернутых друг к другу, не хватало. После изрядных усилий Гаю удалось слегка изменить положение ноги. Младшие офицеры задремывали, просыпались, снова задремывали. На полках громоздились вещмешки, амуниция, саквояжи – затеняли человеческие лица. Редкие вспышки

света от встречных поездов освещали только колени. Читать было нельзя. Время от времени кто-нибудь чиркал спичкой. Несколько раз начинался – и угасал – разговор об отпуске. По большей части ехали молча. Гая переполняли светлые воспоминания. Вполне утешенный, он не замечал ни холода, ни тумана. Словно любимую пластинку, он прокручивал в голове сегодняшней разговор. Призрак, долгие восемь лет преследовавший Гая, таившийся за каждым кустом, перебегавший дорогу, – призрак нынче был повержен. Гай взглянул ему в лицо при дневном свете – и обнаружил, что призрак – безобиден и вообще эфемерен. Он – не более чем эфир, думал Гай; он мне больше не помешает.

Последние сорок пять минут поездки прошли в полной тишине. Спали все, кроме Гая. Наконец поезд прибыл в Саутсенд, офицеры похватили вещмешки – и остались одни на платформе, в холоде и сырости. Еще долго после того как, растворенный расстоянием и мраком, перестал мигать тусклый фонарь, восточный ветер доносил хриплый паровозный присвист.

– Вы из Полка алебардщиков? – уточнил носильщик. – Вас ждали с поезда на шесть ноль восемь.

– А в приказе этот поезд значится.

– Почему тогда остальные ваши приехали час назад? Офицер транспортной службы только что ушел. Может, вы еще его поймаете. На стоянке. А, нет, не поймаете – вон он уезжает. Сказал, сегодня военных больше не ожидается.

– Вот черт.

– А вы что, первый день в армии?

И носильщик исчез в темноте.

– Ну и что нам делать?

– Надо позвонить.

– Кому?

Леонард в три прыжка нагнал носильщика.

– А с Кут-эль-Имарой по телефону можно связаться?

– Действует только военная линия. Аппарат в кабинете офицера транспортной службы.

Там уже заперто.

– У вас телефонный справочник есть?

– Валялся где-то. Попробуйте счастья. Сдается мне, телефон отключен.

Справочник обнаружился в полутемной каморке станционного смотрителя.

– Вот, интернат Кут-эль-Имара. Попробуем.

Через минуту в трубке раздался хриплый голос:

– Слушаю! Что? Кто? Говорите громче! Почему эта линия до сих пор не отключена?

Здесь теперь подразделение вооруженных сил.

– Мы – офицеры-алебардщики. Нас на вокзале восемь человек. Ждем доставки на базу.

– Это вы должны были приехать час назад?

– Наверно, мы.

– Оставайтесь на линии, сэр. Я сейчас. Может, тут кто в курсе.

Прошло немало времени, прежде чем новый голос спросил:

– Вы откуда звоните?

– С Саутсендского вокзала.

– Какого черта вы не уехали на автобусе? Был же автобус.

– Мы только что с поезда.

– Значит, опоздали. Автобус ушел. Другого транспорта нет. Добирайтесь своим ходом.

– А далеко?

– Конечно, далеко. Поспешите, а то без ужина останетесь. У нас и так еды негусто.

Алебардщики поймали целых два такси, погрузились вместе со всеми пожитками и пока-тили. Темно было, хоть глаз коли. Ехали без малейшего понятия о направлении. Через два-

дцать минут, изрядно помятые, выстроились в пустом холле. Дошатый пол, еще влажный после уборки, нестерпимо вонял дезинфекционным раствором. Явился убеленный сединами и увешанный орденами алебардщик и пообещал позвать капитана Маккинни.

И позвал, видимо, прямо из столовой.

– Здравствуйте, джентльмены, – проговорил капитан Маккинни с набитым ртом. – В вашем приказе, верно, что-то напутали. Полагаю, вина не ваша. Сейчас повсюду бардак. Я в этом заведении главный. Причем меня сюда назначили не далее как нынче утром, в девять часов. Делайте выводы. Кстати, вы ужинали? Ну так поторопитесь, пока еще не все съедено.

– Где можно умыться?

– Там. Только мыла нет, и горячей воды тоже.

Так и не вымыв рук, алебардщики проследовали за капитаном Маккинни в столовую. Выявить все ее прелести им предстояло в недалеком будущем, пока же в глаза бросилась скудость обстановки. Два предлинных стола щеголяли эмалированными мисками и кружками, а также алюминиевыми вилками и ложками, какие алебардщики видели один раз, в солдатской столовой. На тарелках лежали порционный маргарин, нарезанный хлеб, успевший посинеть картофель в мундире и сероватый холодец, смутно помнившийся Гаю со школьных лет, что выпали на Первую мировую войну. При виде холодца аппетит исчез окончательно. На краю стола имелся спиртовой чайник. Из носика уже натекла целая лужа. Свекла единственная оживляла монохромный натюрморт.

– Сдается мне, мы угодили в самый что ни на есть Дотбойз-холл¹⁵, – заметил Триммер.

Впрочем, не интерьер и не ассортимент блюд привлекли основное Гаево внимание – нет, из-за стола, не переставая жевать, на вновь прибывших уставились с полдюжины прапорщиков. Видимо, это и были офицеры из центра подготовки, о которых алебардщикам столь много доводилось слышать.

За другим столом сидели также полдюжины знакомых офицеров из военного городка.

– Устраивайтесь пока вон там, – посоветовал капитан Маккинни, – вместе с приятелями, которые тоже не определились. Завтра утром все решим, все по полочкам разложим. – Маккинни возвысил голос, чтобы слышали все присутствующие в столовой: – Я пошел к себе на квартиру. Надеюсь, все необходимое у вас имеется. Если нет, что ж, придется потерпеть. Ваши комнаты на втором этаже. Кто с кем будет жить, сами разберетесь. Свет гасят в полночь. Подъем в семь. Построение в восемь пятнадцать. До отбоя, то есть до полуночи, можете выходить из казарм. Денщиков шесть человек, но они целый день мыли да скребли, так что буду вам очень признателен, если нынче вы их не побеспокоите. Ничего с вами не случится, если один раз сами свои вещи наверх отнесете. Бар пока не функционирует. Ближайшая пивная для офицеров, «Гранд», находится напротив, по дороге это с полмили. Пивная, которая к нам поближе, – только для рядовых. Засим прощаюсь. Спокойной ночи.

– Был я недавно на лекции под названием «Как управлять людьми», – начал Триммер. – Так вот, какую информацию я почерпнул? А почерпнул я следующую информацию: при размещении по квартирам существует три очереди – первая, вторая и третья. При том, что командир не относится ни к одной из них. Офицер-алебардщик не сядет есть, пока не убедится, что последний из его солдат уже ест. Офицер-алебардщик не ляжет спать, пока не убедится, что последний из его солдат обеспечен постелью. – Триммер взял вилку и в глубоком раздумье гнул, пока не сломалась. – Вы как хотите, а я иду в «Гранд». Может, обнаружу в тамошнем меню что-нибудь удобоваримое.

Триммер был первой ласточкой. Едва за ним закрылась дверь, из-за стола поднялись прапорщики. В души некоторых закрались сомнения, а не следует ли заговорить с новичками; впрочем, на тот момент новички уткнулись в тарелки, и вопрос решился сам собою.

¹⁵ Школа для мальчиков, где царит палочная дисциплина (из романа Чарльза Диккенса «Николас Никльби»).

– Компанейские ребята, – хмыкнул Сарум-Смит.

Трапеза много времени не заняла. Вскоре алебардщики-новички уже топтались в холле.

– Дядя, давай я понесу твой вещмешок, – сказал Леонард, и благодарный Гай похромал за ним вверх по лестнице.

На втором этаже выяснилось, что все двери заперты. Если верить стрелке, нарисованной на обоях мелом, офицерские комнаты располагались за дверью с надписью «Посторонним вход воспрещен». Уже не посторонние, алебардщики обнаружили блеклый линолеум, лампочки без абажуров и два ряда открытых дверей. Особо шустрые ничего не выиграли – комнаты были совершенно одинаковые, каждая с шестью голыми койками и кипой соломенных матрацев и одеял.

– Устроимся подальше от Триммера с Сарум-Смитом, – предложил Леонард. – Может, здесь? Давай, дядя, выбирай себе кровать.

– Вон та, угловая, – выбрал Гай. На койку плюхнулся вещмешок.

– Сейчас остальные набегут, – предположил Леонард. – Не сдавай позиций, дядя.

В комнату то и дело заглядывали прапорщики:

– Эй, дядя, койки свободны?

– Только три. Я занял место для Эпторпа.

– Черт, а нас четверо. Идем дальше, ребята.

Через секунду из-за соседней двери послышались голоса:

– Вещи не убегут – после разберемся. А то до отбоя выпить не успеем.

Вернулся навьюченный Леонард.

– Я тут подумал, надо для Эпторпа койку придержать.

– Правильно. Где это видано, чтобы двое дядюшек отдельно жили. Э, да тут уютненько. Жаль, не знаю, сколько буду этим уютом наслаждаться. Дэйзи придет, как только я сниму квартиру. Я слышал, женатых на ночь домой отпускают.

В комнату ворвались трое, со смехом застолбили свободные койки вещмешками.

– Леонард, в паб идешь?

– Дядя, ты как – расположен?

– Я лучше тут посижу. Идите, развлекайтесь.

– Скучать не будешь?

– А то мы такси возьмем.

– Не стоит.

– Тогда счастливо оставаться.

И вот Гай остался один на новом месте. Начал обустраиваться. Ни шкафа, ни стенных полок в комнате не было. Гай повесил шинель на крючок, а расческу, туалетные принадлежности и книги пристроил на подоконнике. Достал постельное белье, застелил койку, свернул одеяло в рулон и запихнул в наволочку – подушек здесь, видимо, не полагалось. Саквояж оставил неразобраным, взял трость и похромал по пустому зданию.

Вне всякого сомнения, комнаты служили дортуарами. Каждая носила название битвы Первой мировой. На комнате, где предстояло жить Гаю, красовалось «Пашендаль». Гай миновал «Лус», «Ипер» (именно в такой орфографической интерпретации) и «Анзак». Обнаружилась еще одна комната, совсем крохотная и без патриотического названия, об одной койке и с комодом. Вероятно, здесь жил учитель. Комната показалась Гаю роскошной. Он сразу повеселел. «Пусть дураки в тесноте ютятся да вещи на подоконник складывают, – подумал Гай. – А бывалый солдат всегда со знанием дела проведет рекогносцировку и сориентируется на местности». Гай вернулся в «Пашендаль», взял вещмешок и поволок по линолеумному коридору. А потом вспомнил, как Леонард втащил этот самый вещмешок на второй этаж, как предложил ему первому выбрать койку. До Гаю дошло: перебраться – значит променять расположение товарищей на сомнительный комфорт, снова противопоставить себя коллективу, что неодно-

кратно происходило в военном городке, побрезговать суровой армейской дружбой. Гай закрыл дверь учительской спальни и побрел обратно в «Пашендаль».

И продолжил обход. Здание освободили, вероятно, еще на летних каникулах. На втором этаже была комната гигиены – рядами стояли ванны, разделенные только перегородками, без дверей. На первом этаже отыскалась раздевалка со множеством настенных крючков и умывальников и с одним душем. Доска объявлений шелестела списком крикетной команды. Несколько комнат оказались заперты – вероятно, в них квартировал директор. Имелась и учительская – дубовый книжный шкаф, ныне пустой, сигаретные оспины на каминной полке, треснутая мусорная корзина. На двери, ведущей в кухню и подсобки, мелом значилось: «Рядовой и сержантский состав»; за дверью играло радио. В холле тоже был камин; к нему прислонили столешницу, разделенную пополам меловой чертой; справа значилось: «Приказы-инструкции», слева – «Текущие распоряжения». «Приказы-инструкции» включали типографские правила затемнения и защиты от газовой атаки, а также отпечатанные на машинке алфавитный список и распорядок дня. Из последнего Гай почерпнул, что подъем в семь ноль-ноль, завтрак в семь тридцать, построение и занятия в восемь тридцать, обед в час дня, построение и занятия в два пятнадцать, чай в пять, ужин в семь тридцать, а при наличии отсутствия особых указаний офицеры свободны с пяти вечера. Текущих распоряжений не обнаружилось. Зато напротив камина висел холст в сложносочиненной позолоченной раме, невероятно громоздкий, вообще непонятно как прошедший в двери, бог знает где – и зачем – добытый. На холсте был запечатлен морской пейзаж, донельзя унылый – горизонт оживлялся полудюжиной рыбацких шлюпок, передний план – росчерком автора, размашистым и неразборчивым. Гай прислонился к старорежимной железной батарее и, к своему удивлению, обнаружил, что она греет. Правда, батарея работала исключительно на себя – уже на расстоянии ярда тепла не ощущалось совершенно. Гай представил добрую сотню малышей в тесных брючках, с аденоидами и цыпками, ежедневно устраивающих возле батареи потасовку; а может, право сидеть на теплом имели только старшеклассники да члены крикетной команды. Отсутствие людей играло на обобщение; в данной конкретной школе Гай видел квинтэссенцию учебных заведений соответствующей руки, вычитанных из многочисленных реалистических романов. Итак, дано: школа для мальчиков. Ни о прогрессивных методах преподавания, ни о материальном благополучии речи не идет. Среди учителей текучка – прибывают с намерением перековать систему, уезжают с проклятиями; половина учеников принята за сниженную плату, причем сниженную тайно; ни один не тянет на стипендию, не имеет перспектив поступить в приличную частную школу, не ездит на День выпуска и никому не рассказывает о школьных годах, ибо воспоминания заставляют содрогаться от стыда. Уроки истории обставлены со всем патриотическим пафосом, стимулирующим молодых учителей к упражнениям в остроумии. И последний штрих – отсутствие школьного гимна. Всем этим буквально пахло в стенах Кут-эль-Имары; Гай сам себе казался ищейкою, взявшей отвратительный след.

Ладно, думал он, я знал, на что иду. Кто хочет удобств, пусть в тылу отсиживается. В конце концов, теплого приема не обещали. В казарме он очнулся от затяжной спячки, воспрянул, ожил; но долго так продолжаться не могло. Не для того Гай рвался в армию, чтобы переодеваться по три раза на день да джин пить. Война как-никак.

И настроение у него снова упало. Возможно, этот дом, мерзкий, как лужа, и есть новый мир в миниатюре, мир, на поединок с которым вызвался Гай. Нечто презренное и жалкое, некая пародия на цивилизацию уступила место новому миру; новый мир принесен в эти стены товарищами Гая по оружию, новый мир укрепляет позиции повсюду, сгущается вокруг Гая, отмечает свои границы колючей проволокой и воняет карболкой.

Колено никогда еще так сильно не ныло. Гай доковылял до «Пашендаля», разделся, повесил одежду на спинку кровати и лег, не выключив электричества; голая лампочка светила

прямо в глаза. Вскоре Гай заснул – и почти сразу был разбужен бурным возвращением алебардщиков.

6

Офицеры из центра подготовки оказались вполне адекватными. Вновь прибывшим алебардщикам абсолютно не с чего было задирать нос. С толку сбивало другое – группа из центра подготовки являла собой точную копию Гаевой группы. Имелась там своя паршивая овца, только звали ее не Триммер, а Хэмп. Имелся свой Сарум-Смит – вечно недовольный Коленсо. Имелись даже дядюшки, и тоже двое – добродушный полноватый учитель Блейк по кличке Пузан и владелец малайских каучуковых плантаций Родерик. Словно алебардщики из военного городка шли себе маршем, повернули за угол – и оказались перед зеркалом. Вражды между ними и центром подготовки не было, но не было и дружбы. Они, как и в первый день, ели за разными столами и не смешивались в комнатах. Гаю казалось, что число младших офицеров в Кут-эль-Имаре просто удвоилось. Скоплением такого количества молодых военных одного звания подрывалась иерархическая структура армейской жизни; каждый офицер терял при дублировании, умался, становился карикатурным. Кадровые офицеры, ответственные за обучение, жили на квартирах, появлялись с разной степенью пунктуальности, во время занятий фланировали из класса в класс и исчезали строго по звонку. Нередко при приближении кадрового сержант-инструктор командовал: «Подтянись! Офицер идет!», забывая о званиях в своей группе. Денщики и сержанты-инструкторы подчинялись интенданту. Прапорщики за них не отвечали и власти над ними не имели.

Бытовые условия стали чуть терпимее. Появилась элементарная мебель, был сформирован клубный комитет в составе коменданта, Гая и Пузана Блейка; питание улучшилось, открылся бар. Предложение взять напрокат радиоприемник подверглось горячим дебатам – и не прошло благодаря альянсу пожилых с бережливыми. С полкового склада выдали мишень для игры в дартс и стол для пинг-понга. Впрочем, эти широкие жесты ничуть не способствовали удержанию офицеров в стенах Кут-эль-Имары. Саутсенд располагал дансингом, кинотеатром и несколькими гостиницами; вдобавок и офицерское благосостояние выросло. Из отпуска каждого офицера ждало уведомление о возможности получить задолженные деньги, заодно с целым рядом надбавок, на которые вообще никто не рассчитывал. С Гаем расплатились все должники, за исключением Сарум-Смита.

– Кстати, дядя, если тебе та пятерка не к спеху, я попозже отдам, ладно?

Слово «дядя», казалось Гаю, стали произносить с новым оттенком. Прежде в «дяде» звучала сердечность, «почтение юноши к старцу»; теперь – почти нескрываемая ирония. В Саутсенде младшие офицеры пользовались большей свободой – могли подцепить девушку, пили в гостиных и кабинетах, где их встречали с распростертыми объятиями, считали, что с пяти до полуночи им сам черт не брат. В казарменном городке алебардщиков Гай был как бы недостающим звеном между младшими офицерами и старшим командным составом. Здесь он сам себя чувствовал старым занудой, вдобавок хромым, который и на занятиях не блещет, и в развлечениях участия не принимает. В представлении молодых Гай и так балансировал на грани гротеска. Теперь колено не гнулось – после ряда неуклюжих па Гай рухнул, запутавшись в трости. Смеха уже никто не сдерживал.

От строевой и физической подготовки Гая освободили. Вслед за общим строем, в одиночестве, ковылял он в спортивный зал, там ждал конца занятий и снова пристраивался в хвост. Алебардщикам выдали полевую форму, ее требовалось носить на занятия. Вечером желающие передевались в парадную форму. Синие мундиры были не в ходу. На занятиях, как утренних, так и дневных, изучали исключительно легкое огнестрельное оружие. Учились по своду инструкций, разработанному с расчетом на самых бестолковых курсантов.

– Джентльмены, просто представьте, что играете в футбол. Наверняка многие из вас не отказались бы мяч погонять, а? Итак, вы – правый крайний нападающий. Ветер дует непосредственно в ворота противника. Представили? Вы подаете угловой. Представили? Как вы будете целиться – прямо в ворота? Ну, кто мне скажет? Вот вы, мистер Триммер, – вы будете целиться прямо в ворота?

– Да, сержант.

– Неужели? Кто думает по-другому?

– Нет, не прямо в ворота.

– Не прямо.

– Нет.

– Очень интересно. Так куда же все-таки вы будете целиться?

– Я дам пас.

– Ответ не принимается. Представьте, что хотите лично забить гол. Так прямо в ворота вы будете целиться или не прямо?

– Да.

– Нет.

– Не прямо, сержант.

– Ну, ну, точнее. Неужели никто в футбол не играет? Вы ведь будете целиться левее ворот, правда?

– Да, сержант.

– А почему? Ну-ка, отвечайте – почему левее? Наверно, потому, что примете в расчет направление ветра, не так ли?..

Гай в порядке очереди занял место у прицельного станка и принял в расчет направление ветра. Позднее, в спортивном зале, скрипя зубами от боли, он лег на пол и нацелился в глаз Сарум-Смиту. Сарум-Смит щурился на Гая в ортоскоп, а потом заявил, что Гай ни разу не попал в цель.

Все знали, что однажды Гай убил льва. Сержантам нравилось развивать тему:

– Что, мистер Краучбек, грезите о крупной дичи? – вопрошал какой-нибудь сержант, заметив, что Гай отвлекся. В ходу также была следующая форма приказа: «Огонь!»

– Перед вами – развесистый баобаб. На сто двадцать градусов справа – край желтого поля. На поле – лев. Два залпа по льву. Огонь!

Официальное участие Гая в решении организационных вопросов отнюдь не способствовало росту его авторитета. Напротив, авторитет с каждым днем скукоживался под градом жалоб, звучавших скорее как угрозы:

– Эй, дядя, а что это нам второсортные маринады доставляют?

– Дядя, почему у нас и в «Гранде» виски в одной цене?

– Дядя, а не твоя ли была светлая мысль «Таймс» выписать? Ты один ее читаешь.

Вероятно, за размеренностью жизни в казарменном городке Гай не заметил, как между шестеренками постепенно набились песчинки зависти; теперь механизм нагрелся сверх установленных норм.

Всю неделю Гай ходил как в воду опущенный. На восьмой день, когда одиночество сделалось почти нестерпимым, он узнал, что едет Эпторп. Радостная весть застала Гая на скучнейшем занятии. Инструктор вдавался в подробности определения дистанции на глаз.

– Для чего, джентльмены, необходимо умение определять дистанцию на глаз? Для того, джентльмены, чтобы верно оценить расстояние до цели. Понятно? Правильная оценка расстояния до цели гарантирует эффективность залпов и сводит к минимуму расход боеприпасов. Понятно? На расстоянии в двести ярдов отчетливо видны все части тела. На расстоянии в триста ярдов лицо смазывается. В четыреста – лица вовсе не видно. В шестьсот – вместо головы точка, вместо туловища спичка. Вопросы есть?

Ковыляя из спортзала в казарму, Гай повторял: «Шестьсот ярдов – не голова, а точка; четыреста ярдов – не лицо, а пятно» – повторял не для того, чтоб лучше запомнить, а так, как повторяют считалки. У дверей Гай выдал: «Четыреста ярдов – не голова, а лицо; шестьсот ярдов – никаких точек». Хуже дня за все время пребывания в армии еще не выпадало.

И тут Гай увидел Эпторпа.

– Вот здорово, что ты снова с нами, – от души воскликнул Гай. – Выздоровел?

– Какое там «выздоровел»? Правда, доктор сказал, что Отечеству я еще могу послужить.

– Так тебя опять подкосила бечуанская лихорадка?

– Старина, мне не до шуток. Речь идет о травме. Самое обидное, что попал по-глупому.

Мылся в ванне, голый, естественно...

– Ну-ну, давай рассказывай.

– А ты не перебивай. И нечего хихикать. Я гостил у тетки в Питерборо. Делать было нечего, форму терять не хотелось, вот и вздумал тренироваться самостоятельно. И в первое же утро поскользнулся в ванне и упал, да так неудачно. Аж искры из глаз посыпались.

– Так что конкретно ты ушиб?

– Колено. Думал, умру от боли. А еще чего-то стоило найти военврача. Тетка говорит, пускай тебя мой доктор осмотрит, но я ни в какую. Ничего, нашел. И знаешь, военврач, он сразу так серьезно к делу отнесся. Отправил меня в госпиталь. Кстати, презанятные заведения эти госпитали. Вот ты, Краучбек, небось ни разу в военном госпитале не лежал.

– Пока не сподобился.

– Оно того стоит, доложу я тебе. В конце концов, надо же все грани военной службы изведать. Рядом со мной лежал сапер с язвой...

– Эпторп, я вот что хотел спросить...

– И рождественскую ночь в госпитале провел. Девчонки из ДВО¹⁶ пели гимны...

– Эпторп, так ты хромаешь?

– Конечно, хромаю, старина, а ты что думал? Колено – оно такое. За один день не пройдет, как ни лечи.

– И я хромаю.

– Бедняга Краучбек. Так я дорасскажу. Начальник отделения приготовил пунш...

– Эпторп, неужели ты не понимаешь – мы с тобой теперь будем как идиоты. Представь – двое дядюшек, и оба хромые.

– Ну и что?

– Ладно, не как идиоты, а как близнецы-братья.

– Старина, сдается мне, ты преувеличиваешь.

Но Гай не преувеличивал. Когда они с Эпторпом вошли в столовую, каждый при трости, все головы как по команде повернулись к ним. Секундою позже раздался смех, а там и аплодисменты.

– Краучбек, признайся – долго репетировали?

– Совсем не репетировали. Это экспромт.

– С душком ваш экспромт, чтоб вы знали.

Гай с Эпторпом налили себе чаю и уселись.

– А ведь не первый раз я тут чай пью, – заметил Эпторп.

– Вот как?

– Видишь ли, я учился в Степлхерсте, и мы частенько играли с ребятами из Кут-эль-Имары. Никогда в футболе не отличался, но два последних сезона был вратарем.

¹⁶ ДВО (VAD) – добровольческий вспомогательный отряд. Во время Первой и Второй мировых войн такие отряды набирались в помощь военнообязанным медицинским сестрам.

С некоторых пор Гаю нравилось узнавать подробности Эпторповой частной жизни. Тем более что подробностями Эпторп не баловал. К примеру, тетка из Питерборо – совершенно новый персонаж. А теперь еще и Степлхерст.

– Значит, Степлхерст – твоя подготовительная школа?

– Ну да. Она на другом конце города. Внушительное такое здание, сразу в глаза бросается. Не может быть, чтоб ты о Степлхерсте не слышал. Школа очень известная. Тетка принадлежит к ортодоксальной англиканской церкви, – добавил Эпторп, теткиними убеждениями как бы подчеркивая высокий статус школы.

– Ты о тетке, которая из Питерборо?

– Нет, конечно, – рассердился Эпторп. – Я о тетке, которая из Танбридж-Уэллс. Тетка, которая из Питерборо, в религиозные тонкости не вдается.

– А это хорошая школа?

– Степлхерст? Да одна из лучших! Особняком, можно сказать, стоит. По крайней мере, в мое время стояла.

– Я имел в виду Кут-эль-Имару.

– Ну, мы, как водится, здешних ребят мелочью пузатой считали. Правда, в крикет они обычно выигрывали, но оно и понятно – у них вообще основной упор был на спорт. У себя в Степлхерсте мы их легко делали.

– Дядя, мы для тебя койку держим, – поспешил обрадовать Леонард.

– Премного благодарен, только у меня, знаете ли, пропасть багажа. Пока вы на занятиях были, я тут осмотрелся и нашел свободную комнату. Один поселюсь. Придется допоздна над книжками корпеть – упущенное наверстывать. Сапер, ну, тот, который из госпиталя, дал мне пару-тройку интереснейших книжечек. Подозреваю, что как минимум одна из них секретная. Такие нельзя брать на передовую – вдруг противнику в руки попадут?

– Уж не директива ли по подготовке сухопутных войск?

– Она и есть.

– Нам всем такие выдали.

– Такие, да не такие. Мне-то дал майор инженерно-саперных войск. У него язва, вот он и нашел преемника в моем лице.

– Смотри, дядя – это она? – Леонард достал из кармана форменных брюк январскую «Директиву». Такими снабдили всех офицеров.

– С кондачка определить не могу, – отвечал Эпторп. – Кроме того, считаю себя не вправе языком трепать.

В общем, Эпторпов багаж – термитонедсягаемые коробки, водонепроницаемые свертки, прихотливые жестяные сундучки и кожаные чемоданы с обильными заплатками произносимых адресов (все стянуто бечевками и ремнями о бронзовых пряжках) – был успешно и надежно скрыт от посторонних глаз.

У Гая, впрочем, была возможность поспрашивать Эпторпа о содержимом багажа – тогда, в казармах, в период задумчивости, предшествовавший злополучному обеду у капитан-коменданта, – но Гай эту возможность упустил. Теперь он знал только, что среди коробок, свертков и сундучков имеется нечто редкое и загадочное, некий «буш-бокс»; об этом предмете Эпторп раньше говорил с придыханием, теперь не говорил вовсе.

Тем вечером Гай впервые выбрался в город. Они с Эпторпом взяли авто с водителем и ездили из гостиницы в гостиницу, всюду нарываясь на алебардщиков – те либо пили, либо пребывали в поисках отдельного кабинета.

– Я смотрю, эти юнцы совсем разболтались, – заметил Эпторп. – Вот что значит не было твердой руки, меня то есть.

В частности, они искали гостиницу под названием «Королевский двор» – именно в «Королевском дворе» останавливались Эпторповы тетки, когда навещали племянника.

– Там, конечно, роскошь в глаза не бьет, зато и пизоны толпами не ходят. А все почему? Потому что про эту гостиницу вообще мало кто знает, – уверял Эпторп.

Эпторп не преувеличивал. В тот вечер им не встретилась ни одна живая душа, знавшая о «Королевском дворе». Когда все бары закрылись, Гай предложил:

- А давай съездим в Степлхерст?
- Старина, там же нет никого – все на каникулах. И вообще, поздно уже.
- Я хотел сказать, давай доедем до Степлхерста и просто посмотрим. Издали. Снаружи.
- Другой разговор. Шеф, в Степлхерст.
- В Степлхерстскую рощу или на Степлхерстское шоссе, сэр?
- В Степлхерстский дом.
- Знаю только рощу и шоссе. Поедем? Она частная?
- Кто?
- Степлхерстская гостиница.
- Частная. Только не гостиница, а школа.

Светила луна, дул береговой ветер. Они проехали по бульвару и вскоре оказались на окраине города.

– Э, да здесь теперь все по-другому, – протянул Эпторп. – Ничего не узнаю.

– Сэр, мы сейчас возле Степлхерстской рощи. А Степлхерстское шоссе начинается за поворотом.

– Школа была вот прямо тут, – упирался Эпторп. – Наверно, с ней что-то случилось.

Они вышли из автомобиля. Их сразу обдало лунным сиянием и ледяным северным ветром. Вокруг теснились коттеджики с глухими ставнями. Вероятно, сразу за аккуратненькими живыми изгородями некогда простирались крикетные поля, где чумазый Эпторп стоял на воротах. А в котором-нибудь из садилов или гаражей, пожалуй, крошилась себе кирпичная кладка от святилища, где Эпторп, умытый и расчесанный на пробор, при стихаре, зажигал восковые свечи.

– Вандалы, – процедил хромой Эпторп.

Приятели доковыляли до авто и, окутанные алкогольными парами, поехали в Кут-эль-Имару.

7

На следующий день Эпторпа постигла бечуанская лихорадка, однако он все же встал с постели. Томимый жаждою, Гай спустился в столовую первым. Утро было серое, промозглое; чувствовалось приближение снегопада. В холле, у доски объявлений, обнаружился один из кадровых – он прикреплял полотнище с заголовком, выведенным мелом красного цвета: «ПРОЧТИ! ЭТО КАСАЕТСЯ КАЖДОГО!»

– Вот повезло, – сообщил кадровый Гаю. – Сегодня у нас Мадшор. Автобус в восемь тридцать. С собой иметь вещмешок. Сообщите своим.

Гай поковылял на второй этаж. Заглядывал в каждую комнату и говорил:

- Сегодня у нас Мадшор. Автобус через двадцать минут.
- Какой еще Мадшор?
- Понятия не имею.

По возвращении к доске объявлений Гай узнал, что Мадшор – это стрельбище, а ехать до него десять миль.

Так начался самый скверный день на новом месте.

Мадшор представлял собой унылую полосу болотистого побережья, через равные промежутки пересекаемую рукотворными земляными валами и завершающуюся нерукотворным откосом. Стрельбище было окружено колючей проволокой и плакатами с предупреждениями;

у ближайшего вала, в качестве огневого рубежа, притулилась жестяная будка. По прибытии алебардчики обнаружили троих солдат – один, в рубашке без гимнастерки, брился у двери, второй разводил огонь в печке, третий, небритый и расхристаный, зевал на пороге.

Майор, ответственный за группу алебардчиков, пошел на разведку. В будке была хорошая акустика – сначала до алебардчиков доносились майоровы ругательства, потом тон его стал смягчаться, а закончил майор фразой:

– Ладно, сержант, вижу, вы не виноваты. Продолжайте. Попробую переговорить с начальством.

– Здесь какое-то недоразумение, – сообщил майор алебардщикам. – Согласно последнему полученному распоряжению, на сегодня стрельбы отменены. Ожидается снегопад. Посмотрим, что можно сделать. А пока, раз уж мы приехали, будем учить правила поведения на стрельбище.

Целый час, пока по пострассветному тусклому небу разливался сюрреалистический свинцовый свет, алебардчики зубрили указанные правила в варианте, соответствовавшем данной стадии Второй мировой войны. Наконец, после телефонных переговоров, из будки показался майор.

– Порядок, джентльмены. Снега в ближайшие час-два не ожидается. Учения состоятся. Нашим ходячим раненым тоже занятие нашлось – будут дежурить у мишеней.

Гай с Эпторпом заковыляли по осоке. До выложенной кирпичом траншеи было ярдов пятьсот. Наконец оба заняли места под мишенями. К ним присоединились капрал и двое из артиллерийско-технической службы. Последовали продолжительные телефонные переговоры, после которых флажки подняли, и стрельбы начались. Прежде чем отметить первый выстрел, Гай посмотрел на часы. Десять минут одиннадцатого. К половине первого все четырнадцать мишеней были поражены, и поступила команда «Вольно». На смену Гаю и Эпторпу явились двое из центра формирования и подготовки.

– Там, на огневом рубеже, вами недовольны, – заявил один из них. – Копаются, как мухи сонные. Вот лично я хотел бы взглянуть на свою мишень. Третья пуля наверняка тоже в цель попала. Должно быть, угодила точнехонько на место второй, потому и дырки новой нет. Что-то, а целиться я умею.

– Дырки уже заклеены, ничего не поделаешь.

Гай отошел на несколько шагов и преспокойно показался над траншеей. Издали закричали, замахали руками. Гай упрямо ковылял вперед. Наконец крики стали слышны.

– Вам что, жить надоело, так вас и так? – вопил майор. – Не видите – красный флажок поднят?!

Гай посмотрел вверх. Флаг действительно трепыхался. На огневом рубеже никого не было. Алебардчики сгруппировались возле будки, с подветренной стороны, и жевали сухой паек. Гай продолжал спотыкаться на кочках.

– Да ложитесь же, ради всего святого! Флаг! Отслеживайте флаг!

Гай лег, где стоял, покосился на флагшток. Флаг был опущен.

– Краучбек! Теперь можно. Идите.

Гай приблизился к майору.

– Виноват, сэр. Нас сменили и дали команду «Вольно».

– Ну и что? Так вот и происходят несчастные случаи. Флаг, и только флаг является сигналом начать передвижение. Ко всем относится, джентльмены! Вы только что стали свидетелями грубейшего нарушения правил поведения на стрельбище. Пусть это послужит вам уроком.

Эпторп же благоразумно дождался, пока опустят флажок, и теперь хромал по осоке.

– Ну а ты видел чертов флаг? – не преминул спросить Гай.

– Еще бы. Всегда надо сначала на флаг посмотреть. Это первое правило. Вдобавок капрал меня предостерег. Они этот трюк практикуют с новичками – поднимают флаг, когда никто не ждет. Просто чтобы солдаты не расслаблялись.

– А товарища предупредить, конечно, нельзя было.

– И весь замысел насмарку, да? Если бы все друг друга предупреждали, никто бы в жизни ничему не научился. Понимаешь, о чем я?

Они съели свои бутерброды. Холодало.

– Сэр, нельзя ли продолжить учения? Все готовы.

– Что готовы – это хорошо. Только надо ведь и о солдатах подумать. Им тоже необходим отдых.

Наконец стрельбы возобновились.

– Мы во время не укладываемся, – покачал головой майор. – Сократим до пяти выстрелов на человека.

Время, однако, уходило вовсе не на стрельбу как таковую, а на построение, повтор правил поведения на огневом рубеже и на проверку оружия. Когда настала Гаева очередь, уже смеркалось. Гай с Эпторпом поодиночке поплелись на рубеж. Они стреляли в последней группе. Гай залег, не заряжая винтовки, прицелился – и обнаружил, что не видит мишени. Гай испугался. Опустил винтовку, всмотрелся обоими глазами. Вдалеке маячило белое пятно. Закрыв один глаз. Пятно потускнело, задрожало. Гай вскинул винтовку. Над мушкой зияла сплошная чернота.

Гай зарядил винтовку и один за другим выпустил пять положенных зарядов. После первого выстрела поднялся диск и закрыл яблочко.

– Отличная работа, Краучбек. Так держать!

После второго выстрела сигнал флажка сообщил, что Гай промазал. После третьего тоже.

– Эй, Краучбек, что происходит?

Четвертая пуля угодила в «молоко», пятая пролетела мимо мишени.

По телефону сообщили:

– Поправка относительно мишени номер два. Первый выстрел засчитан ошибочно. Наклейка слетела. Первый выстрел по второй мишени следует считать промахом.

Эпторп справился отлично.

Майор отвел Гая в сторону.

– Краучбек, это никуда не годится. Какая муха вас укусила?

– Не знаю, сэр. Видимость была скверная.

– Видимость для всех одинаковая. Тренируйтесь на прицельном станке. Всю группу позорите.

Потом началась тягомотина с подсчетом израсходованных боеприпасов и сбором гильз.

– Винтовки протереть. Сразу после прибытия и роспуска строя тщательно вычистить оружие.

А потом пошел снег. В автобус садились уже в полной темноте. Ехали невыносимо медленно.

– Знаешь, дядя, мне кажется, у твоего льва просто выдался неудачный день, – сострил Триммер. Оцепеневшая от холода аудитория никак не отреагировала.

После стрельбища даже интернат Кут-эль-Имара показался домом родным. Гай сел на горячую батарею – решил выждать, пока схлынет толпа на лестнице. Заодно заказал случившемуся поблизости официанту стаканчик рома. Постепенно кровь приходила в движение, руки и ноги оттаивали.

Майор выскочил как черт из табакерки.

– Краучбек, вы что, уже вычистили оружие?

– Нет, сэр, не вычистил. Не хотелось в толпе мешаться.

– Вы не дома, чтобы вам хотелось или не хотелось. Приказ был – вычистить оружие немедленно по роспуске строя. Ни слова о том, чтобы не мешаться в толпе или горячительное пить.

Майор тоже продрог до костей; у него тоже выдался скверный день. Вдобавок ему предстояло топтать до дому целую милю; вдобавок он минуту назад вспомнил, что, когда явится, кухарки уже не будет и ему придется вести жену ужинать в гостиницу, как обещал.

– Краучбек, я вами крайне недоволен. Можете в упор не видеть мишени, но извольте держать винтовку в порядке для других, которые видят и не мажут, – выпалил майор. И вышел в снег, и забыл о разговоре, не прошагав и сотни ярдов.

Триммер все время торчал на лестнице.

– Что, дядя, шею тебе намылили, да?

– Допустим.

– Выходит, больше в любимчиках не числишься.

В помраченном Гаевом мозгу сверкнула искра – и воспламенила бикфордов шнур.

– Пошел к черту, – почти взвизгнул Гай.

– Тише, дядя, тише. Экий ты сегодня. Не влезай – убьет, честное слово.

Последовал удар.

– Ты, ублюдок, заткнись, пока я твою недоделанную черепушку не раскроил! Еще слово – и тебе мало не покажется.

Гай, конечно, преувеличивал – его телосложение не внушало страха, и хромота была тут ни при чем. Впрочем, неожиданная вспышка гнева всегда пугает, ибо обращается к первому опыту индивидуума, полученному в детстве, когда мозг еще не умел предвидеть – и принять меры. Вдобавок Гай, сам того не сознавая, покачивал своей довольно прочной тростью. Трибунал мог счесть этот жест угрозой жизни товарищу по оружию, а мог и не счесть. Триммер – счел.

– Да успокойся, говорю. Я же что? Я так, пошутил только.

Гнев нарастает по собственным законам – конечный его масштаб часто несоразмерен точке отсчета. Вот и Гай дошел до белого каления – состояния для него принципиально нового.

– Чтоб твоя гнилая душонка в аду корчилась! Я велел тебе заткнуться!

Гай замахнулся тростью и сделал шаг вперед. Теперь у трибунала не осталось бы сомнений в его намерениях. Триммер пустился бежать. В два прыжка он исчез за углом и после еще долго бормотал себе под нос: «Шуток не понимает. Сразу палкой. Псих, одно слово».

Гнев отпускал медленно, наконец процесс заземления завершился. Параллельно с гневом, только еще медленнее, улетучивалось самодовольство. Гай не скоро пришел в норму.

Наверно, думал он, в Кут-эль-Имаре семестра не проходило без подобной драмы. Червяки, доводимые долго и методично, в один прекрасный день превращались в питонов, и тогда маленькие задиры бежали со всех ног. Только, конечно, эти герои на час в роме не нуждались.

Неужели для этого заливался рожок над плацем в городке алебардщиков? Неужели об этом играл оркестр на ужине и этому внимали притихшие «Медные подковы»? А сэр Роджер Уэйбрук – неужели этого ждал он от Гая, неужели Гаев крестовый поход сведется к минутному триумфу над Триммером?

Оскверненною рукою опираясь на оскверненное свое оружие, Гай похромал к очереди за кипятком, и пристроился в хвост, и стал упиваться метафоричностью занятой позиции.

8

То был самый темный час перед рассветом.

Колено пришло в норму. С каждым днем оно болело все меньше; Гай, давно приносившийся к хромоте, вдруг понял, что боль причиняет главным образом тугая повязка. Под-

стрекаемый отчасти и наличием пародии в лице Эпторпа, Гай задвинул подальше трость, снял повязку – и обнаружил, что прекрасно передвигается и без них. И встал в строй с тою же гордостью, что и назавтра после прибытия в городок алебардчиков.

Одновременно дошли до кондиции усы, которые Гай отращивал вот уже несколько недель. Еще вчера Гай с отвращением смотрел на этот пучок неопределенного цвета, а нынче обнаружил и шелковистость, и естественное разделение на пробор; с тою же внезапностью дитя научается плавать. Гай пошел в парикмахерскую, где усы подравнивали, расчесали и завили щипцами. С кресла он встал совершенно преображенным. По выходе, на противоположной стороне улицы, заметил салон оптики; за стеклом покоилось великанское фарфоровое глазное яблоко в единственном числе, вывеска гласила: «Бесплатная проверка зрения. Подгон линз всех конфигураций в Вашем присутствии». Единичность парного органа, идиосинкразический выбор слова «линзы» вместо «очки», недавний шок от собственного лица в зеркале, мысль о бессчетных немецких уланах в бессчетных американских фильмах повлекли Гая к салону.

– Я подумываю, не купить ли монокль, – осторожно начал он.

– Рад служить, сэр. Позвольте осведомиться, для каких целей вам потребен монокль – для солидности или чтобы лучше видеть?

– Для стрельбы. У меня мишень перед глазами расплывается.

– Сочувствую, сэр, очень сочувствую. Поистине это ужасно.

– Вы можете помочь?

– Я обязан помочь, сэр.

Через четверть часа Гай вышел на улицу, оснащенный сильным моноклем в двойной позолоченной оправе, ценою пятнадцать шиллингов. Остановился у ближайшей витрины, вытащил футлярчик из искусственной кожи и вставил монокль в правый глаз. Монокль держался на славу. Гай осторожно расслабил лицевые мышцы, перестал щуриться. Монокль не падал. Из витрины на Гая скептически смотрел типичный юнкер. Гай вернулся в салон.

– Пожалуй, куплю еще пару-тройку моноклей – вдруг этот разобьется?

– Вынужден вас огорчить, сэр, – у меня больше нет столь сильных линз.

– Ничего, дайте максимально приближенные к этой.

– Сэр, боюсь, вы не вполне представляете, сколь чувствителен и уязвим человеческий глаз. К гигиене зрения следует относиться со всею возможною ответственностью. Я подобрал для вас оптимальную линзу. Другие вам не только не подойдут, но и нанесут ущерб. Говорю как профессионал.

– Не беспокойтесь, я уж как-нибудь...

– Что ж, сэр, я вас предупредил. Как врач я категорически против. Как коммерсант – вынужден покориться воле клиента.

Монокль вкупе с усами немало возвысил Гая в глазах молодых офицеров – никто из них не мог позволить себе столь радикальное преображение в столь короткие сроки. Вдобавок Гай стал гораздо лучше стрелять.

Через несколько дней после приобретения монокля их снова отправили в Мадшор, на сей раз осваивать ручной пулемет «Брен». Белое пятно мишени больше не терялось среди снежных заплат, испещрявших стрельбище; Гай попадал в мишень всякий раз – конечно, не всегда в яблочко, но результаты были не хуже, чем у остальных.

Гай носил монокль, только когда стрелял, то есть довольно часто, и вернул львиную долю утраченного престижа, главным образом потому, что при виде монокля сильно тушевался сержант-инструктор.

Способствовала возвращению престижа и новая волна финансового кризиса среди офицеров. Танцы под сенью развесистых гостиничных пальм обходились недешево – первое офицерское жалованье утекло как сквозь пальцы. Молодые офицеры принялись считать дни до конца месяца и прикидывать, можно ли теперь, когда их физическое существование при-

знано казначейством, полагаться на регулярные выплаты и надолго ли этих выплат будет хватать. Прежние Гаевы клиенты один за другим попадали от него в прямую зависимость; к их числу робко прибавились двое новых. Гай одалживал всем, кроме Сарум-Смита (Сарум-Смиту достался холодный взгляд сквозь монокль). Конечно, нельзя было сказать, что «почтение юноши к старцу» шло по три-четыре фунта с носа, зато все должники стали с Гаем куда как вежливы и то и дело извиняли друг перед другом свою любезность фразами типа: «При всем при том наш старый дядя Краучбек – предобрый малый и настоящий товарищ».

Гаево существование скрашивало теперь еще и то обстоятельство, что ему было где укрыться от мерзости Кут-эль-Имары. Во-первых, на набережной Гай обнаружил ресторанчик под названием «Гарибальди», а в ресторанчике – генуэзскую кухню и радушие. Хозяин, Джузеппе Пелеччи, толстый и многодетный, по совместительству работал шпионом. В Гае он поначалу видел «источник», ибо до сих пор вклад его в информационную систему старого отечества ограничивался неполными перечнями товаров, ввозимых в отечество новое. Когда же Пелеччи узнал, что Гай говорит по-итальянски, патриотизм в его душе сменила простая тоска по родине. Пелеччи родился неподалеку от Санта-Дульчины; ему случалось видеть Каstellло Краучбеков. Гай и Пелеччи не унизились до субординации и быстро миновали стадию отношений «шпион и его находка». Впервые в жизни Гай чувствовал себя *simpatico* и потому ужинал в «Гарибальди» практически ежедневно.

Во-вторых, он открыл для себя саутсендский яхт-клуб.

Этот тихий уголок Гай нашел при обстоятельствах, которые были заняты сами по себе и вдобавок расставили несколько точек над многочисленными i Эпторпова отрочества.

Заявление, что Гай подозревает Эпторпа во лжи, прозвучало бы в лучшем случае пародийно. Истинный самозванец измыслил бы более весомые доказательства собственной исключительности, нежели ботинки-«дельфины», религиозные убеждения танбриджской тетки или связи в стане дикарей. И все же нечто в Эпторповой натуре неизменно смущало Гая. Эпторп вроде бы и хотел сближения, только, в отличие от фигуры-цели на занятиях по определению дистанции, приближаясь, все неумолимее расплывался и все увереннее сходил на конус. Гай, как кропотливый старатель, радовался каждой песчинке информации об Эпторпе; жаль, что с рассветом в горсти неизменно оказывались гнилушки, а в ушах звенело хихиканье фей. Эпторповы трюки удавались единственно по причине Эпторповой же осязаемости. Из своего параллельного мира Эпторп то и дело перекидывал мостики; Гай не пропускал ни одного, ступал бережно, едва ли не с благоговением. Именно такой мостик попался ему в воскресенье, следовавшее за провалом на стрельбище в Мадшоре; именно тогда началась неделя, завершившаяся триумфом завитых усов и золоченого монокля.

Гай пошел к мессе один. Вести было некого, не то что в Полку алебардчиков; кроме Гая, католичество исповедовал только Хэмп, Триммеров двойник из центра подготовки. Хэмп исполнял свой религиозный долг без фанатизма, ибо вычитал где-то, что военные полностью от такого исполнения освобождаются.

Саутсендская церковь, старая, как и большинство зданий, ремонтировалась на средства, завещанные целым сонмом вдов; вероятно, поэтому своды давили, а окна почти не пропускали света. На крыльце Гая остановил опрятный старик – Гай видел его раньше, с блюдом для пожертвований.

– Сэр, не вы ли приходили на прошлой неделе? Меня зовут Гудолл, Эмброуз Гудолл. В прошлое воскресенье я с вами не заговорил – не знал, сколько вы здесь пробудете. А теперь знаю – долго. Вы из Кут-эль-Имары, так ведь? Рад приветствовать вас в церкви Святого Августина.

– Меня зовут Краучбек.

– Известное и благородное имя, если позволите, сэр. Вы ведь из брумских Краучбеков?

– Мой отец несколько лет назад покинул Брум.

– Знаю, знаю. Печальная история. Я, видите ли, по мере своих слабых сил изучаю английский католицизм времен гонений. Можете представить, сколь многим отзывается для меня название «Брум». Я сам – новообращенный католик, и все же, осмелюсь заметить, исповедую католичество по времени не меньше вашего. Обычно после мессы я прогуливаюсь. Вы пешком? Позвольте вас проводить.

– Простите, я заказал такси.

– Да? В таком случае, не заехать ли нам в яхт-клуб? Это по пути.

– К сожалению, не располагаю временем на клубы, но вас с радостью подвезу.

– Вот спасибо. А то очень уж нынче холодно.

Мистер Гудолл не умолкал всю дорогу:

– Пока вы здесь, в Саутсенде, рад буду быть вам полезным. Обращайтесь с любыми просьбами – сделаю что в моих силах. Мне бы хотелось поговорить о Бруме. Видите ли, я ездил в Брум прошлым летом. Сестры следят за именем на совесть. Кстати, я мог бы повозить вас по Саутсенду и окрестностям. Здесь немало достопримечательностей, а я хорошо знаю их историю. Я ведь работал учителем в Степлхерсте, а в Саутсенде всю жизнь живу.

– Вы учительствовали в Степлхерсте?

– Да, недолго. Видите ли, когда я принял католичество, меня вынудили уйти. В любой другой школе вероисповедание учителя не имеет значения – но только не в Степлхерсте. Там собрались одни ортодоксы. Так что я свой выбор сделал.

– Пожалуйста, расскажите о Степлхерсте. Во всех подробностях.

– Вам правда интересно, мистер Краучбек? Вот не ожидал. Рассказывать особенно нечего. И вообще, школа уж десять лет как закрылась. Говорят, в исповедальне всякие потребности творились. Я, конечно, не верю. А вам, случайно, Гриллы родней не доводятся? Сдается мне, что доводятся. Я всегда благоговел перед блаженным Джоном Гриллом. И перед блаженным Джарвисом Краучбеком, разумеется. Рано или поздно их канонизируют, обязательно канонизируют.

– Мистер Гудолл, на вашей памяти в Степлхерсте, случайно, не учился мальчик по фамилии Эпторп?

– Эпторп? Ой, да мы уже возле клуба. А то зашли бы, мистер Краучбек?

– Да, пожалуй. Что-то я время не рассчитал – рано еще.

Саутсендский яхт-клуб помещался в приземистом особняке на набережной. На флагштоке посреди лужайки развевались флаг и выпел с соответствующей символикой. Крыльцо щеголяло парой медных пушек. Мистер Гудолл предложил Гаю кресло у зеркального окна и позвонил в колокольчик.

– Стюард, хересу, будьте любезны.

– Эпторп выпустился не менее двадцати лет назад.

– Совпадает со временем моего пребывания в Степлхерсте. Да и фамилия вроде знакомая. Если вам действительно интересно, поищу вашего Эпторпа в старых журналах.

– Дело в том, что Эпторп сейчас служит со мной. Он здесь, в Кут-эль-Имаре.

– Обязательно поищу. Он, случаем, не католик?

– Нет. Одна из его теток принадлежит к ортодоксальной англиканской церкви.

– Тогда понятно. Большинство наших мальчиков изначально принадлежали к этой церкви, другие присоединились в процессе обучения. Стараюсь не терять с ними связи, да дела прихода столько времени отнимают, особенно теперь, когда каноник Гейган практически нас не посещает. А я ведь еще и работаю. Сначала трудно было, потом втянулся. Частные уроки, знаете ли, лекции в монастырях. Возможно, вам попадались мои статьи в «Тэблет». Обычно мне шлют все, что связано с геральдикой.

– То-то Эпторп вам обрадуется.

– Вы так думаете? Столько лет прошло. Впрочем, прежде надо поискать его в журналах. А знаете что? Приводите-ка его на чай. Прямо сюда. Моя квартира, как бы это выразиться, не приспособлена для приема гостей, а вот в клубе будет в самый раз. А среди ваших предков и Роттмены имеются, которые из Спика, верно?

– Да, кажется, были родственники с такой фамилией. Дальние, правда.

– Но ведь не из Спика, да? Их род по мужской линии пресекся. Вы, наверно, говорите о Роттменах из Гэйрсби?

– Наверно. Они живут в Лондоне.

– Все правильно: Гэйрсби разрушил узурпатор Георг. Одна из печальнейших страниц в скорбной истории целого столетия. Самые камни были проданы подрядчику-строителю и увезены на волах.

* * *

Встреча состоялась через несколько дней. Беседовали о Степлхерсте.

– Мистер Эпторп, в футбольной хронике ваше имя упоминается дважды. Вот, я здесь все написал. Боюсь, поводов для гордости не много. Первое упоминание, ноябрь 1913-го. «В отсутствие Бринкмена на воротах стоял Эпторп. Форварды команды-противника много превосходили Эпторпа в быстроте реакции». Конец цитаты. Счет был 8:0. Следующее упоминание датируется февралем 1915-го: «Свинка подкосила основной состав. Игроков для матча против Сент-Олафа пришлось наскребать по сусекам. Вратарь Эпторп отнюдь не способствовал успеху нашей команды». Есть, правда, третье упоминание – в летнем выпуске «Вейла» за шестнадцатый год. Только там не названа ваша школа.

– Конечно, не названа. С названием тогда еще не определились.

– Так вы, мистер Гудолл, были у Эпторпа классным наставником?

– Не помню. Эпторп, а вы помните?

– Не наставником, а мы ходили на ваши лекции по истории церкви.

– Верно. Я читал лекции для всех учеников. Фактически ради принятия католической веры я пожертвовал более высокой должностью. Придерживайся я негласного школьного правила, занимался бы без хлопот исключительно со стипендиатами. Вы, Эпторп, кажется, в стипендиатах не ходили?

– Не сподобился, – отвечал Эпторп. – Тут, видите ли, неразбериха получилась. Тетка хотела, чтобы я поступил в Дартмут, но я засыпался на собеседовании, адмирала чуть не до белого каления довел.

– Всегда считал, что эти их собеседования – сущий ад. Сколько способных мальчиков не выдерживают нервного напряжения, ужас.

– Не то чтобы я перенервничал. Просто мы с адмиралом общего языка не нашли.

– Так куда же вы поступили?

– Столько мест учебы сменил, столько раз переезжал – всего и не упомнишь, – уклонился Эпторп.

Они преуточно прихлебывали чай. Кресла были глубокие, от камина шло живое тепло. Наконец мистер Гудолл произнес:

– Джентльмены, а почему бы вам не вступить в наш клуб? На временной основе, пока ваш полк не переведут из Саутсенда? У нас тут очень славно. Яхту иметь не обязательно. Правда, клуб организовывался именно по этому принципу, да только большинство членов нынче не могут позволить себе такую роскошь. Я сам без яхты. Но мы живо интересуемся парусным спортом, на том и стоим. Каждый день с шести до восьми собирается приятнейшее общество, а если предупредить стюарда за сутки, можно и поужинать.

– Я бы с удовольствием, – сказал Гай.

– Почему бы и нет, – сказал Эпторп.

– Тогда давайте я вас нашему командору представлю. Он как раз пришел. Сэр Лайонел Гор, врач, ныне на пенсии. Милейший в своем роде человек.

Знакомство с командором состоялось. Сэр Лайонел лестно отозвался о Королевском полке алебардщиков и собственной рукой внес Гая с Эпторпом в Книгу кандидатов. Две графы «Название яхты» остались пустыми.

– Ну, джентльмены, теперь ждите уведомления от секретаря. По правде сказать, сейчас я исполняю секретарские функции. Задержитесь еще на минутку – заполню ваши членские билеты и внесу вас в списки. С временных членов мы берем по десять шиллингов в месяц. Помоему, совсем недорого, учитывая обстановку.

Так Гай с Эпторпом стали членами яхт-клуба.

– Благодарю вас, командор, – сказал Эпторп, протягивая руку за билетом.

Они вышли в ледяную темноту. Эпторпово колено все еще болело – он заявил, что поедет только на такси.

По дороге он сказал:

– Мы с тобой, Краучбек, сегодня большое дело сделали. Давай-ка не будем об этом языками трепать. Я вот что думаю: нечего нам с молодыми запанибрата держаться. Фамильярность – она штука коварная. Лучше этак особняком. А то назначат тебя ротой командовать, а такого вот молодого – взводным. И станет он говорить тебе «приятель», как в учебке привык. Нехорошо. Авторитет подрывает.

– Мне роту точно не доверят. Я на плохом счету.

– Тебе, может, и не доверят, а мне доверят. Только не подумай, старина, что я от тебя отрекся. Я же знаю: ты парень честный, подсиживать не станешь. А вот за остальных наших не поручусь. И вообще, не отчаивайся. Вот возьмут да и назначат тебя заместителем командира, а это капитанская должность.

Чуть позже Эпторп добавил:

– Занятно, что старик Гудолл так к тебе проникся.

Еще позже, в холле Кут-эль-Имары за джином с вермутом, Эпторп нарушил затяжное молчание следующей фразой:

– Я никогда не заявлял, что хорошо в футбол играю.

– Конечно. Ты только сказал, что не делал из футбола культа.

– Вот именно. Если честно, в Степлхерсте я не выделялся. В середнячках ходил. Понимаю, теперь в это трудно поверить. Просто некоторые цветы не сразу расцветают.

– Например, Уинстон Черчилль.

– Вот именно. Может, после ужина рванем в клуб?

– Это в смысле сегодня?

– Ну да. На двоих и такси дешевле.

Таким образом, и тот вечер, и большинство последующих вечеров Гай с Эпторпом провели в яхт-клубе. Эпторпа привечали в игровой – там вечно не хватало четвертого, – а Гай сидел с книгой у камина, в окружении морских карт, вымпелов, нактоузов, моделей парусников и прочего морского реквизита и был почти счастлив.

9

Январь выдался невыносимо холодный. Из кут-эль-имарских дортуаров начался массовый исход. Первыми снялись с мест женатые – им разрешалось ночевать в городе. Разрешение обрастало поправками – следом за женатыми ушли холостые, но удачно расквартированные члены командно-преподавательского состава, а там и вообще все, кому было по карману снять приличное жилье. Гай переехал в гостиницу «Гранд», удачно расположенную между Кут-

эль-Имарой и яхт-клубом. Гостиница была из крупных, строилась с расчетом на курортников, теперь же, зимой, да еще в войну, пустовала. Гай недорого снял очень хороший номер. Эпторпа приютил сэр Лайонел Гор. К концу января в Кут-эль-Имаре и половины курсантов не осталось. В обиход вошли выражения «пансионер» и «приходящий курсант». Городские автобусы редко придерживались расписания, уж конечно, никак не учитывавшего времени построений. Многие «приходящие» квартировали далеко от школы и автобусных остановок. Потепления не ожидалось. Путь от автобусной остановки до Кут-эль-Имары по причине гололеда стал сам по себе испытанием. Участились случаи опоздания на плац по уважительным причинам. Спортзал не отапливался – о продолжительных занятиях не могло быть и речи. В результате сократили все занятия вообще. Теперь начинались они в девять, заканчивались в четыре пополудни. Горниста Кут-эль-Имаре не полагалось. Однажды Сарум-Смит шутки ради позвонил в школьный звонок за пять минут до построения. Майор Маккинни счел эксперимент удачным и велел в дальнейшем всегда пользоваться звонком. Занятия проводились строго по учебным пособиям, без отступлений от программы. Словом, в Кут-эль-Имаре ожил дух подготовительной школы. Курсантам предстояло пробыть здесь до Пасхи – как раз семестр.

* * *

В феврале, паче чаяния, не потеплело. Казалось, зима теперь будет всегда. В полдень силилось выглянуть солнце, но обычно рыхлый свод, серый по контрасту с грязно-белым побережьем, сгущался, не пускал, тяжело ворочался над головами, а на горизонте переходил в глухой свинцовый оттенок. Лавровая роща вокруг Кут-эль-Имары стояла вся в инее, на подъездной аллее чуть ли не торосы выросли.

В первый день Великого поста Гай поднялся рано и пошел к мессе.

Все еще с пепельным крестом на челе, он позавтракал и отправился в Кут-эль-Имару, где обнаружил поистине мальчишеское оживление в рядах товарищей.

– Слыхал, дядя? Бригадир приехал.

– Я его еще вчера вечером видел. Захожу в холл, а он там, весь в красном, на доску объявлений пялится.

– Я решил до конца месяца ужинать в школе, но, как бригадира увидел, тут же через боковую дверь смылся. И все так делали.

– Ох, чую – теперь добра не жди.

Прозвенел школьный звонок. Эпторп, уже совершенно поправившийся, теперь занимался в Гаевой группе.

– Бригадир здесь.

– Мне уже сказали.

– По-моему, он вовремя приехал. У нас тут полный бардак, знай успевай разгребать. Начальство бы выстроить в первую очередь.

Курсанты прошли в спортзал и, как обычно, разделились на четыре подгруппы. Сегодня им предстояло приобщиться таинств стрельбы по отметкам, или кинжального огня.

– Материальное обеспечение занятий, – начал прапорщик, – включает пулемет, запасной ствол, учебные патроны, диски, сумку подносчика, пулеметный станок, прицельный колышек и приспособление для ночной стрельбы. Ясно?

– Да, сэр.

– Хорошо. А теперь, джентльмены, скажите, что из перечисленного отсутствует. Не знаете? Ну а где колышек? Где фонарь? Их нет. Мелок видите? Будем считать, что он и есть колышек и фонарь. Ясно?

Через каждые полчаса на десять минут давалась команда «Вольно». Во второй по счету ледниковый период поступило предупреждение:

– Не курить. Офицеры идут. Смир-рно!

– Продолжайте, джентльмены, – скомандовал голос, многими слышимый впервые. – Никогда не прерывайте занятий. На меня не обращайтесь внимания. Только на пулеметы, джентльмены, смотрим только на пулеметы.

Так им явился Ричи-Хук в бригадирском мундире, сопровождаемый начальником школы и его заместителем. Ричи-Хук ходил от подгруппы к подгруппе. Отдельные его реплики, адресованные другим подгруппам, доносились до Гая. Реплики по большей части были гневные. Наконец Ричи-Хук добрался до Гаевой подгруппы.

– Первый расчет, приготовиться!

Двое молодых офицеров распластались на дощатом полу и доложили:

– Диски и запасной ствол в порядке.

– Огонь.

Бригадир смотрел внимательно и по окончании упражнения заявил:

– Вы двое, вставайте. Всем вольно. Ну-ка, расскажите, в чем смысл стрельбы по отметкам.

– В том, чтобы путем создания перекрывающих друг друга зон обстрела не давать противнику высунуться, – отрапортовал Эпторп.

– Впечатление, будто вы намерены не давать противнику десерта. Не желаю слышать о том, чтобы чего-то врагу не давать; ваша задача – врага повергать, разить, крушить. Зарубите это себе на носу, джентльмены. Всякая боевая операция имеет целью уничтожение врага. Эй, вы, номер первый у пулемета. Вы только что прицеливались в мелок. По-вашему, вы не промажете?

– Никак нет, сэр.

– Уверены?

Сарум-Смит снова улегся и тщательно прицелился.

– Так точно, сэр.

– При том, что прицельная рамка стоит на тысяче восемьсот?

– Нам такую дистанцию задали, сэр.

– Черт вас подери, какой смысл целиться в кусок мела с расстояния в десять ярдов при прицельной рамке в тысячу восемьсот?

– Это стрельба по отметкам, сэр.

– Ну и что здесь отметка?

– Мелок, сэр.

– Кто может помочь?

– Нам не выдали прицельного колышка и приспособления для ночной стрельбы, сэр, – пояснил Эпторп.

– Ну и что?

– Поэтому мы взяли мелок, сэр.

– Вы, молодые офицеры, вот уже почти два месяца изучаете стрелковое оружие. Неужели вы до сих пор не усвоили, для чего нужна стрельба по отметкам?

– Для уничтожения, сэр, – предположил Триммер.

– Для уничтожения чего?

– Прицельного колышка или приспособления для ночной стрельбы, сэр, а если их не выдали – тогда для уничтожения мелка.

– Все, с меня хватит! – И бригадир широким шагом вышел из спортзала. За ним поспешили начальник школы с заместителем.

– Ну спасибо, джентльмены, – съязвил прапорщик. – Хорошую же свинью вы мне подложили.

Через несколько минут было объявлено, что в полдень бригадир ждет всех офицеров в столовой.

– Теперь всем на орехи достанется, – заметил Сарум-Смит. – Наверняка у начальства тоже денек не из самых приятных выдался.

Судя по мрачным начальственным лицам, Сарум-Смит попал в точку. Столы были уже накрыты, из кухни тянуло вареной брюссельской капустой. Офицеры притихли, точно в монастырской трапезной. Поднялся бригадир, грозен ликом; впечатление было, что он вздумал прочесть молитву. Вместо этого бригадир изрек:

– Джентльмены, попрошу не курить.

Никто и не собирався.

– Да расслабьтесь, команды «Смирно» для сидящих не существует, – смиловился Ричи-Хук, видя, что офицеры сидят будто штыки проглотили. Ослушаться команды «Расслабьтесь» не посмели, но попытка не удалась. Один только Триммер легкомысленно поставил локоть на стол, попал по вилке, вилка звякнула о тарелку, бригадир вскинулся:

– Обедать еще не пора.

Гай невольно подумал о розгах. Он бы ничуть не удивился, достань сейчас бригадир хорошую розгу и призови Триммера к ответу. Бригадир еще не озвучил ни единой претензии, никого, кроме Триммера, не отличил замечанием, но под свирепым взглядом этого одиночного глаза на курсантов уже тяжкою ношею легло чувство вины во всем и вся.

Над головами множились призраки раз навсегда напуганных школяров; стало трудно дышать. Меж потолочных балок густел запах вареной капусты; Гай почти слышал голоса, тонкие и ломающиеся: «Директор совсем озверел», «Кто нынче будет козлом отпущения?», «А почему как что, так Браун?»

В тот день слова литургии долго отдавались в Гаевом мозгу: *Memento, homo, quia pulvis es, et in pulverem reverteris*¹⁷.

Наконец бригадир заговорил:

– Сдается мне, джентльмены, никому из вас не повредит недельный отпуск. – Серое бригадирово лицо исказила улыбка, от которой аудитория содрогнулась, паче чем давеча – от хмурого взгляда. – Отдельным персонажам не придется даже озаботиться возвращением в полк. Они получают соответствующие уведомления через так называемые соответствующие каналы, простите за скверный каламбур.

Начало было блистательное. Бригадир и не думал брюзжать и метать громы и молнии – он лишь слегка припугнул. Он вообще тяготел к эффекту обманутого ожидания. Потакая своей склонности, он нередко прибегал к жестокости, порой к откровенной несправедливости – но безо всякого удовольствия, а единственно ради конечного результата. Сейчас, обозревая пришибленных офицеров, Ричи-Хук, пожалуй, мысленно торжествовал победу.

– О чем я действительно сожалею, джентльмены, так это о том, что не приехал к вам раньше, – продолжал бригадир. – Сформировать бригаду – дело куда как сложное; многие из вас даже приблизительно не представляют всего объема работ. В этом-то аспекте я ваш полк и рассматриваю. Я давно за вами слежу. Например, мне известно, что в Кут-эль-Имаре вы не обнаружили элементарных удобств. С другой стороны, офицеры-алебардщики должны учиться сами создавать себе условия для комфортной жизни. Я прибыл к вам как друг. Вчера я рассчитывал обнаружить, что вы уже вполне обустроились в Кут-эль-Имаре. Я приехал в семь вечера. И что же? В лагере не было ни единого офицера. Конечно, нигде не написано, что офицеры должны ужинать вместе. Я предположил, что у вас некий праздник, вот вы и покинули эти стены. Спросил поставщика провизии из гражданских и выяснил, что вечер самый обычный.

¹⁷ Прах еси и в прах возвратишься (лат.). (Быт. 3: 19)

Кстати, этот джентльмен не сумел назвать по фамилии ни одного члена клубного комитета. Короче, я понял, что корабль ваш, фигурально выражаясь, дал течь еще до спуска на воду.

Сегодня утром я наблюдал ваши занятия. Что я могу сказать? Посредственно, джентльмены, – вот моя оценка. Специально для молодых офицеров, которые не в курсе, что значит «посредственно», перевожу: «посредственно» в армии значит «курам на смех». Не стану утверждать, что вина целиком и полностью ваша. По крайней мере, на вашем счету ни одного воинского преступления. Однако хороший офицер хорош не потому, что не совершает воинских преступлений.

Но главное, джентльмены, вы пока не являетесь офицерами. Ваше двусмысленное положение имеет свои преимущества. Как для вас, так и для меня. Ни одному из вас его величество не присвоил офицерского чина. Вы находитесь на стажировке. Я хоть завтра могу отправить вас по домам без дальнейших объяснений.

Как вам известно, сейчас во всех остальных военных подразделениях офицерский чин можно получить, только если пройти все ступени службы, а потом еще проучиться в Офицерском кадетском корпусе. Алебардщикам дана привилегия – набирать и обучать офицеров, минуя эти стадии. Привилегия временная и разовая. Военное министерство пошло на такие меры исключительно потому, что свято верит в традиции полка алебардщиков. Вашему полку разрешено обучить одну-единственную группу офицеров. В министерстве знают: в полк алебардщиков не просочится всякое отребье. Те, что встанут в строй, когда вы сами будете пущены в расход, – Ричи-Хук сверкнул циклопым глазом, – угодят прямиком на жернова современной военной мельницы, а потом, если выдержат, – в Офицерский кадетский корпус. Вы – последнее, кого обучают военному делу по старинке. И я скорее напишу рапорт о полном провале плана, нежели назову офицером человека, в котором сомневаюсь.

И не рассчитывайте пролезть в офицеры по черной лестнице. Если не возьметесь за ум, будете лететь с этой самой лестницы вверх тормашками, а я еще сапогом подсоблю.

Правило атаки гласит: «Никогда не пытайся реанимировать провальную операцию». Для особо одаренных перевожу: если видишь, что у какого-нибудь болвана песенка спета, не вздумай подпевать. Лучшая помощь в таком случае – обнаружить слабое место противника и язвить его, язвить, язвить!

Курс вашей подготовки и есть полный провал. Я не собираюсь штопать да склеивать. В это же время на следующей неделе вы начнете все сначала. Под моим руководством.

Обедать бригадир не стал. Вскочил на свой мотоцикл и помчался по торосам. Майор Маккинни и прочее начальство с комфортом укатили в личных авто. Офицеры-стажеры остались. Как ни странно, их охватило радостное возбуждение, и отнюдь не от перспективы недельного отпуска (с ним-то как раз хлопот не оберешься), но потому, что в последние недели все они, или почти все, испытывали неудовлетворение разной глубины. Все они, или почти все, были храбрые, чуждые романтики, сознательные молодые люди, в армию пошли, ибо рассчитывали прилагать несколько больше усилий во имя родины, нежели прилагали в мирное время. Понятие «честь мундира» сначала вызвало скептические усмешки, потом – жажду подвигов. В Кут-Кошмаре патриотизм скукожился от холода – офицеры стали искать спасения в танцах и азартных играх.

– Очень уж резко он говорил, – посетовал Эпторп. – Всех под одну гребенку постриг. Нет чтобы хоть намекнуть: есть, дескать, ребята, среди вас и исключения.

– Как по-твоему, под «отдельными персонажами» он и тебя имел в виду?

– Вряд ли, старина, – открестился Эпторп и добавил: – Пожалуй, раз такое дело, отужинаю нынче в нашей столовке.

Гай пошел в «Гарибальди» один. Немало труда стоило объяснить мистеру Пелеччи, католику глубоко суеверному, но, подобно своим соотечественникам, не привыкшему ни в чем себе отказывать, чтобы мяса нынче не подавал. Пепельную среду соблюдала только миссис

Пелеччи. Мистер Пелеччи в День святого Иосифа¹⁸ обедался – этим гастрономические подтверждения его веры и ограничивались.

В тот вечер Гаю казалось, что он тоже объелся мяса, что он – лев, подоспевший к кровавой Ричи-Хуковой жатве.

10

Не иначе, бригадир полагал, что посредством недельного отпуска не только расчищает себе поле деятельности, но и подслащивает пиллюлю не желающим уезжать. «Пансионеры» едва не прыгали от радости; «приходящие курсанты», изрядно потратившиеся на размещение в городе своих жен, проявляли куда меньше энтузиазма. Каждому светило пять дней вынужденного безделья в обществе примелькавшейся «половины». Гаевы сбережения тоже истощились. В последнее время он, можно сказать, жил не по средствам. Гай решил, что нет смысла менять шило на мыло, то есть номер в саутсендской гостинице на номер в гостинице лондонской, априори более дорогой. Словом, Гай остался в Саутсенде.

На второй одинокий вечер он пригласил мистера Гудолла отужинать в «Гарибальди». Потом они поехали в яхт-клуб, где славно провели время в маленькой столовой, за глухими ставнями и среди навигационного реквизита. Вечерние новости порадовали обоих – сообщалось об обнаружении «Альтмарка»¹⁹; впрочем, мистер Гудолл не замедлил пересесть на своего любимого конька. Вино развязало Гудоллу язык – в разговоре он стал касаться вопросов чуть более щекотливых, чем обычно.

Мистер Гудолл говорил нынче об угасании (по мужской линии) одного старинного католического семейства, каковое угасание началось лет пятьдесят назад.

– Они в родстве с вашими Роттменами из Гэйрсби. История презанятная и поучительная. Последний из рода взял в жены девушку, семья которой (не стану называть фамилии) в целом ряде поколений проявляла постыдное непостоянство. У них родилось две дочери, а потом эта презренная женщина сбежала с соседом. Скандал получился ужасный. Тогда еще разводы были редкостью. Их все же развели, и неверная жена вышла замуж за своего любовника. Оставим и его имя в тайне, если не возражаете. Проходит десять лет. Обиженный муж за границей случайно встречает свою жену – жену в глазах Господа, я хочу сказать. Она одна. Между ними, гм, возобновляются супружеские отношения, однако сия заблудшая душа возвращается к своему так называемому мужу. В положенный срок у нее рождается сын. Сын истинного мужа, вашего, мистер Краучбек, родственника. Муж нынешний, так называемый, признает ребенка своим. Этот сын жив по сей день, и в глазах Господа он является полноправным наследником всего родового имущества своего истинного отца.

Гая интересовало не столько имущество, сколько нравственная сторона дела.

– Вы хотите сказать, что с точки зрения теологии первый муж, деля ложе со своей бывшей женой, не грешил?

– Разумеется, нет. Несчастлива повинна во многом, за что, несомненно, ныне и расплачивается, а муж – муж чист. И что интересно: старинный род был сохранен под ничтожным именем. Более того, этот благословенный сын женился на католичке, так что его собственный сын воспитывается в лоне Церкви. Думайте что хотите, а лично я вижу здесь руку Провидения.

¹⁸ День святого Иосифа совпадает с Пепельной средой, первым днем Великого поста. Праздник зародился на Сицилии. В обмен на хороший дождь сицилийцы пообещали своему покровителю святому Иосифу устроить пир для бедняков и обещание выполнили. В этот день мясные блюда запрещены, а хлеб и пироги часто пекут в форме рыбы.

¹⁹ Танкер «Альтмарк» – немецкое вспомогательное судно, сопровождавшее и дозаправлявшее тяжелый крейсер «Адмирал граф Шпее». После гибели крейсера направлялся из Южной Атлантики на родину, имея на борту около 300 пленных – членов команд потопленных «Шпее» судов. В феврале 1940 г. в территориальных водах Норвегии «Альтмарк» был захвачен британцами, пленные освобождены. Недостаточное, по мнению Гитлера, сопротивление нейтральной Норвегии британцам побудило главу Германии начать подготовку операции по захвату Норвегии.

– Мистер Гудолл, – не выдержал Гай, – неужели вы вправду верите, что Провидение заботят вопросы выживания английской католической аристократии?

– А как же! Провидение в равной степени заботят вопросы выживания католической аристократии – и вопросы выживания воробышков. Не этому ли нас учили? Однако, мистер Краучбек, кажется, я слишком увлекся. Я, знаете ли, если уж дорвусь до своей любимой темы, так не чувствую, когда пора остановиться. Столько времени провожу с людьми, которые не только не интересуются такими вопросами, но и в снобизме обвинить могут. Один вечер в неделю у меня посвящен Обществу святого Винсента Пола, второй – клубу мальчиков, третий – канонику: хожу к нему, помогаю с почтой разбираться. А надо ведь еще сестре внимание уделять. Мы вместе живем. Она генеалогией совсем не интересуется. Впрочем, не важно. Не замужем, бедняжка, и я не женат. Мы с сестрой – последние из рода. Ох, боюсь, что опять злоупотребляю вашим расположением, мистер Краучбек.

– Ничуть, ничуть не злоупотребляете, милейший мистер Гудолл. Может, еще портвейну?

– Нет, спасибо, я достаточно выпил. – Вид у мистера Гудолла был удрученный. – Мне давно пора домой.

– Мистер Гудолл, а муж точно не грешит, когда ложится со своей бывшей женой?

– Точно. Сами подумайте. Какой же в этом грех?

Гай подумал. Он думал долго – за полночь. Наутро мысли о невинном псевдоадюльтере при удобном стечении обстоятельств по-прежнему занимали его ум. Гай встал, оделся и поехал в Лондон.

* * *

Фамилия Краучбек, столь блестящая в глазах мистера Гудолла, на клэриджского портье не произвела никакого впечатления. Гая вежливо информировали, что свободных номеров нет. Он справился о миссис Трой и узнал, что она просила не беспокоить. С горя Гай пошел в «Беллами», где у барной стойки исповедался в своем затруднительном положении. Была половина двенадцатого, один за другим подтягивались завсегдатаи.

– Кого ты спрашивал? – проникся Томми Блэкхаус.

– Портье.

– Ну кто так делает? Портье – мелкая сошка. Обращаться надо к тем, кто рангом повыше. Всегда срабатывает. Я сам в «Клэридже» номер снимаю. И как раз туда иду. Хочешь, похлопочу?

Через полчаса позвонили из гостиницы и сказали, что номер готов. Портье расплылся в улыбке.

– Мы чрезвычайно благодарны майору Блэкхаусу за то, что сообщил, где вас найти, мистер Краучбек. Не успели вы уйти, как поступил звонок об аннулировании брони. А вы-то адреса не оставили. – Портье взял ключ и повел Гая к лифту. – Мы счастливы предложить вам номер люкс.

– Я просил стандартный номер.

– К спальне примыкает очаровательная гостиная. Вам будет очень уютно.

Они вышли из лифта. Гай не обратил внимания, на каком этаже. Двери номеров были распахнуты, обстановка недвусмысленно намекала на дороговизну. Гай помнил, зачем приехал; помнил он и о неписаном законе, которого придерживаются все портье: постояльцу, ожидающему посетителей, предоставлять люкс, ибо в люксе имеется гостиная, а наличие гостиной – все равно что наличие дуэньи.

– Номер вполне подойдет, – сказал Гай.

Оставшись один, он снял телефонную трубку и попросил соединить его с миссис Трой.

– Гай? Гай! Ты где?

– Здесь, в «Клэридже».

– Милый, какое свинство с твоей стороны, что ты не сообщил.

– Вот, сообщаю. Я только что вошел.

– Я имела в виду, не сообщил заранее. Надеюсь, ты долго пробудешь?

– Два дня.

– Нет, Гай, поистине это свинство.

– Когда мы увидимся?

– Даже не знаю. Зря ты заранее не сообщил. Мне пора бежать. Ладно, минутку могу задержаться. Приходи прямо сейчас. Номер шестьсот пятьдесят.

Номер оказался на Гаевом этаже, через десяток дверей, за двумя поворотами. Двери так никто и не закрыл.

– Входи, я как раз заканчиваю чистить перышки.

Гай миновал гостиную, применил к ней метафору дуэны. В спальне обнаружилась незастланная постель, разбросанные полотенца, газеты, одежда. Вирджиния напряженно всматривалась в собственное отражение и колдовала над глазом. Туалетный столик был завален пудреницами, ватными палочками и скомканными бумажными салфетками. Из ванной вышел нарочито беззаботный Блэкхаус.

– Привет, Гай. Не знал, что ты в Лондоне.

– Томми, приготовь нам коктейли, – распорядилась Вирджиния. – Я уже иду.

Гай с Томми прошли в гостиную. Томми стал резать лимон, забросил лед в шейкер.

– Тебе нормальный номер предоставили?

– Вполне. Я твой должник.

– Не бери в голову. Кстати, Вирджинии лучше об этом не знать. – Гай обратил внимание, что Томми, выходя из спальни, закрыл за собой дверь. – В смысле о том, что мы встретились в «Беллами». Я ей сказал, что прямо с совещания еду, но я-то еще и в клуб успел. В плане женщин Вирджиния неревнива, а вот «Беллами» почему-то ненавидит. Вообрази, однажды – мы еще женаты были – говорит: «Я бы этот ваш клуб взорвала. Рука бы не дрогнула». И ведь взорвала бы, честное слово. Ты надолго в Лондон?

– На два дня.

– А я завтра в Олдершот. На днях в Военном министерстве нос к носу столкнулся с вашим бригадиром. Его там до смерти боялся. И кличку прицепили – Циклоп. Он что, того?

– Ни в коей мере.

– Я вот тоже засомневался. В министерстве говорят, что у Ричи-Хука не все дома.

Вскоре из хаоса спальни явилась Вирджиния при полном параде.

– Надеюсь, Томми, ты рому не перебабил? Ты же знаешь: я терпеть не могу крепкие коктейли. Ой, Гай, ну и усы у тебя!

– Они тебе не нравятся?

– Они ужасны.

– Старина, не хотел говорить, но я тоже от твоих усов в легком шоке, – поддержал Томми.

– А вот алебардчики от них в восторге. Смотрите – так лучше? – И Гай оснастился моноклем.

– Пожалуй, – хихикнула Вирджиния. – Было просто глупо, теперь – смешно.

– Я думал, при усах и монокле у меня бравый вид.

– Ты ошибся, дружище, – констатировал Томми. – Уж мне-то поверь.

– Значит, успеха у женщин мне не видать?

– Во всяком случае, у хороших женщин, – кивнула Вирджиния.

– Проклятие.

– Нам пора, – сказал Томми. – Пейте давайте.

– Как, уже? – пропела Вирджиния. – И не поговорили совсем. Когда мы теперь увидимся? Завтра я от этого балласта освобожусь. Вечером тебе удобно?

– А раньше нельзя?

– Что ты, милый, – а этого я куда дену? Завтра вечером. Только так.

И они ушли.

Гай вернулся в «Беллами», словно в саутсендский яхт-клуб. Умылся и, в точности как Вирджиния, уставился на свое отражение над умывальником. Усы были пшеничного цвета, отдавали в рыжину. Откуда что берется – на голове-то волосы каштановые. Отличала усы строгая симметричность относительно пробора, над губою они шли довольно круто вверх и заканчивались полукольцами остро подстриженных кончиков. Гай вставил в глаз монокль. Вот попалось ему самому такой персонаж, кем бы Гай его счел? Подобные усы и монокли Гай видел у тайных гомосексуалистов, у нечистых на руку коммивояжеров, у американцев, пытающихся сойти за европейцев, у дельцов, маскирующихся под честных людей. Правда, усы и монокли носили также алебардщики – но на лицах, незапятнанных никаким пороком. Ну а что тогда и военная форма, как не камуфляж, что его новое занятие, как не маскарад?

К Гаю приблизился главный мастер камуфляжа, Йэн Килбэнок. На нем была летная форма.

– Гай, вы нынче вечером свободны? Я тут собираю гостей на коктейль. Приходите.

– Пожалуй. А что празднуем?

– Подлизываюсь к маршалу. Он любит хорошее общество.

– От меня польза невелика.

– Но маршал-то этого не знает. Ему нравится встречаться с людьми. Если выдержите его дружелюбие, очень меня обяжете.

– У меня на вечер никаких планов.

– Тем более. Кроме маршала, будут и вполне адекватные люди.

Позднее, за кофе, Гай наблюдал Йэновы перемещения от столика к столику и задушевные разговоры с завсегдатаями.

– Йэн, в чем все-таки дело?

– Я же говорил: я выдвинул маршальскую кандидатуру в члены клуба.

– А его здесь не хотят, верно?

– Надеюсь.

– Я думал, вопрос давно решен.

– Э, нет, Гай, все куда сложнее. Маршал – он вроде паразита. Своего не упустит, а если упускает, то лишь в обмен на что-нибудь равноценное. Требуется общения с членами клуба и рассчитывает на их поддержку. Знал бы он, бедняга, что шансы на членство убывают прямо пропорционально количеству облагодетельствованных общением с ним. Так что все идет по плану.

В тот день Гай сбрил усы. Цирюльник выразил профессиональное восхищение густотой и длиной и подчинился с неохотою – так минувшей осенью английские садовники распахи-вали лучшие свои газоны и переделывали цветочные бордюры под овощные гряды. Так или иначе, с усами было покончено. Гай снова посмотрелся в зеркало и узнал старого знакомого, от которого, словно от назойливого попутчика, не мог ни вовсе отделаться, ни сбежать на время; попутчика из тех, что любят перевирать каждое слово, пародировать каждый жест, оборачивать темной стороной каждую медаль. К нему Гай был приговорен – и давно смирился с приговором. Только верхняя губа теперь зябла.

Вечером он пошел к Килбэноку. Там была Вирджиния с Томми. Перемены не замечали, пока Гай не сказал.

– Так и знала, что усы накладные, – не удивилась Вирджиния.

Маршал был ядром общества, в том смысле, что всякий ему представленный тотчас отлетал от него, точно атом. Или же маршала можно было сравнить с входом в пчелиный улей, ибо так же, как на этом входе, возле него пространство гудело голосами удаляющихся и приближающихся. Сам же маршал фигуру имел толстую, рост малый (с таким ростом в столичную полицию не берут), обхождение панибратское, глазки бегающие.

У камина красовалась шкура белого медведя.

– Сразу вспоминается стишок, – откашлялся маршал.

На шкуре тигриной
Грешить с Каролиной,
Конечно, приятно.
И все же понятно:
Для большей отдачи
Меха побогаче
Держите в гостинной.

Все, кто случился поблизости, с отвращением посмотрели на шкуру.

– О какой это Каролине идет речь? – заинтересовалась Вирджиния.

– Ни о какой конкретной. Имя выбрано для рифмы. Ловко, правда?

Гай собрался уходить. У дверей его настигли Йэн с маршалом.

– Я на машине. Хотите, подвезу?

Опять шел снег, и было темно, как в могиле.

– Буду вам очень признателен, сэр. Мне на Сент-Джеймс-стрит.

– Не вопрос.

– И меня захватите, – попросил Йэн, хотя гости его и не думали расходиться.

Когда авто поравнялось с «Беллами», Йэн предложил:

– Может, зайдем, выпьем по последней?

– Отличная мысль.

Все трое направились к барной стойке.

– Кстати, Гай, – начал Йэн, – маршал Бич подумывает, не вступить ли в клуб. Парсонс, у вас журнал кандидатов далеко?

Журнал был принесен и раскрыт на чистой странице. Чернильная Йэнова ручка мягко, но настойчиво легла Гаю в ладонь. Гай поставил подпись.

– Не сомневаюсь, сэр, вам у нас понравится, – подытожил Йэн.

– Еще бы, – закивал маршал авиации. – В мирные времена я колебался – какой, думал, смысл в клубе, если я в Лондоне раз в сто лет? Зато теперь мне будет где расслабиться.

* * *

Был День святого Валентина.

Низвергнутая *Juno Februato*²⁰ отомстила непоколебимому священнику, подвергавшемуся пыткам и обезглавленному семнадцать столетий назад; отомстила престестому, ибо ныне он почитается покровителем убийц и незадачливых влюбленных – жалкая, постыдная роль. Гай искренне сочувствовал святому Валентину и по возможности в этот день ходил к мессе. Из

²⁰ Юнона Лихорадочная (*лат.*). Названа так из-за праздника, отмечавшегося в Древнем Риме в начале февраля, когда по улицам ходили обнаженные молодые люди и бичами из волчьей кожи хлестали женщин, полагая, что этим избавляют их от бесплодия.

«Клэриджа» он направился на Фарм-стрит, с Фарм-стрит – в «Беллами», где в тоскливом ожидании и проторчал до вечера.

В газетах только и писали, что об «Альтмарке», теперь называемом «плавучим адом». Страницы пестрели перечнями бесчинств, творимых над пленными, и их же лишений – видимо, правительство решило подогреть негодование общественности, никак не реагирующей на наличие поездов, что не первый год везли на восток и запад из Польши и стран Балтии свой безвинный, безропотный груз. Куда везли – общественность предпочитала не знать. Так же и Гай в тот тусклый день думал вовсе не об узниках, а о предстоящем свидании с бывшей женой. Когда стало совсем темно, он позвонил ей в номер.

– Ну и какие у нас планы на вечер?

– Разве у нас есть планы? Совсем из головы вон. Томми только что отправила, думала, мне светит ужин в постель и общество кроссворда. А тут такая неожиданность – планы. Давай я к тебе приду? А то у меня после Томми как после погрома.

И Вирджиния пришла, и уселась в гостиной (услуги дуэньи тянули на шесть гиней), и Гай заказал коктейли.

– У меня, пожалуй, поуютнее, – констатировала Вирджиния, оглядев диваны, ковры и портьеры.

Гай уселся подле нее на диван. Руку положил на спинку, придвинулся, погладил Вирджинию по плечу.

– Что происходит? – с неподдельным удивлением воскликнула Вирджиния.

– Хотел тебя поцеловать.

– А сказать нельзя было? Видишь, я из-за тебя облилась. Ладно, давай поцелуемся. – И она поставила бокал на столик, взяла Гаеву голову обеими руками (руки пришились на уши) и поцеловала его в обе щеки.

– Доволен?

– Точно французский генерал, когда медаль вручает. – Гай поцеловал Вирджинию в губы. – Вот чего мне хотелось.

– Гай, ты что, пьян?

– Ничуть.

– Ты целый день торчал в мерзком «Беллами». Признавайся – торчал?

– Торчал.

– Ну и как ты можешь быть не пьян?

– Я не пьян. Я просто тебя хочу. Тебе разве не нравится?

– Всем нравится, когда их хотят. Просто это несколько неожиданно.

Зазвонил телефон.

– Проклятие, – сказал Гай.

Телефон стоял на письменном столе. Гай поднялся с дивана, взял трубку. Послышался знакомый голос:

– Привет, старина. Это Эпторп. Я подумал, дай позвоню. Алло! Алло! Я с Краучбеком говорю?

– Что тебе нужно?

– Ничего особенного. Просто прикинул, надо бы обстановку сменить, вот и рванул в Лондон. На денек буквально. Адрес твой в журнале увольнений добыл. Ты нынче вечером не занят?

– Занят.

– В смысле, ты не один?

– Да.

– А мне к вам можно?

– Нельзя.

– Ладно, Краучбек. Извини, что побеспокоил. – И с обидою в голосе Эпторп добавил: – Я сразу секу, что я лишний.

– Это редкий дар.

– Ты о чем, старина?

– О своем. До завтра.

– Что-то в городе скучновато.

– Пойди выпей.

– Пожалуй, так и сделаю. Извини – я вынужден прервать разговор.

– Кто это звонил? – спросила Вирджиния. – Ты был так груб, ужас.

– Один сослуживец. Из полка. Пытался в гости напроситься.

– Небось тоже член мерзкого «Беллами»?

– Нет, вовсе нет.

– Интересный человек?

– Нет.

Вирджиния успела пересест в кресло.

– Так о чем мы говорили?

– О том, что я хочу тебя.

– Верно. Давай сменим тему.

– Я уже сменил. Для меня тема, можно сказать, новая. Не знаю, как для тебя.

– Милый, дай мне после Томми дух перевести. Двое мужей в один день – по-моему, перебор.

Гай сел и воззрился на Вирджинию.

– Скажи, ты вообще когда-нибудь меня любила?

– Конечно. Неужели не помнишь? И нечего меня глазами сверлить. Мы с тобой дивно проводили время, разве нет? Никогда не ссорились. Не то что с мистером Троем.

Они стали вспоминать, как жили в Кении. Вспомнили десяток деревянных построек, что составляли их дом, круглые каменные печи и английские каминные – на полках громоздятся свадебные подарки, тесно от мебели из брумских чуланов. Усадьба огромная по европейским меркам и скромненькая по меркам восточноафриканским; красноватые грунтовые дороги, старенький «фордик» и лошади; черные слуги в белом и их дети, вечно голые, возящиеся в пыли на самом солнцепеке, поближе к кухне; целые семьи, бредущие то в резервацию, то обратно, кланчащие лекарства; старый лев, которого Гай подстрелил на маисовом поле. Вечерние купания в озере, ужины с соседями – запросто, в пижамах. Неделя скачек в Найроби, и далее по тексту – полузабытые скандалы клуба «Мутанга», драки, адюльтеры, поджоги, банкротства, карточные шулеры, сумасшествия, самоубийства, даже дуэли – спектакль под названием «Эпоха Реставрации», с купюрами, исполняется трупной фермеров, сцена расположена в восьми тысячах футов от туманного побережья.

– Золотое времечко, – вздохнула Вирджиния. – Кажется, с тех пор так славно уж не было. Эх, жизнь!

В феврале 1940-го каминный уголь все еще входил в стоимость номера люкс. Вирджиния с Гаем грелись у огня, разговор их принял новый оборот – с нежною ностальгией оба вспоминали теперь первую встречу, период ухаживания, первый визит Вирджинии в Брум, венчание в часовне, медовый месяц в Санта-Дульчине. Вирджиния пересела на пол, потерлась головкой о Гаеву ногу. Гай не замедлил сесть рядом. Глаза Вирджинии лучились прежнею лаской.

– Зря я сказала, что ты пьян.

Все шло, как планировал Гай; словно уловив это невысказанное довольство, Вирджиния добавила:

– Никогда не надо ничего планировать. Жизнь – она непредсказуема.

В подтверждение этих слов затрещал телефон.

– Не бери трубку, – попросила Вирджиния.

После шестого звонка Гай не выдержал:

– Проклятый аппарат. Надо ответить.

Снова раздался Эпторпов голос:

– Я последовал твоему совету, старина, – пошел и выпил. А потом добавил.

– Молодец. Продолжай в тот же духе, *mon cher*. Только, ради всего святого, от меня отстань.

– Я тут познакомился с презанятными ребятами. Подумал, может, вольешься в нашу компанию.

– Нет.

– Ты все еще занят?

– Я очень занят.

– Жаль, жаль. Они бы тебе точно понравились. Они зенитчики.

– Вот и развлекайся. Потом расскажешь.

– Может, тебе попозже позвонить? Может, твои гости к тому времени разойдутся?

– Нет.

– А то объединили бы силы.

– Уволь.

– Смотри, Краучбек, не каждый день такой случай выпадает.

– Доброй ночи.

– Доброй ночи, старина.

– Извини, Вирджиния, – сказал Гай, положив трубку.

– Раз уж ты встал, закажи еще коктейли.

Вирджиния тоже встала и в ожидании официанта приняла пристойную позу в кресле.

– И верхний свет включи, Гай.

Они теперь сидели друг против друга, по обе стороны камина. Романтический настрой как ветром сдуло. Коктейли все не несли. Наконец Вирджиния не выдержала:

– Давай заодно и поужинаем.

– Сейчас?

– Уже половина девятого.

– Здесь?

– Почему нет?

Гай отправил официанта за меню, они сделали заказ. Целых полчаса мельтешили официанты; явился сервировочный столик с ведерком льда, спиртовка, наконец сам ужин. К гостинной впору стало применять метафору многочисленного и бдительного семейства. Лучше бы в ресторан спустились, досадовал Гай. Не верилось, что еще недавно они с Вирджинией сидели на полу.

– Чем после ужина займемся? – спросила Вирджиния.

– Я что-нибудь придумаю.

– И давно ты у нас такой выдумщик? – ошетинилась Вирджиния.

Глаза ее больше не манили и не обнадеживали, как час назад. Наконец официант привел гостиную в первозданный вид – укатил столик, стулья придвинул к стене. Гай словно только что открыл дверь дорогого люкса, и в лицо ему пахнуло казенною роскошью. Впечатления необжитости не развеивал даже горящий камин, ибо туда подкинули углей. Вирджиния закурила и оперлась о каминную полку. Меж тонких пальцев струился дымок. Гай стал было рядом – Вирджиния отпрянула со словами:

– По-моему, девушка имеет право сначала переварить пищу.

Она и раньше быстро пьянела. А нынче пила без оглядки. Гай по опыту знал: развязность в любую минуту может трансформироваться в агрессивность. Так и случилось, даже во времени Гай не ошибся.

– Конечно, отдохни, Вирджиния.

– Я могла бы и догадаться, что тебе только одного надо.

– Фу, Вирджиния, что за лексикон. Так только шлюхи выражаются.

– А я в твоём представлении разве не шлюха?

– И не только в моем.

Ни один, ни другая не ожидали от себя таких слов и застыли с открытыми ртами, совершенно ошеломленные. Наконец Гай произнес:

– Вирджиния, ты же знаешь, я не это имел в виду. Само вырвалось. Наверно, все из-за вина. Пожалуйста, прости меня. Забудь. Не бери в голову.

– Ну-ка сядь, – велела Вирджиния. – Давай говори, что ты на самом деле имел в виду.

– Да, собственно, ничего.

– Тогда я скажу. У тебя выдался свободный вечер, и ты подумал: дай-ка попытаю счастья со своей бывшей – глядишь, что и обломится. Она девушка стоворчивая. Так?

– Нет. Ничего подобного. Ты у меня из головы с самой нашей встречи после Рождества не идешь. Поэтому я приехал. Вирджиния, пожалуйста, верь мне.

– А кстати, что ты знаешь о правилах съема? Насколько я помню по медовому месяцу, тебе элементарных навыков недоставало. Да что там – ты ведь экзамен, можно сказать, завалил.

Та чаша весов, что относилась к Гаю, резко взлетела вверх и там остановилась – Вирджиния своим заявлением превысила все допустимые нормы морали. На несколько минут повисло молчание. Нарушила его на сей раз Вирджиния:

– Я-то думала, в армии ты в лучшую сторону изменился. Пусть ты прежде был не венец творенья – но хоть не хамил. А теперь ты хуже Огастаса.

– Ты забыла – я не знаю, каков Огастас.

– Сущее животное, можешь мне поверить.

На глаза Вирджинии навернулись скорые слезы, светлыми дорожками скатились по щекам – Гай подумал, что не все потеряно.

– Но я ведь лучше этого твоего Огастаса?

– Ненамного. Правда, Огастас толстый. А ты стройный. В этом плане да, пожалуй, лучше.

– Вирджиния, бога ради, давай не будем ссориться. Не знаю, когда еще доведется тебя увидеть. Ты хоть понимаешь – может, это наш последний вечер?

– Ну вот, что я говорила. Старая песня. Солдат на побывке. Куй железо, пока горячо. Продолжать?

– Какое железо, Вирджиния? Я же не об этом.

– Очень может быть.

Гай обнял ее.

– Не сердись. У нас так мало времени.

Вирджиния взглянула на него взглядом еще не нежным, но уже безгневным. К ней вернулось шаловливое настроение.

– Убери руки и сядь. – Она чмокнула Гаю в щеку. – Я еще не все сказала. Возможно, у меня вид доступной женщины. По крайней мере, многие считают меня таковой. Думаю, сетовать тут не на что. Но ты, Гай! С тобой-то что случилось? Ты же всегда отличался моральной устойчивостью. А теперь хочешь банальную интрижку завести?

– Не банальную. То есть не интрижку.

– Ты ведь набожный у нас, заповеди соблюдаешь. Меня этот момент всегда в тебе подкупал. А теперь куда что девалось?

– Никуда не девалось. Я по-прежнему набожный и заповеди соблюдаю. Даже строже, чем раньше. Я ведь тебе говорил – тогда, после Рождества.

– Ну а что твои святые отцы о твоём поведении сказали бы? Хорош гусь – клеит в гостинице разведенную женщину с дурной репутацией.

– Святые отцы не стали бы возражать. Ты моя жена.

– Чушь.

– Ты спросила про святых отцов – я ответил. Они бы сказали: «Действуй».

Свет, едва начавший прибывать, погас внезапно, будто по сигналу «Воздушная тревога».

– Какая гадость, – прошептала Вирджиния.

– Что – гадость? – опешил Гай.

– Ты еще спрашиваешь? Да ты даже Огастаса переплюнул, с мистером Троем в придачу. Гадость сказал и сам не понял. Свинья, вот ты кто.

– Вирджиния, я правда не понял, – с обезоруживающей искренностью признался Гай.

– Да лучше бы меня и впрямь за шлюху приняли! Да лучше «шпильки» напялить и в конской сбруе по комнате бегать, или о чем там еще в бульварных романах пишут! – Вирджиния, не сдерживаясь, плакала от гнева и обиды. – Я-то думала, ты старое забыл, зла не держишь. Я думала, почему бы не провести время со старым... другом, а ты!.. Думала, я для тебя – особенная, и, Бог свидетель, так оно и есть. Потому что я – единственная женщина в мире, с которой тебе дозволяется лечь в постель. Святошами твоими дозволяется, заметь! Вот и вся твоя хваленая любовь. Ты похотливое, чопорное, грязное, напыщенное животное! Да ты вообще не мужчина! Тебе лечиться надо!

Гая на ум почему-то пришел скандал с Триммером.

Вирджиния направилась к двери. В ушах у Гая звенело – он не сразу сообразил, что звон вызван причиной вполне материальной. Вирджиния взялась за дверную ручку, но вдруг порывисто повернулась. И в третий раз им помешал телефон.

– Слушай, Краучбек, старина, я тут в переплет попал. Я только что взял человека под строгий арест.

– Это ты погорячился.

– Он – штатский.

– Значит, ты не имеешь права его арестовывать.

– Вот-вот, и он то же самое твердит. Надеюсь, ты мою сторону примешь?

– Вирджиния, постой.

– Что-что? Повтори, не понял. Это Эпторп звонит, твой приятель Эпторп. Ты сказал: «Пустой»? Кто пустой? Вопрос?

Вирджиния ушла. Эпторп остался.

– Краучбек, это ты говорил или на линии помехи? Послушай, дело серьезное. У меня нет при себе боевого устава. Потому я тебе и звоню. Как думаешь, мне поискать старшего по званию и пару крепких ребят ему в помощь, чтобы арестованного препроводили? В городе затемнение, поди найди хоть одну живую душу. А может, просто передать его в руки полиции и пускай сами разбираются? Краучбек? Краучбек, ты слушаешь? Ты, кажется, не понял: я к тебе обращаюсь как офицер к офицеру. Я тебе звоню как офицер его королевского величества...

Гай повесил трубку, прошел в спальню, позвонил портье и попросил до утра его ни с кем не соединять, если только звонок будет не из номера 650 гостиницы «Клэридж».

Он лег в постель и полночи промаялся с прыгающим сердцем. Телефон, правда, больше не беспокоил.

На следующий день, в поезде, Гай сказал Эпторпу:

– Ну как, выпутался вчера?

– О чем это ты?

– О телефонном звонке. Ты говорил, что попал в переплет. Не помнишь?

– Разве? Ах да, дело касалось отдельных положений военного права. Я отчасти рассчитывал на твою помощь.

– Так я не пойму – ты выпутался или нет?

– Все уже в прошлом, старина. Все в прошлом...

Через некоторое время Эпторп произнес:

– Краучбек, не сочти за навязчивость – где твои усы?

– Их больше нет.

– Сам вижу. А почему их нет?

– Потому что я их сбрил.

– Да ну? Вот это жаль. Они были тебе к лицу, старина. Очень, очень к лицу.

Книга вторая Эпторп неистовый

1

Согласно приказу курсантам надлежало вернуться в Кут-эль-Имару 15 февраля к 18:00.

Гай ехал и смотрел в окно. Местность не радовала. Морозы отпустили, дороги раскисли, перспектива была желтоватая от мороси. Саутсенд встретил Гая глобальным затемнением. Ничего похожего на возвращение домой. Гай скорее чувствовал себя бродячим котом, что прокрался с крыши на помойку и устроился за мусорным ящиком зализывать раны.

Как несчастный кот не считает помойку домом, а лишь надеется «пересидеть», так и Гай думал пересидеть, оклематься в Саутсенде. «Гранд» и яхт-клуб предоставят ему крышу над головой; Джузеппе Пелеччи станет кормить и льстить; мистер Гудолл разговорами о славной старине поднимет самооценку, туман с моря укроет, тающий снег уничтожит следы. А Эпторп – Эпторп оплетет паутиною и в виде кокона утащит в дальний сад, возвращенный полубольным воображением.

Грустный Гай совсем упустил из виду Ричи-Хука и его Семидневный План.

Лишь много позже, понабравшись опыта в военном деле и понасмотревшись на чиновников в военной форме и с иконостасами, которые одни решали, пора уже или не пора протыкать штыком ближнего; убедившись в их способности сколь угодно долго тормозить всякое начинание, Гай в полной мере оценил масштабность и скорость бригадировых достижений. Пока же он наивно полагал, что некто чуть выше бригадира чином просто высказал свои пожелания, дал приказ – и все само собою сделалось. Но даже в этом своем неведении Гай не мог не восхищаться степенью преобразований, за семь дней свершившихся в Кут-эль-Имаре, – преобразований как материального, так и нематериального характера.

В неизвестном направлении исчезли майор Маккинни, прежнее руководство и снабженцы из штатских. А также Триммер. На доске объявлений красовался клочок бумаги, озаглавленный «Личный состав, сокращения», извещавший, что Триммер лишен временного офицерского звания. С Триммером за компанию выбыли Хэмп и еще один беспутный тип, молодой офицер из центра подготовки – его фамилию Гай видел впервые по причине злостной неявки последнего в Саутсенд. Зато к ним направили нескольких кадровых офицеров, в том числе майора Тиккериджа; впрочем, и остальных Гай помнил по городку алебардщиков. Все они к шести вечера собрались в столовой, подле бригадира, и были бригадиром честь по чести представлены.

Целую секунду бригадир единственным своим глазом гипнотизировал аудиторию, наконец изрек:

– Джентльмены, присутствующие здесь офицеры будут командовать вами в бою.

При этих словах Гай забыл о недавнем унижении и воспрянул духом. На некоторое время образ человека одинокого и никчемного, ущербного рогоносца не первой молодости, зажатого раба привычек, что еще нынче утром умывался, брился и одевался в «Клэридже», обедал в «Беллами», а после трясся в поезде, – образ, ненавидимый Гаем – отступил. Гай был теперь одно со своим полком, и все подвиги, уже свершенные алебардщиками, были и на его личном счету, и все подвиги будущие автоматически записывались и на его счет. От этих чувств Гая потряхивало, как от разрядов гальванического тока.

Далее Ричи-Хук распространялся по организационным вопросам. Бригада на первой стадии формирования. Офицеры, имеющие временный чин, разделены по двенадцать человек на три батальонные группы, каждая из которых подчиняется кадровому майору и капитану;

майор и капитан в перспективе станут командиром и начальником штаба соответствующего батальона. Все офицеры на казарменном положении. Ночевать в городе разрешается только семейным, и только в субботу и воскресенье. Каждый обязан ужинать в офицерской столовой не реже четырех раз в неделю.

– Пока все, джентльмены. Встретимся за ужином.

В холле выяснилось, что столешница за неделю обросла новыми распечатками. Гай продрался сквозь строй аббревиатур и узнал, что зачислен во второй батальон под начало майора Тиккериджа и капитана Сандерса – того самого, с которым Эпторп провел столь памятную игру в гольф. Сам Эпторп тоже попал во второй батальон, а также Сарум-Смит, де Суза, Леонард и еще семеро алебардщиков. Спальные места тоже были перераспределены. Теперь жить надлежало по батальонам, по шесть человек в комнате. Гай остался в «Пашендале»; туда же перевели Эпторпа.

Скоро стало известно и о других изменениях. Запертые комнаты открыли. Явилась табличка «Штаб бригады» – под нею подразумевались начальник оперативно-разведывательного отделения и двое писарей. Кабинет директора вместил три батальонные канцелярии. Появились также интендант с писарем, трое батальонных старшин, повара-алебардщики, новые денщики, моложе прежних, три грузовика, броневомобиль «хамбер», три мотоцикла, водители и горнист. Теперь с восьми утра до шести вечера офицеры занимались строевой подготовкой и слушали лекции. По понедельникам и пятницам после ужина имели место «дискуссии». «Ночные операции» также проводились два раза в неделю.

– Не представляю, как Дэйзи воспримет нововведения, – поделился Леонард.

Дэйзи, как позднее стало известно, восприняла нововведения как нельзя хуже – уехала к своим родителям, несмотря на беременность.

Зато Гай нововведения только приветствовал. В Лондоне он поиздержался и теперь не без трепета попросил в «Гранде» счет. Впрочем, в похожем положении были почти все молодые офицеры. Эпторп же, который еще в поезде пожаловался на очередной приступ бечуанской лихорадки, и вовсе места себе не находил.

– Дело касается моего багажа, – пояснил Эпторп.

– Оставил бы в съемной комнате.

– У командора? Нет, старина, это неудобно – а вдруг придется сняться с места? Пожалуй, потолкую с нашим интендантом.

Позднее Эпторп отчитался:

– От интенданта никакой помощи. Заладил как попугай: «занят» да «занят». Наверно, подумал, что речь об одежде. Избавьтесь, говорит, от этого хлама – все равно, когда в палатки переберетесь, не до тряпья будет. Впечатляет? Какой-то коммивояжер, а не интендант, честное слово. Ни малейшего представления о полевых условиях. Говорю ему: «Вы небось ни в одной путной кампании не участвовали?» А он: «А вот и нет, я служил в Гонконге». Ха! Гонконг – это же сущий курорт, это не Империю защищать. Ну, я все ему высказал – пусть знает!

– Эпторп, а почему ты, собственно, так трясешься над своими вещами?

– Мой милый Краучбек, да по той простой причине, что собирал их не один год.

– И что же такое ценное ты собирал?

– О, вопрос отнюдь не прост, старина, – в двух словах и не расскажешь.

В первый вечер все ужинали в столовой. Теперь там стояли три стола, по столу для каждого батальона. Бригадир, который садился с кем вздумается, постучал по столешнице черенком вилки и прочел предельно лаконичную молитву:

– Спасибо Тебе, Господи.

Нынче бригадир был в отличнейшем расположении духа – такой вывод сделали, во-первых, потому, что он предложил начальнику разведштаба складную ложку (начальник от неожиданности облился супом), а во-вторых, потому, что после ужина бригадир объявил:

– Сейчас со столов уберут, и сразу начнем козла забивать. Специально для молодых офицеров поясню: штатские эту игру называют бинго. Как всем вам, без сомнения, должно быть известно, бинго – единственная игра на деньги, разрешенная в войсках его величества. Десять процентов каждого банка поступает в Фонд помощи ветеранам и вдовам и в Ассоциацию боевых товарищей. Стоимость любой фишки – три пенса.

– Забивать козла?

– Бинго?

Младшие офицеры переглядывались. Ясно было: они подозревают худшее. Один только Пузан Блейк, ветеран центра формирования и подготовки, заявил, что играл в бинго, когда плыл в Канаду.

– Игра простая. Нужно зачеркивать номера по мере того, как их объявляют.

– Какие номера?

– Которые объявляют.

Заинтригованный Гай вернулся в столовую. Начальник разведштаба, оснащенный жестяною коробкой и грудой карточек с цифрами и квадратами, забился в уголок. К нему подходили по очереди, покупали карточки. Бригадир, с дикою улыбкой и наволочкой, стоял подле. Наконец все расселись по местам.

– Одна из стратегических целей этой игры – выяснить, многие ли из вас имеют при себе карандаш, – изрек бригадир.

Карандаши имела при себе примерно половина личного состава. Ко всеобщему удивлению, у Сарум-Смита обнаружилось сразу три или четыре карандаша (в том числе один механический), все с разноцветными колпачками.

– А чернильная ручка подойдет? – спросил кто-то.

– Каждый офицер должен постоянно носить с собой карандаш, – последовал ответ.

Призрак подготовительной школы расправил крылья; впрочем, был он симпатичнее того, что парил при майоре Маккинни.

Наконец, после обшаривания карманов и просьб об одолжении, внезапная, как раскат грома, раздалась команда:

– Всем смотреть на дом.

Гай непонимающе уставился на бригадира – тот запустил пятерню в наволочку и выудил квадратную пластинку.

– Туки-тук, – в довершение Гаева замешательства выдал бригадир. И добавил: – Шестьдесят шесть. – Далее пошел все ускоряющийся речитатив: – Номер десять – всех повесить, двадцать два – жив едва, пятьдесят пять – всем молчать, в шестнадцать не умеет целоваться, двадцать семь – мертв совсем, сорок пять – на мушку взять...

Наконец бригадир выдохся. Кадровые вместе с Пузаном Блейком закричали:

– Трясите!

Постепенно Гай усваивал непростую терминологию сего шумного развлечения. Он ставил крестики на своей карточке, пока не раздалась команда «Дом» от капитана Сандерса. Затем Сандерс прочел номера вслух.

– Все правильно, – подтвердил начальник разведштаба, и Сандерс собрал около девяти шиллингов, а игроки выстроились за новыми карточками.

Они играли часа два. Бригадирovy клыки поблескивали – казалось, тигр вышел на промысел. Понимание сути происходящего согревало офицерские сердца детской радостью. Бригадир веселился от души:

– Ну, кто поставит?

– Я, сэр.

– Я, сэр.

– Я, сэр.

– На какой номер ставите?

– Восемь.

– Пятнадцать.

– Семьдесят один.

– Так, что у нас тут? – Пауза. Бригадир устроил целый спектакль – прикинулся, что плохо видит, оснастил моноклем. – Кажется, я слышал номер семьдесят один? А мы имеем номер семьдесят... Семьдесят... Семь! Еще немного, и мы...

– Трясите!

В половине одиннадцатого бригадир распорядился:

– Ну, джентльмены, вам пора баиньки. А мне надо еще поработать. У нас до сих пор нет программы боевой подготовки.

И он увел свою свиту под табличку «Штаб бригады». Гай не спал и слышал, как расхотелось отдышать начальство, – было два часа ночи.

* * *

При разработке программы боевой подготовки учебники были Ричи-Хуку не указ. Его тактика, от альфы до омеги, состояла в искусстве язвить врага. Курс обороны Ричи-Хук предельно сократил, ибо полагал ее необходимым злом на период перегруппировки между яростными атаками. Отступление как таковое вообще игнорировал. Изучали только Наступление и Элемент Неожиданности. Погода установилась сырая, туманная. Офицеры, оснащенные картами и биноклями, практиковались на местности. То, закрепившись на берегу, они теснили воображаемого противника к холмам, то, наоборот, с холмов сгоняли в море. Они окружали деревушки в долинах и беспощадно язвили захватчиков. А иногда просто вступали в жестокую схватку за шоссе, и оккупанты жалели, что на свет родились.

Гай обнаруживал явные способности к такого рода приемам ведения войны. Он легко читал карту и ориентировался на местности. Пока недотепы-горожане вроде Сарум-Смита хлопали глазами, Гай находил «мертвое пространство» и «прикрываемые подступы». Иногда работали поодиночке, иногда группами; Гаевы предложения, как правило, совпадали с «рекомендациями штаба». Во время ночных учений их выбрасывали в незнакомом месте и снабжали только компасом – Гай обычно одним из первых подходил к пункту общего сбора. Вот когда он радовался, что детство провел в сельской местности. Так же успешно проявлял он себя и на «дискуссиях». Дискутировали о более изощренных способах уничтожения противника. Тема давалась заранее, чтобы офицеры успели подготовиться. К вечеру почти все офицеры клевали носом, и Эпторпов завидный запас аббревиатур и терминов только еще больше нагонял сон. Зато Гай говорил простым и лаконичным языком – и его слушали и одобряли.

Оттепель уступила место погоде ясной и прохладной. Стрельбы в Мадшоре возобновились, только теперь командовал бригадир. «Школ ближнего боя» тогда еще не было. Гай хорошо знал, что стрельбе боевыми патронами придается большое значение – и что применяется она с тою же осторожностью, что салют на похоронах, – повсеместно, где нет бригадира Ричи-Хука. Свист пуль звучал для него сладчайшею музыкой, возносил на вершины блаженства.

Ричи-Хук устремился к мишенному валу, чтобы организовать стрельбу навскидку – отметчикам следовало вскидывать мишени в самых неожиданных местах, офицерам – палить из «Бренов». Вскоре бригадиру это наскучило. Он нацепил на трость свою фуражку и пустился бегать по окопу, поднимая трость, опуская трость и размахивая тростью. По телефону он сообщал, что попавшему в фуражку даст соверен. Никто не попал. В ярости бригадир высунулся из окопа и прокричал:

– Эй вы, мазила косоглазые, а слабо в меня попасть?

И снова забегал по окопу, теперь уже подставляя под пули собственную голову, хохотал, подпрыгивал, приседал на корточки, пока не выдохся. Стоит ли говорить, что и теперь бригадир был совершенно невредим.

В те годы боеприпасы экономили. На стрельбах на одного человека приходилось пять патронов, не больше. У бригадира Ричи-Хука все «Брены» палили одновременно и безостановочно, стволы дымились, заменялись, с шипеньем остывали в заранее принесенной воде, сам же бригадир Ричи-Хук на четвереньках вел своих курсантов под яростным пулеметным огнем, и расстояние между их спинами и смертоносной полосой составляло считанные дюймы.

2

Газеты пестрели сообщениями о победах Финляндии. Гай по диагонали читал одно и то же: как лыжные отряды-невидимки гонят механизированные советские дивизии по бессолнечным северным лесам – дивизии, стало быть, оснащенные портретами Сталина, раскатавшие губу на расprostертые финские объятия. Русские военнопленные, утверждала пресса, все как один обморозились, оголодали, и вдобавок очень слабо представляют, против кого воюют и чего ради. Ввод английских войск отсрочен только издержками дипломатии; англичане уже спешат на помощь. А пожалуй, никаких русских и в природе нет. В сердцах британцев Маннергейм занял то же место, что бельгийский король Альберт во время Первой мировой. И вдруг оказалось, что финны разбиты.

В Кут-эль-Имаре новость эта, похоже, особого впечатления не произвела. В Гае же усилила тошнотворную догадку (которую он пытался отметить – и в отметании которой весьма преуспел, едва вступил в Полк алебардчиков) – догадку, что на этой войне мужество и справедливость веса не имеют.

– Что и требовалось доказать, – заметил Эпторп, прочитав о капитуляции Финляндии.

– Так ты знал? Эпторп, ты с самого начала знал, что они проиграют? Что ж ты молчал?

– Капитуляция Финляндии была очевидна, дружище, для всякого, кто хоть изредка дает себе труд взвесить за и против. Польша номер два, без вариантов. А трезвонить об этом действительно не стоило. Только панику да уныние среди слабой духом братии сеять. Лично я вижу в данной ситуации даже некоторые преимущества.

– Это какие же?

– Например, стратегия теперь упрощается, если, конечно, сечешь, о чем я толкую.

– Скажи, Эпторп, следует ли считать данное заявление твоим личным вкладом в кампанию против паники и уныния?

– Считаю чем хочешь, старина. У меня своих забот полон рот.

Гай понял: личная Эпторпова драма, что на протяжении всего Великого поста разворачивалась на фоне новых порядков, введенных бригадиром, теперь получила новый виток. Самая острота драмы обуславливалась новыми порядками и их же куда как ярко иллюстрировала.

А началась она в первое при новых порядках воскресенье.

После обеда учебный корпус Кут-эль-Имары опустел – курсанты либо спали в своих комнатах, либо развлекались в городе. Гай, по обыкновению, читал в холле еженедельные газеты. На шорох шин поднял взгляд и в зеркальное окно увидел, как Эпторп вместе с таксистом тащит что-то большое и квадратное. Гай поспешил на крыльцо – помогать.

– Спасибо, я сам, – весьма нелюбезно отказался Эпторп. – Просто передислоцирую кое-какие вещи.

– И где ты наметил дислоцировать эту конкретную вещь?

– Я пока не наметил. Но справлюсь без посторонней помощи.

Гай вернулся в холл и стал смотреть в окно. Смеркалось; читать без электричества было уже нельзя, а денщик, ответственный за затемнение, все не шел. Вдруг из парадной двери

появился Эпторп, крадучись пробрался по двору и стал рыскать в кустарнике. Гай смотрел как замороженный. Минут через десять Эпторп двинулся назад. Парадная дверь вела прямо в холл. Сначала показался Эпторпов тыл, за ним – все остальное, включая загадочный и явно очень тяжелый ящик.

– Эпторп, может, все-таки помочь?

– Нет, спасибо.

Под лестницей имелся довольно большой чулан. Туда-то Эпторп не без труда запихнул свою ношу. Снял перчатки, шинель и фуражку и с деланно беззаботным видом приблизился к огню.

– Командор тебе привет передает. Сказал, без нас с тобой в клубе скучно.

– А ты разве не из клуба?

– Не совсем. Я просто заглянул к старику за одной вещицей.

– Уж не за этой ли?

– В общем, да.

– Там, в ящике, должно быть, что-то очень личное. Верно, Эпторп?

– Да уж, вещь не из тех, что можно всякому показать. Далеко не из тех.

В этот момент вошел денщик, ответственный за затемнение.

– Эй, Смизерс! – окликнул Эпторп.

– Слушаю, сэр.

– Тебя ведь Смизерс зовут?

– Нет, сэр. Крок, сэр.

– Не суть. Я хотел, гм, узнать насчет, гм, подсобных помещений.

– Сэр?

– Видишь ли, мне нужен сарай, или кладовка, или временка для садовника. Сгодится прачечная или маслобойня – что-нибудь в этом роде. Есть такие помещения?

– Вам только на сейчас, сэр?

– Нет: на все время, что мы здесь пробудем.

– Право, не знаю, сэр. Я не уполномочен. Вам лучше обратиться к интенданту, сэр.

– Ладно, разберусь. Я только спросил.

Денщик ушел, и Эпторп дал себе волю:

– Редкий болван. Всегда думал, что его фамилия Смизерс.

Гай снова уткнулся в газету. Эпторп сидел подле, изучал свои ботинки. Внезапно он встал, прошелся до чулана, приоткрыл дверь, заглянул и возвратился в кресло.

– Пожалуй, для хранения чулан сойдет, а вот для пользования... Для пользования вряд ли. Твое мнение, Краучбек?

– По поводу чего?

– По поводу удобства пользования.

Последовала пауза, в течение которой Гай прочел статью о том, как не сдаются врагу болота Миккели (стояли золотые деньки оптимистических новостей из Финляндии). Наконец Эпторп продолжил мысль:

– Хотел спрятать в кустах, да оказалось, они не создают никакой защиты от погодных явлений.

Гай не ответил – только перевернул страницу «Тэблет». Было ясно: еще минута – и Эпторп расколется.

– К интенданту идти никакого смысла. Где ему понять. Дело тонкое – не всякому объяснишь.

Эпторп выдержал еще одну паузу и проговорил:

– Если тебе до сих пор интересно, речь о моем бушбоксе.

Гай на такое и не рассчитывал. Он думал, в ящике провиант, или медикаменты, или огнестрельное оружие; максимум – ботинки из кожи муравьеда.

– А мне можно посмотреть? – замирая от благоговения, попросил Гай.

– Почему бы и нет? – расщедрился Эпторп. – Ты-то, пожалуй, относишься к числу людей понимающих. Вещь, доложу я тебе, раритетная – таких больше не выпускают. Видимо, потому, что производство слишком дорогое – нерентабельно выходит.

Эпторп проследовал к чулану и выволок свое сокровище – дубовый ящик с медными накладками.

– Сам теперь видишь: работа тончайшая.

Эпторп снял крышку, и Гаю открылось устройство, комбинирующее медное литье и расписной фаянс – тяжелое наследие Эдвардианства. На внутренней стороне крышки была гравированная табличка следующего содержания: «Клозет с химической стерилизацией фирмы Коннолли».

– Ну, Краучбек, что скажешь?

Гай не знал, в каких выражениях принято восторгаться подобными артефактами.

– Сразу видно, что за вещью был надлежащий уход, – вывернулся Гай.

Кажется, он угадал с терминологией.

– Он достался мне от верховного судьи. Дело было в Каронге. В тот год как раз правительственные здания оборудовали канализацией. Я за него пять фунтов выложил. Нынче такой и за двадцать не купишь. А все почему? Мастера перевелись, секрет утерян.

– Ты, должно быть, гордишься, что у тебя такой раритет?

– Горжусь, – потупился Эпторп.

– Я только не понимаю, зачем он тебе в Кут-эль-Имаре.

– Нет, ты серьезно? – Нездешний свет счастливого обладания померк, на Эпторповом лице застыла смесь благоговения с недоумением. – Разве не знаешь, как оно бывает: трах-бах, и пожалуйста, триппер тут как тут. А ты говоришь – зачем!

Гай выпучил глаза.

– Бедняга Эпторп. Мои соболезнования. Мне и в голову не приходило. Вот, значит, как ты со своими зенитчиками в Лондоне развлекался. Перебрали, загуляли – вот тебе и трах-бах. Слушай, а ты у врача был? Может, тебя госпитализировать надо?

– Нет, Краучбек, нет, нет и еще раз нет. Триппер не у меня.

– А у кого?

– У Сарум-Смита.

– Откуда ты знаешь?

– Я не знаю. Я назвал Сарум-Смита для примера, потому что он идиот, с него станется и не такое подцепить. Вообще, с любого из наших молодых друзей станется. А мне лишний риск ни к чему.

Эпторп бережно опустил крышку и задвинул бушбокс обратно в чулан. По всему было видно: он взбешен.

– А еще, старина, по-моему, ты сейчас говорил неподобающим образом. Заподозрить в триппере меня – меня! Это очень серьезное обвинение, старина, так и запомни.

– Прости, Эпторп. По-моему, учитывая обстоятельства, это было вполне естественное предположение.

– Не знаю, в отношении кого оно естественное, только не в отношении меня. И вообще, что ты разумеешь под «обстоятельствами»? Я никогда не перебираю; странно, что это «обстоятельство» ускользнуло от твоего внимания. Навеселе – да, могу быть при случае, но не перебираю! Я очень осторожен с алкоголем; я, можно сказать, с алкоголем начеку. Потому, Краучбек, что я немало бед от него натерпелся.

На следующий день Эпторп поднялся с первыми лучами солнца, пошел обследовать пристройки и еще до завтрака обнаружил пустующий сарай, вероятно, в бытность Кут-эль-Имары школой служивший для хранения бит, наколенников и налокотников. Там-то, с помощью алебардщика по фамилии Крок, Эпторп и установил свой клозет с химической стерилизацией и там же уединялся по мере надобности. Счастье оказалось недолгим. Тучи набежали через два дня после капитуляции Финляндии.

Гай устал – противника нынче повергали, разили и крушили как в горах, так и на долах; с обедом припозднились. Гай сел у камина, рассчитывая отдохнуть полчаса. Не тут-то было. К нему, с помраченным душой челом, приблизился Эпторп.

- Краучбек, на два слова.
- Выкладывай.
- Может, выйдем, если не возражаешь?
- Возражаю. Да что стряслось?

Эпторп оглядел столовую. Каждый из присутствовавших, казалось, был занят своим делом.

- Ты пользовался бушбоксом.
- Я к нему и близко не подходил.
- Но кто-то ведь подошел.
- Это не я.
- Кроме тебя, о нем никто не знает.
- А как же алебардщик Крок?
- Он бы себе такого не позволил.
- Я тоже. Я тоже такого себе не позволил бы, дружище.
- Тебе больше нечего сказать?
- Абсолютно нечего.
- Ладно. Только учти: отныне я буду вести наблюдения.
- Учту.
- Дело крайне серьезное, Краучбек. Пользоваться бушбоксом – почти все равно что воровать. Потому что химикаты очень дорогие.
- Сколько стоит одна порция?
- Дело не в деньгах. Дело в принципе.
- А также в риске подцепить триппер.
- Именно.

* * *

В течение двух дней Эпторп всякую свободную минуту проводил в засаде. На третий день он опять отвел Гая «на два слова».

- Краучбек, прими мои искренние извинения. Это не ты пользовался бушбоксом.
- Значит, справедливость торжествует.
- Да, торжествует, но ты должен признать, что в сложившихся обстоятельствах тень падала на тебя. Как бы то ни было, я выследил посягателя. Положение весьма щекотливое.
- Это не Сарум-Смит?
- Нет. Все гораздо хуже. Это – бригадир.
- Думаешь, у него триппер?
- Нет. То есть вряд ли. Он человек опытный, такие триппер не подцепляют. Однако вопрос остается открытым – что мне предпринять?
- Ничего.

– Краучбек, это дело принципа. Да, бригадир старше меня по званию, но звание дает ему столько же прав пользоваться моим бушбоксом, сколько заимствовать мои ботинки.

– А знаешь, Эпторп, я бы запросто одолжил бригадиру свои ботинки.

– Очень может быть; только, позволь напомнить, ты, старина, в плане обуви не слишком щепетилен. Значит, по-твоему, нужно все на тормозах спустить?

– По-моему, в противном случае ты свалиешь редкостного дурака.

– Спасибо за совет. Буду думать. Может, обратиться к начальнику штаба?

– Ни в коем случае.

– Пожалуй, ты прав.

* * *

– Неожиданные осложнения, – отчитался Эпторп на следующий день.

По скорости, с какою Гай сообразил, что имеет в виду Эпторп, можно судить о месте, какое занимал теперь в его мыслях бушбоек.

– Что, новые нарушители права собственности обнаружены?

– Нет, другое. Выхожу нынче утром из сарайчика – а навстречу бригадир собственной персоной. И странно этак взглянул – ты, верно, заметил, бывает у него этаким взгляд, что прямо съезживаешься весь. И я, вообрази, будто приказ в его глазах прочитал: дескать, вы, Эпторп, тут ничего не забыли. Это я-то!

– Бригадир – человек дела, – прокомментировал Гай. – Скоро что-нибудь предпримет и непременно найдет способ тебе сообщить.

До вечера Эпторп был сам не свой. На тактических занятиях отвечал невпопад, решения принимал нелепые. День выдался холодный. Эпторп каждую свободную минуту проводил в засаде. Чай он пропустил и вернулся за десять минут до лекции, с красным носом и сизыми щеками.

– Сляжешь, если будешь продолжать в том же духе, – заметил Гай.

– Не буду. Худшее уже свершилось.

– Рассказывай.

– Лучше покажу. Идем. Я бы не поверил, если бы собственными глазами не увидел.

Они вышли в звенящие от холода сумерки.

– Это случилось пять минут назад. Я был на посту с самого чая и замерз как собака, вот и решил походить, кровь разогнать. А тут – бригадир. Едва меня плечом не задел. Я отдал честь. Он – ноль внимания. И сделал ЭТО буквально у меня под носом. Прошел назад. Я снова отдал честь, а он – он ухмыльнулся. То была дьявольская ухмылка, Краучбек, честное слово, дьявольская.

Они приблизились к сарайчику. Только теперь Гай заметил над входом нечто большое и белое. Эпторп поднял фонарик повыше, и Гай прочел: «Всем чинам ниже бригадирского вход воспрещен».

– Должно быть, писцов своих напряг, а они и рады стараться, – процедил Эпторп.

– Да, старина, положение твое оставляет желать лучшего, – согласился Гай.

– Я подам в отставку.

– Кто же тебя отпустит – война идет.

– Значит, попрошу о переводе в другой полк.

– Эпторп, дружище, ты даже не представляешь, как я буду по тебе скучать. Ладно, пока ты не перевелся, пойдем-ка на лекцию. Две минуты осталось.

Лекцию читал сам бригадир. Выяснилось, что на Западном фронте мины-ловушки играют все более важную роль в работе патрулей. Бригадир говорил о взрывных устройствах на растяжке, о детонаторах и противопехотных минах. В подробностях поведал, как однажды

придумал привязать к козе взрывчатку и выпустить животное поблизости от стоянки бедуинов. Не часто бригадира видели таким оживленным.

Был один из тех вечеров, когда курсантам не грозили ни дискуссии, ни ночные учения. Все желающие могли ужинать в городе.

– Пойдем в «Гарибальди», – предложил Эпторп. – Не могу сидеть за одним столом с этим неандертальцем. Ужин за мой счет.

От густого овощного супа Эпторпово лицо приобрело более естественный оттенок, а несколько бокалов бароло заставили отчаяние уступить место открытому вызову. Пелеччи буквально терся возле Эпторпа. Смысл разговора был ему темен. Вероятно, этот способный офицер изобрел некое мощное оружие, секретно называемое «бушбокс», а другой офицер, выше по званию, изобретение вероломно присвоил.

– Не обратиться ли в армейский совет? – вслух размышлял Эпторп. – Пожалуй, не стоит. Что скажешь, Краучбек?

– Точно не стоит.

– Глупо рассчитывать, что они там, в совете, отнесутся к делу без предвзятости. Нет, я не утверждаю, что предвзятость обязательно будет присутствовать, но ведь, если на то пошло, они стоят на страже субординации. Если только они найдут лазейку...

– Думаешь, в твоём деле есть лазейки?

– Есть, дружище. Если бы речь шла об офицерском суде чести, тогда другой разговор. А так яснее ясного: бригадир вправе запирать любые помещения и постройки, находящиеся во временной собственности бригады. Вдобавок я разместил бушбокс без соответствующего разрешения. Отсюда-то армейский совет и спляшет.

– С другой стороны, – развивал мысль Гай, – поскольку бушбокс не заявлен в описи временной собственности бригады, то он и не может быть заперт волею бригадира.

– В точку, Краучбек! В самое что ни на есть яблочко! – Вытаращенные Эпторповы глаза выражали неподдельное восхищение. – Так бывает: крутишь мысль по-всякому, решение буквально готово с языка сорваться, а поди ж ты. Да тебе наверняка это чувство знакомо. Вот и я весь мозг себе своротил, а когда мигрень началась, понял: тут нужно мнение человека со стороны, человека, которого проблема лично не касается. Конечно, я бы тоже рано или поздно пришел к тому же выводу, что и ты, только мне бы это могло стоить бессонной ночи. Я твой должник, старина.

Явились новые блюда и новые бутылки. У Джузеппе Пелеччи ум за разум заходил. Оказывается, «бушбокс» – никакое не оружие, а кличка резидента, не приписанного ни к какому военному подразделению и находящегося в этом районе. Ничего: Пелеччи передаст информацию слово в слово – пускай более искушенные умы сами разбираются. Ему, Пелеччи, наград не нужно – он прекрасно живет с доходов от ресторана. Он сам создал отличную репутацию своему заведению. От политики одни неприятности, а война – война вообще дело страшное. Пелеччи, собственно, и иммигрировал главным образом, чтобы не служить в армии.

– Сабайон на десерт, джентльмены?

– Пожалуй, – одобрил Эпторп. – Да, давайте. Все давайте, нынче мы всего отведаем. – Следующая реплика относилась к Гаю. – Помни, дружище, ужин за мой счет.

Гай помнил об этом с самого начала. Теперь он растрогался: бедняга Эпторп, как неуклюже он выражает благодарность. Вскоре выяснилось, что Эпторп выдал своеобразный аванс за последующие Гаевы услуги.

– Итак, старина, по-моему, мы досконально разобрались с юридической стороной, – продолжал Эпторп. – Однако открытым остается вопрос «что делать?». Иными словами, каким образом извлечь бушбокс из сарая?

– Вероятно, таким же, каким его туда поставили.

– Э, нет, старина, все не так просто. Тут, знаешь ли, шестеренка за шестеренку цепляется. Задвинули бушбокс мы с алебардщиком Кроком. А как прикажешь выдвигать, если тогда мы нарушим бригадиров запрет? Не могу же я принуждать солдата к незаконным действиям. Странно, что ты выпустил этот момент из виду. Вдобавок мне бы не хотелось вновь обращаться к Кроку. Он с самого начала проявлял несговорчивость, несомненно, вытекающую из элементарной неспособности уразуметь весь смысл предприятия. Короче, с ним каши не сварить.

– Может, применим лассо?

– Риск чересчур велик, старина. К тому же лассо осталось у командора.

– А если магнитом?

– Краучбек, ты что, издеваешься?

– Боже упаси. Просто рассматриваю все варианты.

– Этот вариант не годится, уж извини. Нет. Кто-то должен просто вынести бушбокс. Руками.

– А как же запрет?

– Вынести бушбокс должен человек, которому о запрете ничего не известно. Или по крайней мере человек, про которого бригадиру неизвестно, что ему о запрете что-то известно. Если такого человека застукают, он всегда может сказать, что не заметил надписи. Там ведь темно.

– Эпторп, ты меня на эту роль выбрал?

– А кого, по-твоему, я должен был выбрать? Ты – самая подходящая кандидатура, в сложившихся обстоятельствах, конечно.

– Хорошо, – покорился Гай. – Я тебе помогу.

– Ты настоящий друг, – с облегчением вздохнул Эпторп.

Ужин закончился. Эпторп повернул при виде счета, однако оплатил его полностью. Они вернулись в Кут-эль-Имару. Там не было ни души. Эпторп караулил, Гай занимался непосредственно выносом. Обошлось без эксцессов.

– Куда его теперь?

– В этом-то и вопрос. Как думаешь, где для него самое подходящее место?

– В уборной.

– Честное слово, старина, сейчас не до твоего остроумия.

– Мне просто вспомнилась цитата из Честертона: «Где лучше всего прятать лист? – На дереве»²¹.

– Извини, старина, на сей раз ты чушь сморозил. Сам подумай: хорош же будет бушбокс на дереве. Да еще как его туда втащить?

– Пожалуй, ты прав. Чем ближе придется тащить, тем лучше. Очень уж он тяжелый.

– В ходе рекогносцировки мною был обнаружен садовничий сарайчик.

Пункт передислокации оказался в пятидесяти футах. Был он не так удобен в пользовании, как прежний сарайчик, но Эпторп сказал: «Сойдет». Итак, труды закончились. Гай с Эпторпом поспешили в комнату. По дороге Эпторп резко остановился и с непривычной теплотой произнес:

– Краучбек, я никогда не забуду сегодняшний вечер. Спасибо тебе, друг.

– И тебе спасибо. За ужин.

– Как думаешь, итальяшка меня не обсчитал?

Еще через несколько шагов Эпторп изрек:

– Послушай, старина, если хочешь, можешь тоже пользоваться бушбоксом, я не против.

²¹ Цитата из рассказа Гилберта Кита *Честертон* «Знак сломанного меча», входящего в сборник «Простодушие отца Брауна».

То был миг душевного подъема. Никогда в истории непростых отношений с Гаем Эпторповы любовь и доверие не достигали такой высоты. Жаль, что искра осталась для Гая незамеченною – и погасла, ибо эта участь уготована всем подобным искрам, высекаемым уроженцами Альбиона.

– Я ценю твою щедрость, Эпторп, но меня и общая уборная устраивает.

– Ты уверен?

– Да.

– Что ж, мое дело предложить, – с явным облегчением отвечал Эпторп.

Таким образом, Гай значительно поднялся в Эпторповых глазах и стал полноправным хранителем бушбокса.

3

Много позже Гай рассматривал последние недели марта исключительно как сагу о химическом клозете. Эпторп вскоре забыл, с какой целью, собственно, устанавливал свой бушбокс.

Перспектива подцепить триппер больше не волновала Эпторпа. Теперь под угрозой оказалось его право собственника. Наутро после первой передислокации клозета, еще до построения, Эпторп отвел Гая в сторонку. Дружба их поднялась на новую ступень, сделала скачок от простой симпатии к соучастию в заговоре.

– Он все еще на месте.

– Хорошо.

– В полной неприкосновенности.

– Великолепно.

– Мне кажется, старина, в сложившихся обстоятельствах будет лучше не светиться вдвоем. И уж тем более не разговаривать, когда рядом посторонние.

Позднее, по дороге в столовую (было время обеда), Гаю показалось, что некто пытается схватить его за руку; весьма неприятное ощущение, особенно когда идешь строем. Гай оглянулся и увидел Эпторпа в непосредственной близости; Эпторп увлеченно беседовал с капитаном Сандерсом. В следующую секунду Гай понял, что в ладонь ему только что была вложена записка.

В столовой Эпторп уселся на максимальном расстоянии от Гая. Гай развернул клочок бумаги и прочел: «С прежнего сарая сорван плакат. Что это – безоговорочная капитуляция?»

Поговорить живьем Эпторп решил не ранее вечернего чая.

– Кажется, волнения наши позади. Бриг уступил.

– Это не в его стиле.

– Нет, я, конечно, знаю: он аморальный тип. Но должны же и у него быть хоть какие-то принципы.

Гай не стал портить Эпторпу настроение, но в душе глубоко усомнился, что эти два антагониста вкладывают в понятие «принципы» одинаковый смысл. Следующий день подтвердил правоту Гаевых сомнений.

Утром, во время построения (которое при новых порядках составляло тридцать минут усиленной муштры), на Эпторпе лица не было. Эпторп встал в строй рядом с Гаем. Последовало несколько мягких пасов, и Гай снова обнаружил, что держит записку. После первой же команды «Вольно», когда Эпторп нарочито отвернулся, Гай прочел: «Должен поговорить с тобой при первой okazji. Прямая угроза».

Оказия не заставила себя ждать.

– Он сумасшедший. Маньяк, как есть маньяк. Он для общества опасен. Не представляю, какие шаги предпринять.

– Что он на сей раз вытворил?

– Едва не убил меня, вот что. Если бы не стальная каска, я бы сейчас с тобой не разговаривал. Он применил ко мне цветочный горшок, тяжеленный, как сам дьявол, с землей и засохшей геранью. Прямо в темя подладил. Нынче утром. А ты говоришь – вытворил.

– Он что, метнул в тебя цветочный горшок?

– Нет: пристроил горшок на дверь садовничьей кладовки.

– А почему ты был в каске?

– Интуиция, дружище. Инстинкт самосохранения.

– Постой, ты же вчера вечером сказал, что инцидент исчерпан. Эпторп, ты что, всегда напяливаешь каску, прежде чем взгромоздиться на свой бушбокс?

– Краучбек, твои вопросы неуместны и даже, я бы сказал, праздны. Я о чем толкую? О том, что бриг – невменяемый тип. Для человека, занимающего его положение, это принципиально. Кстати, для человека, занимающего наше с тобой положение, – тоже. Может такое время наступить, когда мы будем полностью в его власти. Что мне делать, Краучбек?

– Перенеси бушбокс на прежнее место.

– А может, следует доложить, куда, гм, следует?

– Вспомни про чувство собственного достоинства.

– Ты хочешь сказать, кое-кто сочтет мой случай курьезным?

– И даже очень курьезным.

– Проклятие! – воскликнул Эпторп. – Я совсем упустил из виду этот аспект.

– Давай-ка лучше выкладывай всю правду о каске.

– Ладно, раз ты такой любопытный. Знай же: я действительно последнее время с ней почти не расстаюсь. Полагаю, старина, если в общих чертах, здесь дело в ностальгии. Я воображаю, будто на мне пробковый шлем, и мне легче, если, конечно, ты меня понимаешь. Каска помогает расслабиться, когда я... ну, когда я пользуюсь бушбоксом.

– То есть ты, как только вздумаешь навестить бушбокс, надеваешь каску?

– Нет, несу под мышкой.

– А когда надеваешь – прежде, чем спустить штаны? Это принципиально, старина.

– Обычно на пороге сарайчика. И сегодня утром эта привычка спасла мне жизнь. Только, извини, старина, что-то мне непонятно, зачем тебе такие подробности.

– Затем, старина, чтобы эффективнее визуализировать. Вот состаримся мы с тобой, и что нам останется делать? Только подробности смаковать.

– Знаешь, Краучбек, порой у меня ощущение, что ты попросту издеваешься.

– Ни в коем случае не издеваюсь, Эпторп, дружище. Пожалуйста, не надо думать обо мне так плохо.

И все же Эпторп не мог отделаться от своего ощущения. При других обстоятельствах он бы с удовольствием напустил на себя обиженный вид; при обстоятельствах нынешних – не рискнул. Он имел дело с врагом хитроумным и беспощадным. Ему оставалось держаться за Гая – или обратиться в постыдное бегство.

– Так что же нам делать? – повторил Эпторп.

В тот вечер они прокрались в садовничью кладовку. Эпторп посветил фонариком, и Гай увидел черепки, рассыпанный грунт и засохшую герань – пугающие улики утреннего инцидента. В молчании Гай с Эпторпом взяли бушбокс и передислоцировали, как договорились, в сарай со спортивным инвентарем.

На следующий день бригадир появился на построении.

– Как вам, конечно же, известно, в главе двадцать четвертой Устава боевой подготовки рекомендуется проводить спортивные игры, помогающие развивать наблюдательность и умение рационально использовать местность. Сегодня утром, джентльмены, вы будете играть в такую игру. Где-то поблизости спрятан походный клозет устаревшей модели – без сомнения, его за ненадобностью оставила предыдущая воинская часть. Выглядит он как обычный ящик.

Работать будете поодиночке. Первый из офицеров, который найдет клозет, должен доложить мне. Разойдись!

– Нет, какова наглость, – процедил Эпторп. – Краучбек, стереги сарай, а я направлю брига по ложному следу.

У Эпторпа словно крылья выросли. Он был хозяином положения. С нарочитою целеустремленностью Эпторп направился к угольным бункерам и складам жидкого топлива. Как и следовало ожидать, через некоторое время бригадир последовал за ним. Гай в одиночестве фланировал вокруг сарайчика. Дважды к нему приближались охотники за сокровищами, и дважды Гай говорил:

– Пусто, ребята. Я только что все обшарил.

Наконец затрубил горнист. Бригадир положенное количество раз выслушал «Объект не обнаружен, сэр», сел на мотоцикл, молча обвел курсантов взглядом, ничего хорошего не предвещавшим, укатил и до следующего утра не появлялся.

– Небось переживает. Верно, старина? – радовался Эпторп.

Однако наутро сарайчик снова украшала надпись насчет всех чинов ниже бригадирского.

* * *

Как Гай и рассчитывал, безумные мартовские прятки позволили ему переключиться, однако вскоре детали уловок и контруловок подернула в его сознании патина былой невинности. С тех пор всякий раз, вдыхая аромат отсыревших лавров или бредя по тропе, густо усыпанной сосновыми иглами, Гай вспоминал ночные вылазки с Эпторпом – и утра, либо осиянные триумфом, либо омраченные жесточайшим разочарованием. Но самая последовательность эпизодов и даже их количество поблекли – и затерялись среди скарба, оставляемого опытом.

Кульминация имела место на Страстной неделе. Курс обучения заканчивался. Бригадир три дня пробыл в Лондоне, где определял будущее вверенного ему подразделения. Бушбокс стоял у края игровой площадки, лишенный рукотворного навеса, но надежно укрытый ветвями вяза и подстрахованный огромным катком. Целых три благословенных дня ни одна душа не нарушала Эпторповых прав собственности.

Бригадир вернулся в подозрительно хорошем расположении духа. В Лондоне он приобрел бокалы-шутихи – стоило поднять такой бокал, содержимое расплескивалось на подбородок пьющего. Эти-то бокалы бригадир тайком расставил на столе. После ужина долго забивали козла. Объявив последний номер, бригадир обратился к офицерам:

– Джентльмены, завтра все вы уедете. Останемся только мы с начальником разведштаба. Встретимся же мы с вами уже в палаточном лагере, в долинах Шотландии, где вам будет очень удобно применять на практике полученные здесь знания. Подробности передислокации вы прочитаете, как только наш начальник разведштаба поднатужится и родит их. Прошу учесть, что офицерский багаж ограничивается пределами, установленными Военным министерством, о чем имеется отдельный пункт, условия которого соблюдаются неукоснительно. Вот, кажется, и все. Вроде ничего не упустил. Ах да, последний момент. Вы все одеты не по форме. Сегодня утром каждому из вас присвоен следующий чин. Прежде чем выехать, приколите на погоны по второй звездочке.

В тот вечер в дортуарах слышалось пение.

Вот дожить бы до утра —
Там и кончится муштра, —

сочинял на ходу Леонард.

Ни побудок среди ночи,
Ни кричалок что есть мочи.

– Я вот что, старина, – начал Гай, – у тебя столько багажа, наверняка он не впишется в рамки дозволенного.

– Знаю, старина, знаю. Сам уже извелся.

– А что же ты станешь делать с бушбоксом?

– Надо найти для него место. Надо спрятать его – в идеале, конечно, в какой-нибудь подвал, а лучше в бомбоубежище. Ну, чтобы я был уверен: он дождется меня с войны, он встретит меня целехонек.

Пусть на брюхе по болоту
Рассекает новый кто-то.
Пусть себе зубрит Устав,
На плацу с утра устав.

Веселые голоса достигли комнаты с табличкой «Штаб бригады», где трудились бригадир и начальник разведштаба.

– О, кстати, – просиял лицом бригадир. – У меня же остались кое-какие дела во дворе.

* * *

На следующее утро, едва первый солнечный луч проник в лишенное штор окно «Пашен-даля», Эпторп вскочил и маникюрными ножничками принялся прокалывать новые дырочки на погонах. Вскоре он предстал лейтенантом. «Он ничего / Не сделал, что могло б его / Уни-зить»²². Последний жест, совершенный Эпторпом уже на пороге комнаты, даже относился к числу великодушных – Эпторп предложил Гаю две звездочки из аккуратной кожаной корочки для запонок, которая при ближайшем рассмотрении оказалась полнехонька как звездочек, так и коронок. Видимо, Эпторп не сомневался в собственной блестящей карьере. Гай еще не закончил бритье, когда Эпторп, одетый надлежащим образом и с каскою под мышкой, направился к игровой площадке.

До известного Гаю места было примерно семьсот футов. Не прошло и пяти минут, как школу потряс изрядный взрыв. Зазвенели оконные стекла, послышались восторженные голоса:

– Воздушная тревога! Все в укрытие! Газы!

Гай застегнул ремень и поспешил к предполагаемому месту происшествия. Над игровой площадкой клубился дым. Гай не сразу заметил Эпторпа. Эпторп, в каске, стоял, прислонившись к вязу, перебирая пуговицы на штанах и с ужасом озирая масштаб разрушений.

– Эпторп, дружище, ты цел?

– Кто это? А, Краучбек. Не знаю. Пока не понял, старина.

От бушбокса осталась груда дымящихся деревяшек, медные скобы, порошок (он образовал розоватую взвесь в радиусе многих ярдов) и крупные осколки расписного фаянса.

– Что случилось?

– Сам не пойму, старина. Пришел, сел. Вдруг как громыхнет. Очнулся на четвереньках, в траве, вот на этом месте.

– Ты ранен? – снова спросил Гай.

– У меня шок, – отвечал Эпторп. – Кошмарно себя чувствую.

²² Автор цитирует «Горацианскую оду на возвращение Кромвеля из Ирландии» Эндрю Марвелла. «Он» – король Карл I, пойманный Кромвелем. Речь идет о поведении Карла I на плахе. Цитата дана в переводе М. Фрейдкина.

Гай внимательнее осмотрел место происшествия. Вспомнил последнюю бригадирову лекцию, и картина стала ему ясна.

Эпторп снял каску, надел фуражку, оправил форму, ощупал погоны и удостоверился, что звездочки не пострадали. Еще раз взглянул на останки бушбокса.

«Вот тебе и трах-бах, – подумал Гай. – Истинная скорбь придет позднее, на смену шоку».

Гай тщетно искал слова утешения.

– Двинем-ка лучше в столовую, дружище. Завтракать пора.

Они повернули к школе.

Эпторп шел неуверенно, оскальзывался на мокрой траве, смотрел в одну точку.

У дверей он остановился и бросил прощальный взгляд назад.

Эпитафия, сорвавшаяся с Эпторповых губ, отдавала мировой скорбью:

– *Повержен. Сражен. Сокрушен.*

4

Гай думал провести Страстную неделю в Даунсайде, но переменял решение – отправился в Мэтчет. Гостиница «Марина» была полнехонька, только теперь персонал не суетился. И управляющие, и прислуга, казалось, решили придерживаться простейшей политики – делать меньше, денег требовать больше. В холле вывесили доску объявлений. Если абстрагироваться от подбобострастных «Уважаемые гости, администрация гостиницы имеет честь напомнить», или «Убедительно просим наших дорогих гостей», или «Приносим нижайшие извинения за доставленные неудобства», все объявления до странного походили на военные приказы, и каждое свидетельствовало об изъятии из прейскуранта очередного маленького блага.

– А сервис-то уж не тот, – заметил Тиккеридж, ныне подполковник.

– Несомненно, они стараются изо всех сил, – вступился мистер Краучбек.

– Еще и цены взвинтили.

– Наверно, их вынудила к тому общая дороговизна.

Мистер Краучбек привык во время Великого поста воздерживаться от табака и алкоголя, однако на его столе неизменно стоял декантер с портвейном, из коего каждый вечер причащались Тиккериджи.

Был Страстной четверг. Гай с отцом зябли на парадном крыльце; Феликс умчался в темноту. Мистер Краучбек произнес:

– Я так рад, что ты попал под начало к Тиккериджу. Приятнейший человек. Жена и дочка очень по нему скучают... Он сказал, что тебе, возможно, доверят роту.

– Вряд ли. Разве что заместителем командира сделают.

– Тиккеридж уверяет, что ты будешь командовать ротой. Он о тебе очень высокого мнения. Я так рад. Кстати, ты Джарвисов медальон носишь?

– Ношу.

– Я просто счастлив, что ты хорошо показал себя на службе. Только не подумай – я в этом и не сомневался. Кстати, завтра моя очередь дежурить у алтаря²³. Но ты, наверно, захочешь отоспаться?

– А когда ты будешь в церкви?

– Видишь ли, не много желающих дежурить в ранние часы, ну а мне-то все равно, так что я обещал с пяти до семи утра.

²³ В Страстной четверг священник после Причастия переносит Святые Дары в т. н. «темницу», иначе – алтарь выставления, т. е. алтарь, расположенный либо в часовне, либо на боковом алтаре. Обычай отсылает к тем временам, когда в церквях еще не было дарохранительниц; также призван напоминать об аресте Христа и заключении Его в темницу. На следующий день, в Страстную пятницу, Святые Дары после богослужения, после того как прихожане причастятся, переносят обратно на боковой алтарь, убранный в виде гроба, в который был положен Христос.

– Для меня многовато. Я загляну на полчаса.

– Загляни, Гай. В этом году боковой алтарь так славно убран, душа радуется.

Утро едва брезжило, когда Гай отворил дверь маленькой церкви; внутри же было впечатление, что стоит глухая ночь. Воздух сгущали запахи цветов и воска. Гай застал отца в одиночестве, на коленях пред импровизированным алтарем. Мистер Краучбек смотрел в одну точку – на свечу. Он обернулся; лицо его озарила улыбка. Затем продолжил молитву.

Гай тоже преклонил колени и стал молиться.

Вскоре вошел ризничий и поднял черные шторы на восточных окнах. Солнечный свет ударил в глаза – на миг отец и сын ослепли, а свечи и потир растворились в белых лучах.

* * *

А в это время в Лондоне – именно в это, ибо для особо секретной работы в известном департаменте и часы выбирались особо экзотические, – в это время разговор шел о Гае.

– Сэр, насчет саутсендского дела. Новые подробности выяснились.

– Что, опять валлийский профессор на летчиков покушается?

– Нет, сэр. Помните, мы перехватили донесение радиофицированного агента «Л-18»? Вот оно, я его принес: «Два офицера-алебардщика утверждают, что важный резидент Бокс тайно встречался в Саутсенде с крупным военачальником».

– Ерунда, я же сразу сказал. Насколько мне известно, никаких подозрительных Боксов в наших списках не значится, а в Саутсенде и округе нет крупных военачальников. Если, конечно, «Бокс» – это не кодовое название.

– Сэр, по вашему распоряжению мы провели расследование и выяснили, что фамилия одного члена парламента – Бокс-Бендер, а у него есть шурином по фамилии Краучбек, и этот шурином как раз алебардщик. Кстати, Бокс-Бендер – урожденный Бокс, его отец взял хвост «Бендер» в 1897 году.

– Ну и что? Разве не мог этот ваш Бокс-Бендер навестить шурина в полку? Родня, как-никак.

– Тайно навестить, сэр?

– Да почему тайно? Что, разве этот Бокс где-то уже засветился? Надеюсь, вам внушает подозрения не тот факт, что в фамилии его присутствует дефис?

– Пока ничего серьезного на Бокс-Бендера у нас нет, сэр, – отвечал младший офицер по фамилии Грейс-Граундлинг-Марчпоул. Каждый дефис в его фамилии свидетельствовал об удачном браке, заключенном в эпоху земельной собственности. – Правда, Бокс-Бендер дважды ездил в Зальцбург, якобы на музыкальный фестиваль. Зато Краучбек – персонаж совсем иного рода. До сентября 1939-го жил в Италии. Замечен в дружеских отношениях с фашистскими властями. Не завести ли на него отдельную папку, сэр?

– Пожалуй.

– Может, заодно и на Бокс-Бендера?

– Да. Не мешает.

И они, подобно ризничему, подняли черные шторы и впустили утренний свет.

Так Совершенно Секретный каталог обогатился еще двумя фамилиями. Позже этот Каталог переснимали на микро пленку, размножали в копиях и рассылали для внесения в каталоги штабов контрразведки Свободного Мира. Судьба им была – до скончания времен пылиться в Особо секретных архивах Второй мировой.

5

Таинства, срок которому имел расплывчатое определение «когда бригада будет сформирована», Гай и едва ли не все его товарищи ждали более пяти месяцев. Мысль грела их; в то же время алебардчики трепетали грядущего.

В свое время Гай смотрел фильм о восстании 45-го года²⁴. В память ему врезалась картинка: принц Чарльз с горсткой союзников стоит на вересковом холме, все наряжены точно для Королевского шотландского бала, а вид – в точности как у бражников, отбившихся от основной компании, заплутавших в предместьях и тщетно ожидающих, когда за ними заедут на машине.

Судьбоносный момент настал, когда солнечные лучи коснулись горизонта за спинами страдальцев. Принц понурил голову, вложил в ножны старинный палаш и молвил с махровым милуокским выговором: «Полагаю, Макинтош, ждать больше нечего». (Макинтош с самого начала советовал отступить.)

И вдруг послышались вопли волынки. Вскоре воздействие их стало сравнимо с психической атакой. По мере нарастания звука изо всех щелей, сиречь долин, полезло пополнение. На ветру полоскались килты. И понеслось: «Узри великий Инверколд», «Да, Лохиель!», «Сильный духом Монтроз», «Лорд Кокпен», «Береты лорда Данди», «Кэмпбеллы идут – ура!» Какофония не стихала, пока, озаряемые алыми лучами, отряды и отрядили собирались в одну могучую армию, непобедимую в глазах всякого, кто незнаком с историей; маршем проследовали они навстречу судьбе, и всякий, кто видел карту Хайлендс, предостерег бы их, ибо путь лежал напрямик в холодные воды Лох-Мойдартга.

Гай ожидал повторения истории; вышло, что он жестоко ошибся.

После пасхального отпуска они собрались в Пенкирке, долине, расположенной милях в двадцати от Эдинбурга, разделенной на небольшие фермы под началом приземистого викторианского замка. Здесь алебардчики встретились, и здесь они жили первые два дня. Ряды их пополнялись за счет неизвестных кадровых военных всех рангов, военврача, неконфессионального капеллана, а также вздорного ветерана с целым иконостасом на груди, командовавшего саперно-строительной частью. Однако рядовых до сих пор не было. Набор не производился, ибо их некуда было селить.

Имелось в виду, что лагерь построят саперы, но к указанной дате долина ничуть не изменилась. Саперы всю зиму провели в конюшнях замка. Некоторые душевно привязались к этому месту, особенно резервисты, которые завели в округе друзей и грелись у их каминов в рабочие часы, за гостеприимство же платили инструментами и провизией с ротных складов. Предполагалось усилить этих ветеранов отрядом антифашистов-виолончелистов и специализирующихся на абстракционизме галеристов Дунайского бассейна²⁵.

– Будь у меня взвод фашистов, – заметил командир, – и недели бы не прошло, как мы бы жили в приличном лагере.

Однако командир не роптал, ибо с комфортом устроился в привокзальной гостинице в трех милях от предполагаемого лагеря. Он приобщился тайн платежной кассы и получал все

²⁴ Имеется в виду голливудский фильм 1948 г. о восстании 1745 г., возглавляемом Чарльзом Эдвардом Стюартом (Красавчиком принцем Чарли). Главную роль сыграл Дэвид Найвен (1910–1983). Из романа «Меч почета» (1965) – сокращенной версии настоящей трилогии – Ивлин Во выбросил этот пассаж, ибо вспомнил, что в 1940 г. Гай Краучбек не мог думать о фильме, снятом в 1948 г.

²⁵ Здесь автор потакает собственным предубеждениям. Немало людей искусства бежали из Центральной Европы от фашистского режима. Многие попали в лагеря для интернированных, откуда были впоследствии освобождены для строительных и прочих работ. Ивлин Во не питал к ним симпатии, вероятно, отчасти потому, что сомневался в их пригодности для физического труда. Следует заметить, что в 1940 г. интернированных еще не задействовали на строительстве, по крайней мере масштабно.

возможные надбавки к жалованью. В зависимости от впечатления, какое произвел бы на него новый командующий, он был не прочь продолжить исполнение долга до самой осени.

Пять минут в обществе бригадира Ричи-Хука укрепили в командировом сознании мысль о необходимости скорейшей ретирады. Ветеранов отловили и обязали подгонять антифашистов. Строительные работы начались бодро; впрочем, в представлении Ричи-Хука то был шаг черепаший. Новый Раскин²⁶, он в первое же утро отправил своих курсантов копать и носить. И все бы ничего, если бы накануне он же не распорядился привить им все вирусы, имевшиеся в походной лаборатории. С неугасающим энтузиазмом разжигал бригадир дух соревнования между алебардщиками и саперами. Виолончелисты отзывались со свойственным их профессии темпераментом, галеристы выказывали похвальную основательность, привитые алебардщики еле передвигали ноги.

Они рыли траншеи и таскали настилы для палаток (истинный бич носильщиков), они выгружали железные печки и цинковые водопроводные трубы, они страдали головокружением, шатались и даже теряли сознание. Адаптация к новым вирусам и завершение работ совпали минута в минуту.

В первые две ночи спали в замке на одеялах, а ели тоже на полу. Царил хаос, как при майоре Маккинни в Кут-эль-Имаре. На третий день каждый батальон получил необходимое количество офицерских жилых палаток, палатку-столовую, палатку-умывальню и полевую кухню. Замок был покинут. Начальник штаба добыл винный ящик. Интендант спроворил ужин. Подполковник Тиккеридж пил исправно и под конец порадовал собравшихся «Одноруким флейтистом». Второй батальон, таким образом, обрел пристанище – и обмыл обретение.

В тот вечер Гай, отяжелевший от выпитого и привитого, а также от усталости, долго спотыкался об отяжки и колышки, пока нашел отведенную им с Эпторпом палатку.

Эпторп, бывалый солдат, послушался приказа (впрочем, вскоре выяснилось, что так поступили все кадровые) и взял с собой львиную долю «личных вещей». С ужина по случаю завершения работ он ушел раньше Гая. Теперь Эпторп лежал на высокой походной койке, под балдахином белого муслина, подсвеченным изнутри патентованною масляной лампой, и сильно смахивал бы на крупногабаритного младенца, если б не курил трубку и не читал «Наставление по военно-судебному производству». Ложе окружали: столик, стул, ванна, умывальник (все раскладное); сундуки и чемоданы (все неподъемные), а также любопытная конструкция (с виду виселица) для военной формы. Потрясенный Гай застыл у входа. Из бело-снежного, окутанного табачным дымом кокона донесся Эпторпов голос:

– Краучбек, дружище, надеюсь, я тебе достаточно места оставил?

– Вполне, – отвечал Гай.

У него были только резиновый матрац, фонарь «летучая мышь» да брезентовый умывальник на треноге.

– Тебе, должно быть, странно, что я сплю под балдахином.

– Ничуть: по-моему, соблюдать все меры предосторожности очень разумно.

– О нет, дружище: меры предосторожности тут ни при чем. Просто под балдахином лучше спится. Лично мне.

Гай разделся, одежду положил на чемодан, расстелил матрац, поверх него одеяло, лег, укрылся вторым одеялом – и уже через несколько минут продрог до костей. Стал шарить в чемодане, нащупал шерстяные носки и подшлемник, что связала для него одна леди из мэтчетской гостиницы. Поверх одеяла набросил еще и шинель.

– Что, замерз? – проявил участие Эпторп.

²⁶ Джон Раскин (иначе произносится Рёскин) (1819–1900) – английский писатель, художник, теоретик искусства, литературный критик, поэт. Полагал, что физическим трудом должны заниматься все поголовно. С целью доказать свою правоту собрал группу студентов (в их числе был Оскар Уайльд) и с ними начал строительство дороги к Ферри-Хинкси (в окрестностях Оксфорда). Строительство застопорилось где-то на середине.

– Замерз.

– Вообще-то, нынче не холодно, – рассудил Эпторп. – Ты настоящих холодов еще не нюхал. Конечно, по сравнению с Саутсендом прохладственно...

– И даже очень.

– У меня есть согревающая растирка. Могу дать.

– Большое спасибо. Я уж как-нибудь без растирки.

– Зря отказываешься. С растиркой совсем другое дело.

Гай не ответил.

– Конечно, мы тут временно, – продолжал Эпторп. – Скоро все утрясется. Каждому ротному полагается отдельная палатка. Я бы на твоём месте присоединился к Леонарду. Он – один из лучших младших офицеров. Его жена родила на прошлой неделе. По-моему, прегадкая ситуация: приезжаешь домой, а вместо отдыха – няньки да пеленки. А Леонарду хоть бы что. Кажется, даже доволен. Странный человек.

– Я в курсе насчет ребенка. Леонард уже похвастался.

– Главное, чтобы тип, с которым делишь палатку, не имел привычки брать что приглянется.

– Ты прав.

– Ладно, буду спать. Если ночью пойдешь в сортир, смотри не оберни мне что-нибудь. Тут на полу ценные вещи – я пока не придумал, как их получше разместить.

И Эпторп положил трубку на столик и погасил свет. Вскоре, утомленный, разнеженный, что твоя Гера, одурманенная очередной Зевсовой байкой, он уже спал в своем белоснежном перистом коконе.

Гай погасил фонарь и долго не мог глаз сомкнуть. Он отчаянно мерз, страдал от боли в мышцах – и все же был далек от недовольства.

Гай размышлял о странной способности всякой армии к быстрому обустройству. Разори муравейник – и на несколько минут в муравьиной колонии воцарится хаос. Но скоро даст о себе знать инстинкт. Муравьи, вот только что ползавшие без цели, возьмутся за работу. Каждый вновь найдет свое место и станет исполнять назначенные природой функции. Солдаты действуют так же.

В последующие годы Гаю предстояло не раз наблюдать торжества инстинкта как в окопах, так и в местах вполне цивилизованных. Солдаты, против природы оторванные от жен и родных, приступали к строительству временных жилищ, красили, шпаклевали, обзаводились мебелью, разбивали клумбы с бордюрами из белой гальки и чуть ли не под пулеметным огнем вышивали чехлы для подушек-думочек.

Еще Гай размышлял об Эпторпе.

Во время строительства лагеря Эпторп чувствовал себя как рыба в воде.

Когда делали прививки, Эпторп тянул до последнего, а военврачу наговорил сорок бочек: и какими болезнями страдает в хронической форме, и какие прививки перенес, и какие от них были побочные эффекты, и какие предостережения выслушал от многочисленных медицинских светил относительно будущих прививок, и на что у него аллергия, и так далее и тому подобное. В итоге бедняга-военврач ограничился одной-единственной пустяковой прививкой, чисто для галочки.

Таким образом, Эпторп остался в ясном уме и сохранил бодрость тела и духа. Пока остальные алебардчики таскали тяжести, он консультировал командира саперов на предмет расположения полевой кухни с учетом розы ветров или придирчиво оценивал канатные растяжки.

Заодно Эпторп коротко сошелся с начальством. Теперь в штабе он был свой человек. Выяснилось, что он давно дружен с родственником начальника штаба бригады. Да, Эпторп не терял времени даром.

И все же, думал Гай, все же есть в Эпторпе что-то странное. О нет, он не мутный, Эпторп, не загадочный; он вроде бы лишен белых пятен, во всяком случае, постоянно их закрашивает; он колоритен, если не аляповат, точно злосчастный Красавчик принц Чарли. Нет, странность Эпторпа относится к разряду неопределимых. Достаточно посмотреть ему в глаза. Или нет – пожить бок о бок, проникнуться аурой. Эпторп определенно странный тип, заключил Гай.

Так, обуреваемый то сном, то мыслями, Гай проворочался до побудки.

6

На четвертый день строительство лагеря было завершено. Теперь по всей долине, от дороги до замка, пестрели офицерские палатки, походные кухни, склады, столовые и уборные. Многого не хватало, со многим напортачили, однако лагерь вполне подходил для заселения. Назавтра ожидали прибытия солдат. Вечером офицеры собрались в замке, временном штабе бригады, и выслушали речь бригадира.

– Джентльмены, – начал бригадир, – завтра вы увидите людей, которых поведете в бой.

О, то было настоящее заклинание, старинное, могущественное. Две фразы – «офицеры, которые будут вами командовать» и «солдаты, которых вы поведете в бой» – безоговорочно помещали молодых офицеров на предназначенное им место, то есть в самое сердце сражения. Для Гая фразы отзывались набатом чего-то прочитанного в отрочестве...

«... – Труслав, мой выбор пал на ваш отряд.

– Благодарю вас, сэ. Каковы наши шансы прорваться?

– Прорыв теоретически возможен, Труслав, иначе я бы не отправлял вас на задание. Если кто и справится, то только вы. И вот что я вам скажу, мой мальчик: я бы с восторгом променял свой чин и всю эту мишуру с мундира, лишь бы быть с вами. Однако мой долг – оставаться с полком. Удачи, мой мальчик. Она вам понадобится...»²⁷

Цитата приплыла из летнего воскресного вечера. Подготовишка Гай вместе с учениками еще трех классов сидел на полу в гостиной своего наставника. Большинство мальчиков грезил о каникулах с родителями, некоторые – Гай в их числе – заворуженно слушали чтение.

Шла Первая мировая, рассказ же относился к более ранним страницам военной истории. Капитану Труславу предстояло сразиться с патанами. Для Гая Троянская война, «Азенкур»²⁸ и Зулуленд были в те дни реальнее окопной слякоти, колючей проволоки и газовых атак – декораций, в которых пал Джарвис. Стало быть, для Труслава – патаны; для сэра Роджера Уэйбрукского – мусульмане; для Джарвиса – надутый, как индюк, персонаж карикатуры Бернарда Партриджа, в высоких сапогах и с орлом на кокарде. У Гая в двенадцать лет врагов было мало. Зато потом они множились чуть ли не в геометрической прогрессии.

Бригадир тем временем продолжал. Было первое апреля – ждали бригадирского подвоха или остроты, однако бригадир говорил совершенно серьезно, Гай же впервые слушал вполуха. Офицеры, почти все Гаю знакомые лишь по именам, более не казались ему военной семьей. За какие-нибудь неполные двое суток священным для Гая стал второй батальон; теперь он думал только о солдатах, что ожидалось назавтра.

Офицеров распустили, и с этого момента бригадира личность, прежде бывшая своеобразным мериллом, как-то смазалась. Бригадир жил в замке со своей свитой. Ездил то в Лондон, то в Эдинбург, то в Центр формирования – никто не знал, по каким делам и на какие сроки. Теперь бригадира воспринимали как стихию почти неодушевленную; о нем и говорили без-

²⁷ В данном пассаже Ивлин Во пародирует стиль авторов патристической приключенческой литературы эпохи «становления Империи», популярной среди мальчиков-подростков в начале XX в. Подобный пассаж легко мог принадлежать перу П. К. Рена или А. Э. В. Мейсона.

²⁸ «Азенкур» – дредноут, был построен для Бразилии в 1910 г., в январе 1914-го перешел в собственность Турции, в августе 1914-го, в связи с началом Первой мировой войны, был реквизирован Британским адмиралтейством.

личными предложениями: «Велено рыть траншеи», «Приказано оставлять в лагере не менее двух третей батальона за раз», «Вон опять макулатуру из штаба несут».

Так обезличился Ричи-Хук, герой и весельчак, харизматичный старый вояка.

Все разошлись по палаткам. В столовой было четыре печки, но второй батальон, собранный подполковником Тиккериджем для важного объявления, зябко поеживался в своих шинелях.

А подполковник Тиккеридж вслух зачитывал приказ о назначениях. Сначала штаб батальона – сам Тиккеридж, его заместитель и начальник штаба – все кадровые военные; затем помощник начальника штаба по общим вопросам и по разведывательной службе, химической службе, транспортной службе и бытовому обслуживанию, иными словами, мальчик на побегушках – Сарум-Смит. Командир штабной роты – Эпторп; его помощник – неизвестный Гаю молодой кадровый офицер.

Это последнее назначение вызвало интерес. Давно ходили слухи, что возможно продвижение одного-двух временных офицеров; впрочем, никто, кроме Эпторпа, не рассчитывал на столь ранней стадии командовать ротой, и даже Эпторпу не снилось, что его поставят над кадровым офицером, пусть и совсем желторотым.

Расклад явился полной неожиданностью и для кадровых офицеров – они мрачно переглянулись.

Командиром и заместителем командира первой роты были назначены кадровые офицеры, взводными – трое временных офицеров. Во второй роте назначения проводились по тому же принципу. В третьей роте помощником командира сделали Леонарда. Оставались Гай, двое временных офицеров и один кадровый, молодой и заносчивый, по фамилии Хейтер.

– Четвертая рота, – возгласил подполковник Тиккеридж. – Командир – майор Эрскин, его сейчас нет, прибудет на днях. Пока командование принимает его помощник Хейтер. Взводные – де Суза, Краучбек и Джервис.

То была горькая минута. Конечно, Гай не привык рассчитывать или хотя бы надеяться на успех. Выдвижение в старшие ученики (с позволением носить носовой платок в кармане сюртука, а еще ходить в гетрах) Гай воспринял как неожиданный и незаслуженный подарок судьбы, этакий аванс, который лучше бы не брать. Когда в колледже ему предложили стать секретарем зала будущих бакалавров, Гай решил, что это безобидная дружеская шутка. И так продолжалось всю жизнь. Исключения, редкие и незначительные, сваливались как снег на голову. Зато в Полку алебардщиков у Гая появилось ощущение, что дела его не быстро, но налаживаются. Ведь ходили же слухи, ведь были же намеки. Нет, Гай не рассчитывал на многое и многого не желал, но верил в повышение – и постепенно привык к мысли о том, что повышение только логически подтвердит его успехи и что все похвалы, походя получаемые им, не пустая дань его летам. Что ж, теперь все прояснилось. Гай не так плох, как Триммер, и даже чуть получше Сарум-Смита, назначенного на презренную должность; Гай не так плох, однако, что называется, недалеко ушел. Еле-еле выкарабкался; закончил без отличия. Как он раньше не сообразил, что Леонард – более подходящая кандидатура; это же было очевидно. Вдобавок Леонард – человек небогатый и недавно стал отцом; капитанское жалованье ему нужнее, чем Гаю. Гай не возмущался, не завидовал – неудачники со стажем такой привычки не имеют. Ему просто стало очень грустно – так же, как в «Клэридже», когда Вирджиния ушла, так же, как десятки раз до этого. Наверно, сэр Роджер, вмешиваясь в чужой конфликт, испытывал схожие чувства – и не догадывался, что однажды получит сомнительный титул «il Santo Inglese».

Подполковник Тиккеридж тем временем продолжал:

– Разумеется, назначения пробные. Все можно переиграть в зависимости от ваших успехов, джентльмены. Однако на сегодняшний день они представляются штабу оптимальным вариантом.

Собрание закончилось. Денщик стал разливать розовый джин.

- Поздравляю, Эпторп, – выдавил Гай.
- Спасибо, старина. Честно говоря, не думал, что мне дадут штабную роту. Она ведь вдвое больше обычной.
- Ты отлично справишься, дружище.
- Конечно, справлюсь. Пожалуй, придется дать нагрузку моему ПК.
- Чему-чему? Что такое ПК? Уж не новая ли модель бушбокса?
- Ни в коем случае. ПК – это помощник командира, меня то есть. А тебе, старина, не помешает выучить пару-тройку аббревиатурок. Начальство – оно расшифровывать не любит. В армии лаконичность нужна, вот что я тебе скажу, Краучбек. Кстати, жаль, что ты всего-навсего взводный. Я слышал, одного из наших собирались сделать ПК. Мне даже в голову не приходило, что речь не о тебе.
- Леонард больше подходит.
- Пожалуй. Им виднее. А все-таки жаль, что ты не ПК. Если тебе сейчас неудобно вещи перетаскивать из палатки, можешь переночевать со мной.
- Спасибо. Воспользуюсь предложением.
- Только чтобы завтра же утром ты съехал, старина. Нечего тянуть.
- В столовой было так холодно, что ужинали, не снимая шинелей. Эпторп с Леонардом по традиции проставлялись.
- Гай не один раз за вечер услышал от временных: «Сочувствую, дядя». Неудача как будто сделала его более *simplistic*.
- Вы – Краучбек, да? – спросил Хейтер. – Давайте выпьем. Пора познакомиться поближе. Думаю, мы с вами сработаемся, вот только пообвыкнем друг к другу. Я человек покладистый. А чем вы до войны занимались?
- Ничем.
- Понятно.
- Не знаете, каков майор Эрскин?
- Подавляет интеллектом. Чуть не все годы службы на особых операциях. Да вы с ним поладите – главное, делайте, что велено. Поначалу он будет вам, новичкам, полагать давать.
- В котором часу придут солдаты?
- Наш бриг малость преувеличил. Завтра прибывают только опытные солдаты. А новобранцев ждать еще несколько дней.
- Они чокнулись розовым джином и встретились подозрительными взглядами.
- Которые тут де Суза и Джервис? Надо бы и с ними парой слов перекинуться.
- Гай поплелся в палатку. Эпторп уже сидел в своем коконе, бессонный, словно гигантский светляк.
- Вот что я хотел тебе сказать, Краучбек. Я не желаю больше ни слова, ни намека слышать о саутсендских событиях. Никогда. Понял? Или я буду вынужден перейти к действиям.
- К действиям какого рода?
- К решительным действиям, Краучбек.
- Станный он все же, Эпторп, в очередной раз подумал Гай.

7

Примерно через три недели появилась «Инструкция по боевой подготовке сухопутных войск № 31, Военное министерство, апрель 1940». К тому времени столовую второго батальона оснастили брезентовыми ячейками для писем, а также добытыми неизвестно где креслами, радиоприемником и другими полезными вещами. По возвращении с очередного собра-

ния каждый офицер обнаружил экземпляр в своей ячейке. Генерал Айронсайд²⁹ препроводил сей фундаментальный труд следующим комментарием: «Всем командующим офицерам проэкзаменовать подчиненных офицеров по вопросам части первой „Инструкции“. Не успокаиваться до тех пор, пока ответы не будут удовлетворять поставленным требованиям».

– Пожалуй, вам, ребята, придется-таки заглянуть в «Инструкцию», причем в этом месяце, – заметил подполковник Тиккеридж. – Ей большое значение придают, бог ее знает почему.

В «Инструкции» было сто сорок три вопроса.

21 апреля в девятичасовых новостях сообщили, что генерал Пэджет³⁰ в Лиллехаммере и что на Норвежском фронте все в ажуре. Новости кончились, началась музыка. Гай уселся в кресло, максимально отдаленное от радиоприемника. Запахи смятой травы, джина и жареной говядины перебивались запахами парафина и раскаленного металла. Гай принялся штудировать «жизненно важные обязанности командира подразделения».

Вопросы в большинстве своем касались либо моментов само собой разумеющихся, не могущих игнорироваться офицером-алебардщиком, либо технических тонкостей далеко за пределами Гаевой компетенции.

– А скажи, дядя, ты на свою дотацию купил старую ходовую от автомобиля и запчасти к двигателю, чтобы облегчить подготовку по вождению?

– Нет. А сколько человек из взвода ты предназначил в связисты?

– Ни одного.

Это было вроде игры в «Счастливые семьи».

– Почему камуфляж с опозданием опаснее, чем полное отсутствие камуфляжа?

– Вероятно, потому, что есть риск вляпаться в свежую краску.

– У твоих солдат сушилки не хуже, чем у тебя?

– Хуже, чем у меня, просто некуда.

– А ты проверял, дядя, умеют ли твои солдаты кашу в котелках варить?

– Проверял. На прошлой неделе. Умеют.

– В чем преимущество начала ночной учебной операции за час до рассвета?

– Полагаю, в том, что она длится всего час.

– Я серьезно.

– Для меня это огромное преимущество.

Несколько дней палаточный лагерь гудел как улей – офицеры проверяли друг друга на усвоение «Инструкции по боевой подготовке».

Гай вяло перелистывал страницы. Вопросы подобного рода встречаются обычно в кратких руководствах для начинающих клерков: «Как обратить на себя внимание босса: пятишаговый курс» или «Почему продвигают всех, кроме меня?»... То один, то другой вопрос возвращал Гаю воспоминаниями к последним трем неделям.

«Пытаетесь ли вы в компетентности сравниться с вашим непосредственным начальником?»

Гай не испытывал уважения к Хейтеру. Теперь он не сомневался: он бы куда лучше справился с его обязанностями. А главное, Гай узнал, что новая его должность будет вовсе не Хейтерово место.

²⁹ Уильям Эдмунд Айронсайд (1880–1959) – британский фельдмаршал, барон. Командовал войсками Антанты в Архангельске, был главой британской военной миссии в Венгрии, служил в Исмидских войсках (Иран), в Северо-персидских войсках, был генералом-квартирмейстером Индийской армии. 4 сентября 1939 г. назначен начальником Имперского генерального штаба, в мае 1940-го заменен генералом Джоном Диллом, в 1941-м отправлен в запас с пожалованием баронского титула.

³⁰ Бернард Чарльз Тоулвир Пэджет (1887–1961) – британский военный деятель, генерал, участник Первой и Второй мировых войн. В 1939–1940 гг. – командир 18-й дивизии, которая вошла в состав Британских экспедиционных сил в Норвегии, захваченной Германией за два весенних месяца 1940 г.

Майор Эрскин прибыл в тот же день, что и новобранцы. Интеллектом он не подавлял. Хейтерова характеристика восходила, по-видимому, к тому факту, что майор читывал романы Пристли³¹, а вид постоянно имел всклокоченный. Нет, майор Эрскин не забывал нацепить перевязь или фуражку, мундир его был чист, пуговицы сверкали. Просто обмундирование было майору Эрскину будто не по размеру, причем винить следовало не портного, а майорову фигуру, каковая фигура имела свойство меняться по несколько раз на дню. Мундир казался майору то длинен, то короток. Карманы, бог знает чем набитые, вечно оттопыривались. Галифе постоянно перекручивалось. В целом майор Эрскин более смахивал на сапера, чем на алебардщика. Однако Гай с ним действительно поладил. Майор Эрскин трепаться не любил – если он раскрывал рот, то не для того, чтоб вокруг да около ходить.

Однажды вечером (Хейтер весь день заносился больше обычного) майор Эрскин с Гаем шли ужинать.

– Пора этого клеща к ногтю, – заметил майор Эрскин. – И я ему устрою веселую жизнь. Он сам нарвался. Накажу примерно – и ему польза, и мне потеха.

– Вы правы, сэр.

– Не след мне при вас так отзываться о вашем начальнике, – продолжал майор Эрскин. – Кстати, дядя, вам объяснили, почему вы всего-навсего взводом командуете?

– Нет. А разве я вправе требовать объяснений?

– Ну да. Так вот, чтоб вы знали: вас прочили в ротные. А бриг сказал, что не допустит командовать боевой ротой офицера, который не показал себя как взводный. Я брига понимаю. Не то – штабная рота. Старина Эпторп – он ведь тоже дядя – проторчит в своей должности, пока не сделается начальником хозяйства или еще каким хлопотуном, которому пороку понюхать не светит. Ни один временный офицер, если начинает с высокой должности, стрелковую роту в жизни не получит. А вы получите, причем прежде, чем нас бросят в бой. Если, конечно, никакой фортель не выкинете. Я подумал, надо вас просветить, чтоб не расстраивались. Было такое, признавайтесь?

– Было.

– Вот видите.

«Кто командует взводом – вы или взводный сержант?»

Гаев взводный сержант звался Сомсом. Оба были друг другу в высшей степени не *simpatico*. Обыкновенно отношения между взводным и его сержантом в Полку алебардчиков походят на отношения между ребенком и нянькой. Сержант обязан следить, чтоб офицер не попал в беду и сам не набедокурил. Задача офицера – подписывать бумаги, нести наказания и бежать в атаку, с тем чтобы его застрелили первым. Нянька в богатом доме недалеко ушла от прислуги, а значит, умеет создать эффект собственного отсутствия – эти же навыки требуются от сержанта. Однако в отношениях между Гаем и Сомсом данные принципы не соблюдались. Сомс благоговел перед офицерами на современный манер, то есть как перед людьми умными и просвещенными; вдобавок он делал различия между кадровыми и временными. Гая же Сомс рассматривал, как нянька, которая «сызмальства при господах», могла бы рассматривать жалкого приемыша, по одному (быстро миновавшему) капризу миледи взятого в дом и почти сразу сосланного к ней в комнату, а надолго или нет – неизвестно. Вдобавок Сомс был слишком молод, а Гай слишком немолод, чтобы Сомсу вообще примерять на себя нянькину роль. В армию Сомс пошел в 1937-м. На момент объявления войны и формирования бригады вот уже три месяца служил капралом; упомянутые события способствовали его безвременному продвижению. Сомс любил приврать и часто бывал разоблачаем. Взводом командовал Гай –

³¹ Джон Бойнтон Пристли (1894–1984) – английский романист, эссеист, драматург, театральный режиссер. В своих произведениях осуждал социальную несправедливость, порицал материальный интерес, прославлял в человеке духовное начало.

но без поддержки со стороны сержанта. Кстати, Сомс носил премерзкие гангстерские усики. И вообще во многом напоминал Триммера.

«Сколько ваших подчиненных вы внесли в мысленный список кандидатов на офицерский чин?»

Одного. Сержанта Сомса. Гай не просто «внес его в мысленный список» – Гай на днях подал майору Эрскину Сомсову характеристику.

– Понимаю, – прокомментировал майор Эрскин. – И не виню вас. Я сам нынче утром выдвинул кандидатуру Хейтера. Пускай теперь обучается на офицера связи ВВС, бог его знает, что там у них в программе. Подозреваю, не пройдет и года, как Хейтер до полковника дослужится. Вы вот предлагаете Сомса только потому, что он неприятный тип. Хороша же будет наша армия годика эдак через два, когда все дерьмо всплывет, как ему и свойственно.

– Сомс к нам не вернется, если его в офицеры произведут.

– Потому-то я и дам ход вашей бумаге. То же самое с Хейтером, если, конечно, он курс закончит, или что там от него требуется.

«Скольких ваших подчиненных вы знаете по именам и что вам известно об их характерах?»

Имена Гай выучил. Проблема была в другом – в соотношении имен с физиономиями. Физиономий каждый солдат имел три. Для стойки «смирно» надевал маску вроде тех, что лепят с покойников; при команде «вольно» и вообще на отдыхе, в палатке, по дороге в лавочку за шилом и мылом выражения варьировались. Преобладали бестолковые, реже попадались сердитые или обиженные. Наконец, при неофициальном обращении взводного физиономии снова становились на один манер – застывали в натянутой, но в целом дружелюбной улыбке. Большинство английских джентльменов того времени полагали себя способными внушать любовь низшим классам. Гай подобными иллюзиями не тешился. И все же ему казалось, что тридцать человек солдат ему симпатизируют. Впрочем, если бы вышло, что нет, не симпатизируют, Гай бы не слишком огорчился. Сам-то он симпатизировал. Он им добра желал. Он для них старался, конечно, по мере возможностей, предоставляемых невеликим чином. В случае необходимости Гай бы жизнью для своих солдат пожертвовал – гранату бы собой закрыл, последнюю каплю воды отдал и тому подобное. Но солдаты сливались для него в однородную массу – так же как офицеры-алебардчики, из которых Гай различал только нескольких, например майора Эрскина, более приятного ему, чем юнец Джервис, нынешний сосед по палатке, или де Сузу – с ним Гай старался держать ухо востро. Теплее, чем к своему взводу, роте и батальону, и вообще ко всем алебардчикам, Гай относился только к отцу, дяде, сестре, племяннику и племянницам. Негусто, однако есть за что Господу хвалу воздать.

И все бы ничего, но открывался сей неоднозначный катехизис вопросом, являющим собою квинтэссенцию самого Гаева присутствия среди случайных товарищей: «За что мы воюем?»

Составители «Инструкции» признавали, что прискорбно большое количество солдат затруднились ответить на данный вопрос. Интересно, Бокс-Бендер тоже затруднился бы? А Ричи-Хук – он-то хоть представляет, чего ради крушит и язвит? А что, если сам генерал Айронсайд не в курсе?

Гаю казалось, он знает то, что сокрыто от сильных мира сего.

Англия объявила войну, чтобы защитить независимость Польши. Теперь Польша, можно сказать, исчезла с карты, и две сильнейшие державы гарантировали ей смерть. Генерал Пэд-жет нынче в Лиллехаммере; сообщают, что дела весьма хороши. Но Гай-то знает: все скверно. Здесь, в Пенкирке, нет друзей, владеющих информацией, нет доступа к секретным папкам – только зачем они, если прямиком из Норвегии восточный ветер несет запах провала?

И однако, Гай сохранял тот же приподнятый настрой, что охватил его у гробницы сэра Роджера.

Да, сам Гай – неудачник со стажем; но это не значит, что Отечество его проиграет войну. Каждое очевидное поражение непостижимым образом поддерживает Англию. В неравных шансах всегда есть преимущество, по крайней мере так учит романтическая литература. Два условия справедливой войны – наличие правого дела и шанс на победу. Дело, вне всякого сомнения, правое. Враг превосходит и числом, и умением. Действия в Австрии и Богемии можно оправдать. Даже в споре с Польшей имеется оттенок благовидности. Но теперь враг превысил предел допустимого. Чем больше побед он одерживает, тем вернее вызывает неприязнь всего мира – и приближает к себе кару Господню.

Такие мысли одолевали Гая в тот вечер. Он стиснул Джарвисов медальон и стал молиться. Перед самым погружением в сон пришла последняя мысль, утешительная, хоть и эгоистичная. Как бы ни было скандинавам некомфортно под немецкою пятой, алебардщикам от этого сплошная выгода. Алебардщики предназначены для Особо опасных операций, а до сих пор возможности поучаствовать в этих самых операциях у них и не было. Теперь же открылось новое поле, точнее, побережье деятельности – знай успевай повергать, разить да крушить.

8

Повышение Эпторпа до капитана день в день совпало с назначением мистера Черчилля премьер-министром³².

Эпторпа предупредил начальник отделения личного состава, и вот Эпторп заслал денщика дежурить возле ротной канцелярии. Едва было получено первое распоряжение – гораздо раньше, чем его размножили, раздали и тем более прочли, – на Эпторповых погонах уже красовались капитанские звездочки. Остаток утра Эпторп благоговел пред собственным большим будущим – фланировал по лагерю, заглянул в медсанчасть, якобы за тонизирующим средством, в коем неожиданно возникла острейшая нужда, скомкал интендантово чаепитие. Вотще: нового созвездия упорно не замечали. Эпторпу оставалось ждать.

В полдень все четыре роты вернулись с учений. Эпторп, засевший в столовой, слышал радостные голоса и нестройный, нестройной топот. Ожидание подходило к концу.

– Эй, Краучбек, что будешь пить?

Гай удивился, ибо в последние недели Эпторп едва достаивал его парой слов.

– Эпторп, дружище, очень мило с твоей стороны. Все утро как заведенный. Миль десять прошагал, не меньше. Пиво, старина. Я буду пиво.

– А ты, Джервис? А ты, де Суза?

Чем дальше, тем удивительней: Эпторп никогда, ни на одном этапе собственной эволюции не заговаривал ни с Джервисом, ни с де Сузой.

– Хейтер, старина, не стесняйся – я угощаю.

– День рождения празднуем? А чей? – спросил Хейтер.

– Насколько мне известно, алебардщики в таких случаях всегда проставляются.

– В каких «таких»?

Роковою ошибкой с Эпторповой стороны было зацепить Хейтера. Хейтер в грош не ставил «временных», да и сам носил всего-навсего лейтенантские звездочки.

– Боже, – воскликнул Хейтер. – Неужто тебя в капитаны произвели?

– Постановление вступает в силу с первого апреля, – со скромною гордостью молвил Эпторп.

– О, и денек подходящий выбрали. Проставляешься, значит? Мне розовый джин.

³² Черчилль сменил на этом посту Невилла Чемберлена 10 мая 1940 г. Последнего вынудили к отставке из-за поражения в Норвегии, вызванного, по общему мнению народа и парламента, неразберихой и нерешительностью.

Бывали моменты – например, они бывали в спортзале, – когда Эпторп поднимался над собственной нелепостью. Сейчас настал такой момент.

– Крок, ты слышал? Принеси джентльменам, что заказано, – распорядился Эпторп и царственным жестом обвел вновь прибывших. – Начштаба, идемте к нам. Я угощаю. Подполковник, надеюсь, и вы не откажетесь.

Офицеры собирались на обед. Эпторп лучился щедростью. Кроме Хейтера, никто ему не завидовал.

Перестановка в кабинете министров осталась практически без внимания. Алебардчики не интересовались политикой – их дело была война. Вот когда зимой Хор-Белишу отправили в отставку, некоторые порадовались и посмаковали событие. С тех пор Гай не слышал, чтобы хоть один алебардчик упомянул имя политического деятеля. По радио периодически транслировали прогнозы мистера Черчилля. Гай находил, что мистер Черчилль выдает желаемое за действительное, тем более что за прогнозами через раз следовали сообщения о провалах на фронте, словно кара Господня из кипплинговского «Гимна отпуста»³³.

Гай полагал мистера Черчилля не более чем профессиональным политиком, топорно фальсифицирующим стиль эпохи Августа, сионистом³⁴, сторонником открытия народного фронта в Европе, приятелем газетных магнатов³⁵ и Ллойда Джорджа³⁶. Однажды Гая спросили:

- Дядя, что вы думаете об Уинстоне Черчилле?
- Тот же Хор-Белиша, только его шляпы почему-то принято считать нелепыми.
- Другие в Норвегии напортачили, а бедняге Черчиллю теперь отдуваться.
- Вы правы.
- Но Черчилль ведь не хуже своего предшественника?
- Пожалуй, Черчилль лучше.

Майор Эрскин подался вперед и лишь потом произнес:

- Черчилль – единственный, кто способен спасти нас от полного краха.

В первый раз Гай услышал из уст алебардщика предположение об исходе войны, несколько отличное от полной победы. Правда, перед алебардщиками недавно выступал один офицер, воевавший в Норвегии. Говорил он без обиняков – и о неграмотной загрузке судов, и о неожиданных результатах бомбардировок с пикирования, и о слаженных действиях предателей, и о многом другом. Он даже намекнул на невысокие боевые качества британских войск. Однако должного впечатления не произвел. Алебардчики остались при своем убеждении: от «штабных» и «хозчасти» никакого толку, все прочие полки можно назвать боевыми с большой натяжкой, а все иностранцы – предатели. Естественно, что дела идут из рук вон плохо, – они и не могут идти иначе, без алебардчиков-то. Мысль о вероятности поражения никого не посетила.

Новый чин Эпторпа вызывал куда больший интерес.

Это Ричи-Хук мог обезличиться, умалиться до призрака из викторианского замка. Не таков был Эпторп. В день своего продвижения он шел по плацу. На пути его случился Гай. Повинуясь порыву из тех, что более пристали четвероклассникам, однако срабатывают и

³³ Имеется в виду одно из самых известных стихотворений Р. Кипплинга, «Recessional». Автор просит Господа помиловать англичан за то, что, создавая Империю, они забыли Его, ради Которого Империя и создавалась. Последняя строфа в переводе Е. Кистеровой звучит так: За душу, что, оставив страх, Лишь дым и сталь опорой мнит, На прахе строит – дерзкий прах — И град свой без тебя хранит; Льет бред речей потоком вод — Помилуй, Боже, Свой народ!

³⁴ Черчилль одним из первых потребовал признания Израиля.

³⁵ Черчилль действительно был дружен с Максом Бивербруком, британским финансистом, политическим деятелем и издателем газет.

³⁶ Дэвид Ллойд Джордж (1863–1945) – британский политический деятель. В период англо-бурской войны выступал против политики Великобритании. Автор знаменитого «народного» бюджета, принятого в 1910 г. В 1911 г. провел закон о государственном страховании, дававший право на обеспечение по болезни и нетрудоспособности, а также закон о страховании по безработице. Оба закона были подвергнуты резкой критике, однако весьма помогли Англии в нелегкие послевоенные годы.

в армии, Гай изобразил лицом благоговение и отдал Эпторпу честь. Эпторп, серьезный как никогда, ответил по всей форме. После утренних возлияний он держался на ногах несколько нетвердо, однако ничто не нарушило торжественности момента.

Вечером того же дня, уже в сумерках, они снова встретились. Эпторп в последние несколько часов явно не расставался с бутылкой, ибо дошел до кондиции, которую сам называл «навеселе», а окружающие идентифицировали по нездешней торжественности лица. Когда Эпторп приблизился, Гай с изумлением заметил, что он в строгой последовательности выполняет телодвижения, в казарменном городке применяемые при отдании чести старшим по званию. Эпторп сунул трость под левую мышку, с живостью изобразил взмах правой рукой и устремил невидящий взгляд вдаль. Гай бросил добродушное «Добрый вечер, капитан» – и слишком поздно заметил, что Эпторпова ладонь успела взметнуться до уровня плеча с целью ответить на несостоявшееся приветствие. Рука упала, взгляд зафиксировался на противоположном краю долины, и Эпторп прошел мимо, громыхнув некстати подвернувшимся ведром.

Вероятно, давешнее Гаево приветствие запало ему в душу. Вечером Эпторп не обиделся, видимо, только по инерции. Зато на следующий день головокружение от успехов уступило место практичности, расстройству желудка и новой идее фикс.

Перед первым построением Эпторп сказал:

– Послушай, Краучбек, старина, я был бы очень тебе признателен, если б ты отдавал мне честь всякий раз, когда мы с тобой пересекаемся на территории лагеря.

– С какой это стати?

– Как с какой? Я же отдаю честь майору Тренчу.

– Еще бы ты не отдавал.

– А разница между ним и мною такая же, как между мною и тобой, старина, если, конечно, ты намек словил.

– Эпторп, милый мой, кому отдавать честь, когда и каким образом, нам популярно объяснили в первые дни службы.

– Неужели ты не понимаешь, что я – исключение? В истории полка прецедентов нет. Мы с тобой стартовали на равных условиях. Это было совсем недавно. Случилось так, что я стал лидировать. Естественно, будь у меня несколько лет опыта жизни в высоком чине, мой авторитет сам собой бы за эти годы накапливался. Но я выдвинулся неожиданно быстро. Мне придется первое время всячески укрепляться на новой позиции. Краучбек, пожалуйста, отдавай мне честь. Как друга тебя прошу.

– Извини, Эпторп. Не могу, и все тут. Сам подумай, каким болваном я буду себя чувствовать.

– Тогда хоть остальным мою просьбу передай.

– Ты серьезно? Уверен, что не передумаешь?

– Я на эту тему уже все передумал.

– Ладно, Эпторп, будь по-твоему. Передам.

– Конечно, я не могу приказывать. Преподнеси это как мое настоятельное пожелание.

Эпторпово «настоятельное пожелание» скоро было озвучено в массах, и несколько дней бедняга расхлебывал последствия. Завидя впереди офицера, Эпторп теперь напрягался, ибо не знал, чего ждать. Порой младший офицер отдавал ему честь с серьезнейшим выражением лица; порой проходил мимо, словно вовсе не замечая капитана Эпторпа; порой едва прикладывался к козырьку и бросал: «Привет, дядя».

Де Суза отличался особо изощренной жестокостью. При появлении Эпторпа он совал трость под левую мышку и переходил на строевой шаг, пожирая Эпторпа глазами. Однако, не дойдя до капитана двух шагов, де Суза внезапно забывал о выправке, выказывал огромный интерес к какому-нибудь случайному растению, а однажды рухнул на одно колено и, не сводя с Эпторпа преданного взгляда, сделал вид, что завязывает шнурок.

– Знаешь, дружище, а ты таки доведешь беднягу – он совсем ума решится.

– Ой, доведу, дядя. Как пить дать, доведу.

Веселье кончилось однажды вечером – подполковник Тиккеридж вызвал Гая к себе в канцелярию.

– Садитесь, Гай. Я хочу поговорить с вами неофициально. Меня очень беспокоит Эпторп. Скажите честно – у него с головой все в порядке?

– У Эпторпа свои странности, сэр. Впрочем, он вполне безобиден.

– Надеюсь, вы правы. А то я получил от него престранный рапорт.

– Видите ли, сэр, в день отъезда из Саутсенда с Эпторпом произошел очень неприятный инцидент.

– Мне об этом докладывали. Насколько я понял, как раз голова-то и не должна была пострадать. О чем бишь я? Да, о рапорте. Вообразите, Эпторп просит меня официально распорядиться, чтобы младшие офицеры отдавали ему честь. Согласитесь, это наводит на определенные мысли.

– Наводит, сэр.

– Или, пишет, обяжите младших офицеров отдавать мне честь, или приказом освободите от этой обязанности Гая Краучбека. Да-да, вас. И что я должен думать? Что вообще происходит?

– Полагаю, Эпторпа несколько рассердили.

– Правильно полагаете. А я вам больше скажу: вы – в смысле вы, офицеры, – перегнули палку. Передайте всем: немедленно прекратить шутки над капитаном Эпторпом. Вы, Гай, сами скоро можете оказаться в похожем положении. И поверьте мне: вам хватит забот и без усмирения остряков-самоучек.

Разговор происходил в тот самый день, когда немцы пересекли реку Маас. Правда, Пенкирк еще некоторое время пребывал в счастливом неведении.

9

Гай передал распоряжение подполковника Тиккериджа, и история, двусмысленно названная де Сузою «Дело о капитанской чести», на сем была закончена. Однако Эпторп неустанно изыскивал иные способы продемонстрировать собственные странности.

Взять, например, вопрос с викторианским замком. С первого дня назначения ротным в штабную роту, еще будучи в чине лейтенанта, Эпторп без видимых причин повадился два-три раза в неделю в замок, и всегда во время одиннадцатичасового перерыва на чай. Он терся поблизости от помощника начальника штаба бригады или от другого офицера примерно того же положения, и те, полагая, что Эпторп прислан с поручением, уделяли ему внимание. Таким способом Эпторп узнавал немало новостей второстепенной значимости, коими нередко удивлял начальника штаба. Покончив с чаем, штабные расходились по своим кабинетам, а Эпторп заглядывал к главному делопроизводителю с невинным вопросом: «Будут распоряжения насчет второго батальона?» После третьего визита делопроизводитель доложил начальнику штаба, с тем чтоб ему разъяснили, уполномочен ли Эпторп задавать подобные вопросы и получать на них ответы. В результате было распечатано постановление, напоминающее офицерам, что являться в штаб бригады они могут только по делам и только с разрешения соответствующего начальства.

Прочитав постановление, Эпторп не замедлил прийти к начальнику штаба.

– Я так понимаю, разрешения теперь должны спрашивать у меня?

– Бог с вами, Эпторп, откуда такие мысли?

– Оттуда, что командир штабной роты и всем штабом командует, что вытекает из названия должности. Логично?

- Эпторп, вы что, пьяны?
- Разумеется, нет.
- Ну так ступайте к командиру, он лучше умеет объяснять.
- Вы правы. В столь важном деле каждая деталь важна.

Подполковник Тиккеридж нечасто выходил из себя. Однако в то утро крики его разносились по всему лагерю. Наконец на пороге канцелярии появился Эпторп, как всегда невозмутимый.

- Дядя, что там с тобой делали? Вопли на плацу были слышны. Что стряслось?
- Пустяки: подполковника бюрократия достала.

Трагическая потеря бушбокса как бы явилась для Эпторпа прививкой от грядущих потрясений.

В те времена армию еще не осаждали психиатры – они появились позднее. Не то алебардчики, без сомнения, потеряли бы Эпторпа. А так Эпторп остался – к вящему удовольствию своих товарищей.

* * *

Самым ярким примером Эпторпова помрачения можно, пожалуй, назвать войну, которую бедняга в одиночку вел с Королевскими связистами. Навязчивая идея о преступном подчинении связистов доминировала над прочими Эпторповыми навязчивыми идеями во все время пребывания в Пенкирке; в итоге Эпторп сдался, но на почетных условиях.

А началось все из-за обычного недопонимания.

Эпторп при свете патентованной масляной лампы изучал свои обязанности и вычитал, что полковые связисты его батальона в административном отношении подчиняются ему.

С первой же секунды сия сентенция приняла в Эпторповом уме поистине угрожающие размеры. Эпторп уверился, что командир штабной роты не только участвует в сражении, но и контролирует его ход. Разве не это сказано в инструкции? На первое судьбоносное апреля батальон располагал десятью связистами. То были добровольцы, прельщенные кажущейся легкостью службы, практически необученные и оснащенные одними флажками. Эпторп же в числе прочих достоинств имел совершенное владение азбукой Морзе. Несколько дней кряду он лично занимался со связистами, невзирая на холод и сырость.

А потом в бригаду решили прислать Королевских связистов, ребят опытных, оснащенных радиотехническими средствами связи и собственным командиром. По чистой случайности их поселили по соседству со вторым батальоном. Их командиру было предложено питаться в столовой второго батальона, а не ходить в замок – миля туда, миля обратно. Их интенданту следовало получать все необходимое у интенданта второго батальона. Таким образом, Королевские связисты стали ассоциироваться со вторым батальоном, и ассоциация была весьма устойчивая.

Ситуация ни у кого не вызывала разночтений; ни у кого, кроме Эпторпа. Эпторп вбил себе в голову, что Королевские связисты должны подчиняться лично ему. В то время он еще носил чин лейтенанта. Командир связистов, тоже лейтенант, был много моложе, чем Эпторп, а выглядел много моложе, чем был. Звали его Данн. В столовой Эпторп сразу принялся опекать Данна и всем представлял его своим «новым подчиненным». Данн не совсем понимал, как к этому относиться, но, поскольку представления сопровождалась дармовой выпивкой и поскольку по натуре Данн был конфузлив и робок, он слова не сказал в свою защиту и даже, кажется, остался доволен.

На следующее утро к палаткам Королевских связистов был заслан Эпторпов денщик.

– Мистер Эпторп передает мистеру Данну наилучшие пожелания и просит мистера Данна сообщить, когда его подразделение будет готово к проверке.

– К какой проверке? Что, бригадир едет? Мне никто не докладывал.

– К проверке в лице мистера Эпторпа, сэр.

Данн был конфузлив и робок, но не до такой же степени.

– Скажите мистеру Эпторпу, я заканчиваю проверять свое подразделение, а как закончу, проверю его голову.

Денщик, старый алебардщик, и бровью не повел.

– Не могли бы вы дать ответ в письменном виде, сэр?

– Нет. Схожу-ка я лучше к начштаба.

Первая стычка обошлась без жертв и официоза.

– Не глумите, дядя.

– Но, сэр, по штату связисты подчиняются мне.

– Речь, дядя, идет о батальонных связистах. А эти – бригадные. – Далее начштаба взял тон, использовавшийся, как он полагал, Эпторпом на просторах Северной Африки: – Что тут непонятного? Данновы ребята – Королевские связисты. Их из бригады прислали. А ваши связисты – из Полка алебардщиков. Вы что, хотите, чтоб я вас знаков отличия лишил?

Впрочем, начштаба сгоряча применил упрощенный подход. На самом деле батальонные связисты, во всех остальных отношениях алебардщики, в вопросах специальной подготовки подчинялись командиру бригадных связистов. Сей факт Эпторп не мог – или не хотел – постичь; во всяком случае, он его не постиг. Когда бы Данн ни назначил учения, Эпторп на это же самое время изыскивал для своих связистов неотложные дела в лагере. Он пошел дальше: выстроил своих алебардщиков и запретил подчиняться всяким приказам, кроме его собственных. Попахивало официальным вмешательством.

На руку Эпторпу, вопреки противоправности его действий, играло то обстоятельство, что Данн не вызывал в полку симпатий. Когда Данн явился в канцелярию второго батальона, начштаба холодно сообщил, что столоваться во втором батальоне ему разрешили по доброте душевной, а вообще он относится к замку. Все жалобы на принимающую сторону будет рассматривать начштаба бригады, и никто другой. Данн поплелся в замок, где начштаба бригады посоветовал ему решить вопрос с подполковником Тиккериджем. Подполковник Тиккеридж в мягкой форме заметил Эпторпу, что его связисты должны работать вместе с бригадными связистами. Эпторп не замедлил отправить своих связистов в срочные отпуска по семейным обстоятельствам. Данн, уже далеко не такой конфузливый и робкий, снова зашагал к замку. Бригадир на месте не оказался – он был в Лондоне. Поэтому начштаба бригады зашивался с делами, как никто в Шотландии. Он пообещал поднять вопрос на ближайшем совещании командиров батальонов.

Эпторп тем временем будто забыл, что взял Данна под крылышко, и даже вовсе перестал с ним разговаривать. Ссора командиров повлияла на подчиненных. Связисты бранились при каждом удобном и неудобном случае. Данн обвинил шестерых алебардщиков в неподобающем поведении. Правда, в батальонной канцелярии у обвиняемых нашлось немало приятелей, всегда готовых лжесвидетельствовать в защиту чести полка, и подполковник Тиккеридж закрыл дело.

До сих пор дело не выходило за рамки личной неприязни, столь характерной для армии; от подобных дел оно отличалось лишь фактом отсутствия веских аргументов для обвинения Эпторпа. В разгар событий Эпторп получил капитана. В биографии этой неординарной личности получение нового чина равнозначно посещению Александром Македонским Сивы³⁷. Теперь Эпторпов статус изменился коренным образом. Враги вроде де Сузы перешли в разряд мелких бесов, пред Эпторпом лежала залитая светом дорога, в конце которой маячил поверженный, коленопреклоненный Данн.

³⁷ Именно в оазисе Сива (территория современного Египта, впадина Катгара, площадь 50 на 20 км) жрецами были подтверждены давние догадки Александра Македонского относительно собственного божественного происхождения.

Второго апреля, в полдень, Эпторп явился с инспекцией к бригадным связистам. Подоспевший Данн на секунду даже застыл от изумления.

Эпторп в очередной раз выказывал интерес к ботинкам. Он обнаружил один ботинок, требующий ремонта, и стоял теперь среди заинтригованных связистов, складным ножом отковыривая подошву.

– Оставим качество кожи, – вещал Эпторп, – к нему мы еще вернемся. Поговорим пока о том, что данный ботинок позорит всю Британскую армию. Взгляните на шов. Обратите внимание, как подогнан язычок. Особо отметьте расположение дырочек для шнурков. А теперь смотрите, как должен выглядеть ботинок, подобающий... – И Эпторп обрушил собственную ногу на ближайший сигнализатор, дабы каждый имел возможность восхититься.

– Какого черта вы здесь делаете? – завопил Данн.

– Мистер Данн, полагаю, вы на минуту забыли, что обращаетесь к старшему по званию.

– Какого черта вы делаете в моем подразделении?

– Подтверждаю подозрение, что в плане обуви у ваших подчиненных все запущено.

Фиаско, понял Данн. Искупить такое оскорбление можно только физической расправой, каковая расправа неминуемо повлечет самые серьезные последствия.

– Позже поговорим. Сейчас мои люди должны быть на построении.

– Только не делайте взысканий сержанту. Он несколько раз напоминал мне о построении. Это я задержал солдат.

Засим офицеры разошлись: Данн – в замок, жаловаться начштаба бригады, Эпторп – к себе в кабинет. Намерения его были куда более экзотические. Он бросил Данну вызов – предложил помериться силами перед всеми связистами на предмет знания морзянки. Данну разрешалось пользоваться гелиографом.

Бригадир был в замке. Он приехал лондонским ночным поездом, совершенно раздавленный новостями из Франции.

– К сожалению, сэр, у нас возникла серьезная проблема дисциплинарного характера. Как бы не пришлось передавать дело в офицерский военный суд, – осторожно произнес начштаба бригады.

– Слушаю вас, – откликнулся бригадир. Он смотрел в окно. Ему было не до дисциплины – бригадир тщился осмыслить страшные события, о которых узнал в Лондоне.

– Один офицер из второго батальона, – начштаба бригады несколько возвысил голос, – обвиняется во вторжении в палатки штаба бригады и намеренной порче солдатских ботинок.

– Вот как, – не удивился бригадир. – Он что же, был пьян?

– Никак нет, сэр, трезв.

– Что он говорит в свое оправдание?

– Уверяет, что ботинки никуда не годятся, сэр.

– Вот как, – повторил бригадир.

И отворотился от окна. Начштаба бригады с предельною точностью изложил суть конфликта между Данном и Эпторпом. Бригадир внимательно выслушал и спросил:

– А что, ботинки годились для отступления?

– Я пока не уточнял. Разумеется, когда у нас будет полная картина инцидента, этот момент тоже прояснится.

– Если ботинки годны для отступления, значит они годны для нашей армии. А солдат без ботинок, черт возьми, может попасть в плен. Проблема, как вы выразились, серьезная.

– Так я буду готовить дело для передачи в военный суд, сэр?

– Ни в коем случае. На это нет времени. Вы хоть понимаете, что вся наша армия, и французы заодно, бегут, бегут так, что только пятки сверкают, и даже отстреливаются только через раз? Пусть эти молодые придурки поработают вместе. Устройте для связистов бригадные

учения. Посмотрим, хорошо ли они знают дело. Пусть используют средства связи – хоть в ботинках, хоть босиком. И довольно об этом.

Итак, два дня спустя, после лихорадочной работы в замке и канцеляриях, бригада алебардщиков строевым шагом зашлепала по раскисшему Мидлоттиану.

Тот день остался в Гаевой памяти как самый бессмысленный и пустой за все время армейской службы. Гаев взвод залег на склоне холма и лежал в полном бездействии и жидкой грязи. Они оказались довольно близко от бригадного поста связи. Оттуда, с самого рассвета и до полудня, доносился монотонный, как дождь, и заунывный, как шаманское заклинание, речитатив:

– Нэн? Нэн? Как слышно? Как слышно? Прием. Нэн? Нэн? Как слышно? Как слышно? Прием. Кинг? Кинг? Как слышно? Прием. Нэн? Кинг? Ничего не слышно. Конец связи. Эйбл? Эйбл? Слышу тебя на единицу, наложение радиочастот пять баллов. Конец связи. Всем станциям! Эйбл? Бейкер? Чарли? Дог? Иззи? Фокс? Как слышно? Прием...

Тщетно взывал обессилевший шаман – духи были не в духе и мольбам не вняли.

Гаевы солдаты кутались в защитные накидки, жевали отсыревшие бутерброды. Наконец из тумана появился измученный связист. Его встретили язвительными замечаниями. Связист приблизился к станции и извлек из-под плаща лист бумаги, тоже сырой. Капрал-радист достал бумажку Гаю. «Эйбл, Дог, – прочел Гай, – прекратить работу радиостанции. Сообщение о конце учений будет передано через посыльного. Получение подтвердить».

Прошло еще два часа. Наконец с вершины холма к Гаю заковылял «посыльный». «От ком. 4 р. – ком. 2 вз. Учения прекращены. Сбор на перекрестке 643202 немедленно». Гай не видел смысла информировать связистов. Он построил свой взвод и направился к указанному перекрестку, а связисты остались на посту.

– Ну-с, – уже в столовой подытожил подполковник Тиккеридж, – о сегодняшнем безобразии рапорт мною уже составлен. Рекомендую отослать от нас бригадных связистов и вплотную заняться их подготовкой.

В полку сочли, что заслуга целиком и полностью Эпторпова. То как раз было время, когда Тиккеридж запретил травлю Эпторпа по поводу отдания чести, и целых два дня Эпторп наслаждался всеобщей угодливостью. А в день фиаско Королевских связистов он буквально купался в обожании. Наутро у палаток второго батальона остановились два мобилизованных автобуса. В них были погружены Королевские связисты – и увезены прочь.

– Хоть раз бригада показала, на что способна, – заметил де Суза.

Алебардщики поздравляли друг друга. То был настоящий триумф.

На самом же деле приказ об отозвании из полка Королевских связистов был отдан днем раньше и вдали от Лондона. В это время в дождливом Пенкирке еще только устанавливали антенны, а причиной отозвания явилась отнюдь не непригодность гелиографа.

Впрочем, знай алебардщики об этой причине, они бы только сильнее ликовали. Ибо причина была – начало военных действий для полка.

10

Каждую пятницу после построения для получения жалованья майор Эрскин в лекционной форме информировал свою роту о делах на фронте. В последнее время в его речи все чаще мелькали слова «клинья», «выступы», «прорыв линии обороны танками противника», «расширение плацдармов», «клеши» и «мешки». Эрскин давал полную – и мрачную – картину событий, а солдаты, в предвкушении отпуска, который начнется сразу после лекции, слушали вполуха.

В ту пятницу события развивались иначе. Через час после отъезда Королевских связистов вышел приказ, запрещающий все отпуска; следовательно, майор Эрскин имел дело с аудиторией внимательной и возмущенной.

– Сожалею, что вы остались без отдыха. Но приказ касается не только алебардщиков. Отпуска отменены во всех воинских частях Метрополии. Из коего факта можете делать выводы о чрезвычайной серьезности положения. Как вам известно, нынче утром были отозваны Королевские связисты. Некоторые из вас, вероятно, полагают, что их отъезд – результат вчерашних неудачных учений. Это не так. Днем у нас заберут все транспортные средства. Причина в следующем: наши подготовленность и оснащенность, что ни для кого не секрет, далеки от идеала. Специалисты и транспорт нужны во Франции. Немедленно. Из коего факта можете делать дальнейшие выводы о серьезности положения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.